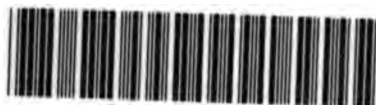

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA

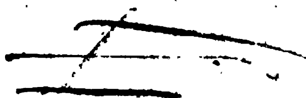

ARKHANGEL'SKY SBORNIK

(147)

ARKHANGEL'SKY SBORNIK

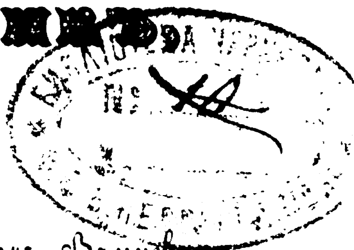
(147)

АРХАНГЕЛЬСКІЙ

ИСТОРИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ

Изданный Флегонтомъ Вальневымъ.

1844.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 4-го Августа 1844. Ценсоръ *С. Куторга.*

Монополія.

АНЕКДОТЪ ВРЕМЕНЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

I.

Со временъ открытія Англичанами порта Архангельскаго вся заморская торговля Россіи была въ рукахъ иностранцевъ, пользовавшихся значительными льготами, предоставленными нашимъ Правительствомъ. Только при Петрѣ Великомъ Русскіе купцы начали принимать нѣкоторое участіе въ этой торговлѣ, правда не всегда удачной: торговой балансъ былъ постоянно на сторонѣ иностранцевъ, которые такъ сказать хозяйничали въ нашихъ портахъ. Русскіе, подчиняясь вліянію биржевыхъ цѣнъ, произвольно установляемыхъ заморскими конторами, тщетно ломали головы надъ теоріей несбыточныхъ плановъ, стремившихся единственно къ подорванію вѣса иностранцевъ на нашихъ биржахъ, но не подвинулись ни на шагъ къ своей цѣли,—не по недостатку коммерческой изворотливости, а просто изъ боязни на первомъ шагу встрѣтить неудачи.

Въ блистательный вѣкъ Екатерины II, именитый Русскій купецъ И. Демутовъ, * мужъ свѣтлаго ума, стоической твердости характера, патріотъ въ полномъ смыслѣ этого слова, рѣшился на подвигъ, неслыханный въ торговомъ отношеніи. Путешествуя по Западной Европѣ, Демутовъ узналъ, что Англичане будутъ имѣть большое требованіе на пеньку въ нашихъ портахъ и возвратясь въ Россію, тотчасъ при вскрытіи рѣкъ нагрузилъ два Русскихъ корабля этимъ товаромъ и самъ отправился на нихъ въ устье Темзы. Это явленіе въ Лондонѣ произвело сильное волненіе въ умахъ торговыхъ и несказанно уязвило національное самолюбіе Англичанъ, которые еще ни разу не покупали Русской пеньки съ Русскихъ кораблей на берегахъ Темзы, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Лондонъ.

Одна мысль, что Русскій осмѣлился диктаторски назначать своему товару произвольную цѣну на ихъ биржѣ, приводила въ такое удивленіе и негодованіе, что самые степенные изъ Англійскихъ негоціантовъ не въ шутку спрашивали другъ-друга, правда ли, что все это дѣлается въ Лондонѣ? Демутовъ, объявя цѣну своему товару на Лондонской биржѣ, довольно выгодную для Англичанъ, ждалъ покупателей съ стоическою твердостію, не сбавляя цѣны ни на одинъ пенни. Иначе думали Англичане: въ насмѣшку предлагая за пеньку низкую цѣну, дешевле, чѣмъ продается на Русскихъ рынкахъ, они сдѣлали между торговымъ сословіемъ

---

* Имя героя этого событія мы не въ правѣ выдавать предъ публикою и потому прибѣгли къ псевдониму. *Изд.*

стачку не покупать пеньки Русскаго корабельщика и тѣмъ отвадить его отъ будущихъ предпріятій.

Іюнь былъ на исходѣ. Русскіе корабли стояли на рейдѣ Темзы, не обезпокоиваемые покупателями. Демутовъ въ мрачномъ уныніи прохаживался по палубѣ и вздыхалъ, занятый тяжкою думою; смѣтливые матрозы поняли критическое положеніе своего хозяина и не смѣли нарушить его мечтательности веселою Русскою пѣснею. Вдругъ какая-то свѣтлая мысль блеснула въ умѣ Демутова: иначе нельзя объяснить быстрый переходъ изъ мрачнаго положенія въ восторженное. «Рѣшено», сказалъ онъ громогласно, сѣлъ въ шлюпку и, выйдя на берегъ, отправился въ Парламентъ. Шумъ и говоръ представительнаго собранія чиновъ мало по малу утихъ, когда въ Русскомъ національномъ костюмѣ явился въ Парламентѣ важный Демутовъ и съ какою-то гордою миною подалъ Президенту просьбу.

Какъ! вскричалъ удивленный Президентъ, сжечь грузъ пеньки, такъ ли я понялъ вашу просьбу? Милорды и Господа, продолжалъ Президентъ, обращаясь къ своимъ сочленамъ, Демутовъ проситъ позволенія выгрузить изъ одного корабля на берегъ пеньку и сжечь ее; не противно ли это нашимъ законамъ?

Не мало, отвѣчали хоромъ юристы.

Это даже благоразумно, вскричали нѣкоторые изъ членовъ, бывшихъ въ заговорѣ противъ Демутова.

Парламентскіе адвокаты, перебравъ въ умѣ всѣ хартіи законовъ отъ временъ Вильгельма Завоевателя, не нашли

ни одной статьи въ опровержевіе такой неслыханной просьбы Демутова, которую рѣшено удовлетворить большинствомъ голосовъ 100 противъ 0.

Спустя нѣсколько дней объявили Демутову волю Парламента, согласную съ его просьбою. Поблагодаривъ Парламентскихъ Членовъ за такое снисхожденіе, Демутовъ распорядился выгрузкою пеньки на отведенное мѣсто въ предмѣстіи города. Англичане торжествовали. Говорятъ, что въ газетахъ появилась статья, исполненная похвалъ великодушію Русскаго, дышавшая впрочемъ чистою ироніею надъ его затѣйливою находчивостію сбывать Русскій товаръ въ Лондонъ такъ выгодно, какъ не приходило еще въ голову ни одному изъ Англичанъ, торговавшихъ въ Россіи. Демутовъ сдержалъ свое слово. Пирамидальный холмъ, составленный изъ кипъ Русской пеньки, сгорѣлъ какъ потѣшный фейерверкъ къ удовольствію Англійской черни, которая, въ знакъ благодарности за такую потѣху, расходясь по домамъ дружно апплодировала Русскимъ и махая шляпами кричала: vivat!

На другой день въ Лондонской биржевой залѣ подлѣ перваго Русскаго прейсъ-куранта прибитъ былъ другой. По сличеніи того и другаго, оказалась въ цѣнѣ разница поразительная. Демутовъ продаетъ остальной грузъ пеньки за такую цѣну, чего стоили оба груза въ сложности съ сожженною пенькою, убытокъ которой онъ относилъ на счетъ покупателей. Англичане расхохотались. Вѣрные принятой всѣми единодушно системѣ ожидали, чѣмъ еще потѣшитъ балагуръ Де-

мутовъ Англійскую ихъ ханару. Весь Іюль и Августъ мѣсяцы Демутовъ не сходилъ съ корабля и еженедѣльно возвышалъ на товаръ свой цѣну, означая въ прейсъ-курантахъ и мнимые барыши отъ товара и фрахтъ кораблей и содержаніе экипажа, словомъ всѣ проѣсти и волокиты ставилъ на счетъ Англійской націи, которая тѣшилась такою его замысловатою бухгалтеріею и ждала минуты, скоро ли Демутовъ подниметъ паруса и оставшійся грузъ пеньки повезетъ обратно въ Россію.

Въ концѣ Августа Демутовъ довершилъ удивленіе Англичанъ своею непоколебимою волею; вторично подалъ просьбу въ Парламентъ, прося позволенія сжечь остальной грузъ пеньки, которую везти въ Россію признавалъ невыгоднымъ потому, что она тамъ дешевле Англійскаго балласта. Президентъ Парламента глубокомысленно замѣтилъ, что жечь пеньку Демутовъ можетъ во всякое время на основаніи разъ навсегда уже даннаго разрѣшенія, не утруждая Парламентъ въ будущіе годы; но если бы Демутовъ кстати сталъ бы просить позволенія сжечь и Русскіе корабли: то объ отводѣ безопаснаго мѣста отъ Англійскаго торговаго флота нужно серьезно подумать. Демутовъ раскланялся и съ позволенія Парламента сжегъ и второй грузъ пеньки, на которую не нашлось покупателей. На этотъ разъ многіе изъ Англичанъ не въ шутку призадумались надъ такою выходкою и въ твердой увѣренности, что Демутовъ пускаетъ имъ пыль въ глаза отъ своихъ избытковъ богатства, начали въ душѣ уважать этого Русскаго выходца. Иные, сжалившись надъ его положеніемъ, предлагали Демутову, какъ бы въ вознагражденіе убытковъ, Ан-

глійскіе колоніальные товары по самой дешевой цѣнѣ и на выгодныхъ условіяхъ; но онъ предпочелъ этимъ товарамъ Англійскій балластъ, которымъ нагрузилъ свои корабли. Письменно поблагодаривъ Парламентъ въ отборныхъ учтивыхъ выраженіяхъ за покровительство Русской торговлѣ, возвратился онъ въ Россію, твердо рѣшившись объявить себя банкротомъ.

II.

Сентябрь 178.-го года приближался къ концу. Въ одинъ осенній день, отличавшійся отъ пасмурныхъ прекрасною погодою и благорастворенным воздухомъ, замѣтили въ Петербургѣ необыкновенное движеніе лицъ высшаго сословія, разсѣявшихся для прогулокъ по городу, какъ бы въ вознагражденіе кратковременнаго лѣта, невыгодно проведеннаго на дачахъ. — Блестящая придворная карета, катившаяся мимо Лѣтняго сада, по мановенію одной изъ двухъ дамъ, сидѣвшихъ въ экипажѣ, остановилась у воротъ. Двѣ стройныя женщины, войдя въ садъ въ сопровожденіи придворнаго камеръ-лакея, пошли по главной аллеѣ, разговаривая между собою по-Русски, языкомъ аристократическимъ, и, дойдя до конца аллеи, возвратились обратно.

— Надобно проститься на зиму и съ этимъ священнымъ убѣжищемъ, сказала одна изъ дамъ и поворотила въ аллею, ведущую въ домику Петра Великаго.

Еще до прiѣзда этихъ дамъ, давно уже прохаживался въ уединенныхъ аллеяхъ сада человѣкъ съ грустною думою на челѣ и съ поникшею головой. Въ тотъ мигъ проходилъ онъ мимо крыльца и, случайно взглянувъ въ сторону, остановился на этомъ мѣстѣ какъ вкопаный, быстро снявъ шляпу.

— Матушка, Всемилостивѣйшая Государыня! воскликнулъ онъ, падая на колѣна и воздѣвъ руки къ верху,—будь избавительницею вѣрнаго раба Твоего отъ бѣды; не дай врагамъ святой Руси осмѣять вѣрныхъ сыновъ Твоихъ!

— Не кланяйся Демутовъ, встань и разскажи въ чемъ дѣло, отвѣчала Екатерина Великая, ласково смотря на своего подданнаго. Я не думаю, чтобы ты былъ преступникъ, продолжала она, всходя на лѣстницу въ сопровожденiи придворной дамы. — Ваше Величество! продолжалъ Демутовъ, ревность моя не по разуму и козни Англичанъ довели меня до того, что вѣрный рабъ Твой будетъ нищимъ, преступникомъ, банкротомъ безъ Твоего великаго заступничества. Торговля моя пенькою въ Англiи не удалась: Англичане стакнулись не покупать её и сдержали слово; первою моею торговою попыткою я не хотѣлъ обезкуражить Русскихъ купцовъ и боялся обстыдить неудачею въ лицѣ моемъ все Русское купеческое сословiе; для того ли, думалъ я, Великiй Петръ открылъ намъ путь по морямъ, чтобы привозить обратно въ Россiю Русскiй товаръ и, простите Милостивая Монархиня! стыдъ свой я оставилъ на берегахъ Темзы: горько было подчиниться своевольству Англичанъ, которые насъ въ нашихъ же портахъ обторговываютъ; я сжегъ два груза пеньки и раззорил-

ся въ конецъ. Одна Державная десница Твоя, Государыня! можетъ воскресить убитаго горестью и стыдомъ и отмстить сынамъ Альбіона за безчестіе, нанесенное Русскому торговому флагу.

Демутовъ палъ въ ноги и горько плакалъ. Это было въ домикѣ Петра Великаго. Императрица, тронутая критическимъ положеніемъ Демутова и можетъ быть, въ душѣ уважая національную Русскую гордость его, нѣсколько минутъ сидѣла въ безмолвномъ размышленіи. Можетъ быть она взвѣшивала въ умѣ рѣшительный поступокъ его съ характеромъ, достойнымъ находчивости Русскаго и, одобряя внутренно такую отвагу, придумывала средства къ поддержанію Демутова, который былъ ей лично извѣстенъ, какъ одинъ изъ Русскихъ купцовъ, отличавшихся патріотическимъ образомъ мыслей. Вдругъ свѣтлая мысль озарила задумчивый взоръ Екатерины. Она встала и, подавая руку Демутову, который облобызалъ ее съ благоговѣніемъ, сказала камеръ-лакею при выходѣ, указывая на Демутова: когда онъ явится во дворецъ, — допустить ко Мнѣ; Я назначила ему аудіенцію въ присутствіи графа Безбородко.

Собравшіеся передъ воротами сада толпы народа радостными кликами встрѣтили и проводили свою Государыню, вознаградившую неподдѣльныя чувства подданныхъ ласковымъ привѣтствіемъ, поклонами и Царственною улыбкою.

Спустя нѣсколько дней Демутова потребовали къ Государынѣ и вышелъ изъ дворца съ такимъ веселымъ лицемъ, что по видимому онъ переродился: живость разговора,

привѣтливость, бодрая осанка замѣнили угрюмость и сварливость, привезенныя имъ изъ морскаго вояжа, въ которомъ онъ, говорятъ, посѣдѣлъ въ одно лѣто отъ своей неудачи. Демутовъ отправился изъ Дворца прямо въ Казанскій Соборъ. Послѣ вечерни онъ долго не могъ дождаться очереди отслужить благодарственный молебенъ за милости Великой Государыни. — Болѣе часа стоялъ онъ у церковной колонны; слезы его текли ручьями. Внезапный переходъ отъ ужаснаго горя къ неожиданной радости такъ потрясъ его душу, что онъ задыхался отъ избытка чувствъ благодарности къ Тому, къ Кому взывалъ въ день скорби и Кто услышалъ его. Возвратившись въ домъ къ своему грустному семейству, Демутовъ объявилъ, что взысканный милостями Государыни (о которыхъ долго никому не смѣлъ повѣдать), онъ не боится нищеты и тѣхъ неудачъ, которыя угрожали ему явнымъ банкротствомъ.

III.

Иностранцы, издавна привлеченные выгодами внѣшней торговли въ гильдіи Русскаго купечества и не встрѣчавшіе большаго соперничества Русскихъ въ заграничной морской торговлѣ, по ограниченности Русскаго коммерческаго флота, еще въ началѣ Царствованія Екатерины Великой были полными распорядителями и почти хозяевами въ нашихъ портахъ. По большей части агенты иностранныхъ торговыхъ домовъ, сильныхъ матеріальными средствами, составившимися

на началахъ компанейства — эти иностранцы были ни чуть не выше прикащиковъ или коммиссіонеровъ заморскихъ, но имѣя въ рукахъ готовые для оборотовъ капиталы и грузы колоніальныхъ товаровъ всѣхъ націй, они, сбывая ихъ на Рускія сырыя произведенія земли, всегда имѣли вѣрный случай покупать товары наши изъ первыхъ рукъ и тѣмъ съ большею выгодою, что Русскіе, не имѣя собственныхъ средствъ соперничать въ торговлѣ внѣшней, ограничивались внутреннею въ приморскихъ портахъ, биткомъ набитыхъ иностранными кораблями. При такомъ превосходствѣ иностранцевъ предъ Русскими весьма понятны и причины почти постояннаго упадка цѣнности нашихъ сырыхъ произведеній. Диктаторскій голосъ ихъ въ установленіи цѣнъ биржевыхъ не могъ быть опровергнутъ Русскими, которые торговали, такъ сказать, въ разсыпную, безъ единства и часто соревновали въ подрывѣ своихъ собратій. Это самое доставило иностранцамъ такой вѣсъ, что для подорванія ихъ могущества нужна была сильная рука: Императрица Екатерина въ видѣ опыта разрѣшила монополію касательно отпуска за границу пеньки, которую во всѣхъ портахъ иностранцы должны были покупать изъ рукъ Демутова.

Пенька, этотъ Русскій продуктъ, постоянно поддерживавшій грозное величіе Англійскаго торговаго и военнаго флотовъ, былъ для нихъ такъ же необходимъ, какъ воздухъ для человѣка. Съ наступленіемъ лѣта предстояла въ ней надобность повсемѣстная. Возмущенія въ Англійскихъ Американскихъ колоніяхъ, замышлявшихъ отложиться, требовали

присутствія военной эскадры и Англійскіе купеческіе корабли влетали одинъ за другимъ въ наши порты, требуя грузовъ пеньки. Настала пора расплатиться за оскорбленіе Русскихъ на берегахъ Темзы. Демутовъ назначилъ за пеньку такую огромную цѣну, что поставилъ Англичанъ между двумя крайностями: или покупать ее почти на вѣсъ гиней, или грузить корабли лыками. Крайность заставила Англичанъ подчиниться могуществу монополіи, которая сильно повредила видамъ Англійскихъ торговыхъ домовъ и нанесла неожиданный ударъ ихъ кредиту. Такой уронъ продолжился нѣсколько лѣтъ сряду. Англичане наконецъ поняли, что убытокъ за сожженную Демутовымъ пеньку палъ на ихъ карманы; месть, возникшая на нихъ въ видѣ монополіи на этотъ товаръ, удовлетворилась огромною контрибуціею, которую Демутовъ собралъ съ Англичанъ въ несмѣтныхъ барышахъ и которою расквитался за униженіе достоинства Русскаго торговаго флага.

Говорятъ, что Демутовъ не остался въ долгу предъ милостями Государыни: онъ отъ избытковъ своего богатства отдѣлилъ для Богоугодныхъ заведеній значительный капиталъ, которымъ положилъ прочное начало въ основаніи Воспитательныхъ домовъ въ Россіи, воздвигнутыхъ человѣколюбіемъ Великой Екатерины.

Флегонтъ Вальневъ.

Евангельская притча.

Разъ Спаситель проповѣдуя —
Былъ на масличной горѣ;
Молча сѣлъ Онъ, не бесѣдуя,
Возносясь умомъ горѣ.

Вдругъ враги его заклятые
Привели къ нему одну,
Въ преступленьи тяжкомъ ятую
Беззаконную жену;

И рекли они Спасителю:
Вотъ преступница, она
Была нами— о Учителю! —
Во грѣхѣ уличена.

А Пророкъ узаконеніемъ,
Заповѣданнымъ для всѣхъ,
Побивать велѣлъ каменіемъ
За такой ужасный грѣхъ.

Что намъ дѣлать? заслуженную
Казнь велишь ли совершить?
Иль отпустишь осужденную?
Грѣхъ рѣшишься ль ей простить?

Но молчаніемъ торжественнымъ
Отвѣчалъ Онъ— и потомъ,
Преклоня главу, Божественнымъ
На пескѣ чертилъ перстомъ.

Для народнаго жъ собранья
Онъ прервалъ— но не для нихъ —
Безглагольное молчаніе
Устъ Божественныхъ Своихъ:

— Кто безгрѣшенъ? пусть покажется,
И повергнетъ на нее
Первый камень, да накажется
Беззаконіе ее!

Такъ вѣщалъ Онъ и— смущенные
Возраженіемъ Его—
Удалились пристыженные
Фарисеи отъ Него.

И прощая согрѣшеніе
Онъ сказалъ ей: гдѣ жъ твой судъ,
Что тебя за преступленіе
Осудилъ да убіютъ?

«Нѣтъ, Равви!— моихъ губителей!»
Съ миромъ— рекъ Онъ ей— ступай;
Но страшися соблазнителей,
И къ тому не согрѣшай!

Никифоръ Борисовъ.

Пасха.

Настала ночь: я въ размышленьи.
Мысль о предшествующемъ днѣ
Въ святой восторгъ и умиленье
Приводятъ душу: въ тишинѣ
Священной ночи и съ душою
Святая вѣра говоритъ.
Она отрадною звѣздою
Во тьмѣ минувшаго горитъ!
О эта ночь — источникъ свѣта:
Ея таинственная мгла
Святыней ветхаго завѣта
Въ вѣка минувшіе была.
Тогда какъ Ангелъ истребленья,
Въ ночь эту посланный Творцомъ,
Въ Египтѣ пламеннымъ мечемъ
Сразилъ всѣхъ первенцовъ рожденья:
Священный агнецъ призывалъ

Сыновъ избраннаго народа;
Имъ этотъ агнецъ въ ночь исхода
Изъ странъ Египта подтверждалъ
Законъ великій и священный.
Съ тѣхъ поръ въ ночь эту каждый годъ
Отъ агнца Пасхи сокровенной
Вкушалъ Израильскій народъ.
Прошли вѣка и снова приближался
Великій Пасхи день; но отъ чего
Не съ радостью и вѣрой дожидался
Народъ Израильскій его?
Смятеніе въ стѣнахъ Іерусалима;
Его народъ неистово возсталъ
И въ ярости ничѣмъ неукротимой
О чьей-то казни вопіялъ.
Кто жъ эта жертва злобы ослѣпленной,
Не уничтоженной и святостію дней;
Чью принялъ кровь Израиль изступленный
И на себя, и на дѣтей?
То не Пророкъ отъ Бога вдохновенный,
Но Тотъ, о Комъ Пророки прежнихъ лѣтъ
Намъ предрекли Таинственный Завѣтъ,
Сынъ Божій въ образъ смертныхъ облеченный,
Божественный Страдалецъ на землѣ;
Онъ предался позору въ багряницѣ,
На мѣсто скиптра съ тростію въ десницѣ,
Съ вѣнцомъ терновымъ на челѣ!

Онъ предался на смерть и на страданье,
Чтобъ кровію Своею искупить
Грѣхи земли и падшее созданье
Съ Творцомъ достойно примирить. —
Онъ къ мѣсту страданій и смерти обѣтной
Несъ крестъ Свой и тамъ въ тотъ таинственный часъ,
Когда закалаемъ былъ агнецъ завѣтной
Божественный агнецъ погасъ!
И завѣса въ Храмѣ, за коей таилась
Святая Святыхъ отъ грѣховныхъ очей
Расторглась отъ края до края и съ ней
Дверь вѣчности снова для смертныхъ открылась.
Земля потряслася; глубокая мгла
Внезапною ночью на землю легла;
Распалися камни; расторглись могилы,
Усопшіе встали изъ тлѣнныхъ гробовъ
Трепещетъ Израиль, внимая уныло
Какъ голосу Неба раскатамъ громовъ.
Прошли три дня; во гробѣ за печатью
Святое тѣло стража берегла;
Вотъ третья ночь съ небесной благодатью
На землю искупленную легла.
Въ эту ночь передъ разсвѣтомъ
Вновь потрясся міръ земной:
Гробъ Господень яркимъ свѣтомъ
Просіялъ во тьмѣ ночной?
И нашъ Искупитель, — Сынъ Славы Небесной

Явился въ лучистомъ вѣнцѣ торжества,
Одѣянный ризою свѣта чудесной,
Со взоромъ, лiющимъ лучи Божества.

И въ этотъ мигъ раздался хоръ нетлѣнныхъ
Хоръ свѣтлыхъ Ангеловъ съ небесъ;
Онъ возгласилъ надъ мiромъ искупленныхъ:
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Въ невольномъ ужасѣ и страхѣ,
Внимая голосу небесъ
Упала стража и во прахѣ
Рекла: во истинну воскресъ!

Такъ совершилась тайна искупленья.
Вновь гордой адъ смиренъ; онъ вновь въ цѣпяхъ
И снова для преступнаго творенья
Доступна вѣчность въ небесахъ!

Кто жъ въ этотъ день святыхъ воспоминанiй
Въ душѣ своей восторга не найдетъ?
Не заглушитъ въ груди земныхъ страданiй;
Руки врага съ улыбкой не сожметъ.
Кто безъ слезы святаго умиленья,
Безъ трепета, съ холодною душой
Коснется тайнъ священныхъ искупленья,
Запечатлѣнныхъ Кровiю Святой.
Христiанинъ! проснись отъ грезъ ничтожныхъ —
Отъ суеты земнаго бытiя;
Спѣши во храмъ и пусть безъ думъ тревожныхъ
Затеплится мольбой душа твоя!

Но чрезъ порогъ таинственнаго храма
Безъ теплой вѣры въ сердцѣ не входи
И не сжигай святаго ѳиміама,
Когда нѣтъ жертвы въ пламенной груди.
Намъ на землѣ одинъ путеводитель —
Святая вѣра: яркою звѣздой
Зажегъ ее надъ міромъ Искупитель,
Чтобъ озарить путь къ истинѣ святой.
Иди по немъ съ надеждой и любовью,
Не уклоняясь тяжкаго Креста;
Онъ освященъ мученіемъ и кровью
За грѣшный міръ страдавшаго Христа!

А. Лузиковъ.

Грамота

двухъ посадниковъ.

Отъ Посадника Якова Федоровича. отъ Посадника Іева Тимоѳѣевича. отъ Сочкого Івана. Се позва Власко ту Тиунъ Вячеслава и всѣхъ Княжьостровчевъ на судъ дворяны Степанкомъ и Иванкомъ а рка такъ: кладете на мене розрубъ а язъ у васъ не живу. и Вячеславъ и вси Княжьостровчи сташа на судѣ и ркоша: нашь еси братъ Княжьостровецъ аси намъ есте заемщики отецъ тове и ты. и Посадники вспросиша у Власка: жилъ ли еси на Княжоостровѣ давалъ ли еси скняжостровци розрубъ и Власке рце: жилъ есмь и розрубъ есмя сними давалъ: і посадники обыскавъ судомъ Вячеслава и всихъ Княжьостровче оправиша, а Власка обиниша и даша Вячеславу и всѣмъ Княжьостровчемъ грамоту судную правую—потянетъ Власке скняжьостровци въ старину какъ отецъ его тянулъ а потомъ тяжа не надобѣ.

Грамота эта длиною 3³/₄ вершк., а шириною 1¹/₂ верш. писана церковными буквами на пергаминѣ и то по одной сторонѣ, а другая сторона бѣлая. Другихъ знаковъ препинанія нѣтъ кромѣ точки, поставленной послѣ каждой рѣчи въ срединѣ строки. Внизу грамоты привѣшены на шнурахъ двѣ свинцовыхъ пломбы величиною каждая въ двукопѣечную монету прежняго чекана. На первой пломбѣ вытиснуты выпуклыми церковными буквами слова: ПЕЧАТЬ Иквил, *а на оборотѣ:* Тимофѣевича. *На второй пломбѣ съ барельефными кругомъ украшеніями:* Печать Якова Федоровича сіято. *На оборотѣ словъ нѣтъ, но вытиснутъ скорпіонъ съ открытою пастью. Вѣроятно это гербъ Посадника.*

Санъ-Доминго де ла Кальцада,

ИСПАНСКАЯ ЛЕГЕНДА ТРОМЛИЦА.

[illegible] послѣдній походъ въ Испанію, я квартировалъ у лекаря въ небольшомъ городкѣ—Кальцадѣ. Гордый Эскулапъ, высоко цѣня свое званіе, ровно не понималъ ничего въ медицинѣ, но мнѣ до этого мало было дѣла: я уважалъ его за то, что подъ одною кровлею жилъ съ прелестною дочерью его Донною Зоею. Она была не по лѣтамъ богомольна, часто посѣщала приходскую Церковь, куда и я отправился на другой день пріѣзда въ слѣдъ за нею. Въ храмѣ, осѣненномъ густою тѣнью лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, царствовала глубокая тишина, нарушаемая изрѣдка вздохомъ молящихся или стройною гармоніею органа. Я былъ молодъ и разсѣянъ; отыскивая взорами Зою, я услышалъ позади меня громкое пѣніе пѣтуха. Оглянувшись, къ удивленію моему увидѣлъ я бѣлаго какъ снѣгъ пѣтуха и бѣлую курицу въ большой позолоченной клѣткѣ, висѣвшей у церковной колонны.

Возвратившись домой, поспѣшилъ я къ Зоѣ въ ея комнату. Скажите, Донна! какимъ образомъ въ вашу церковь могъ попасть пѣтухъ съ своею сожительницею. Это право прелюбопытно.

Такъ вы еще не знаете этого, Синьоръ? воскликнула съ удивленіемъ молодая богомолка. Стыдитесь, вѣдь вы уже другой день въ Кальцадѣ.

Право нѣтъ, моя милая! отвѣчалъ я. Еслибъ этотъ пѣтухъ не запѣлъ во время служенія, я оставилъ бы Кальцаду, не узнавъ, какъ эта птица, возвѣстившая нѣкогда отреченіе Св. Петра, очутилась въ вашемъ храмѣ.

Хорошо. Если вы хотите выслушать терпѣливо и не помѣшаете, какъ вчера, когда я играла на мандолинѣ, такъ я вамъ расскажу достопамятную исторію этого пѣтуха. Садитесь туда въ дальнія кресла.—Я повиновался и она начала разсказъ.

Это было очень давно. Въ здѣшній городъ прибылъ Доминго де Вилларсалъ, молодой человѣкъ съ своими родителями на пути въ Логроньо; они ѣхали туда на богомолье. Отецъ его заболѣлъ и все семейство по необходимости осталось въ городѣ. Мать и сынъ ежедневно ходили въ церковь молиться Мадоннѣ о выздоровленіи больнаго. Случилось такъ, что дочь богатаго ювелира Донна Іозефа, увидѣвъ Доминга во время усерднаго моленія, плѣнилась его наружностію. Лукавый до того овладѣлъ ея сердцемъ, что она воспламенилась любовью къ молодому пришельцу. Ежедневно видѣла она его въ храмѣ и любовь со дня на день возрастала. Же-

лая сблизиться съ Доминго, Іозефа притворилась сестрою милосердія, когда узнала домашнія его обстоятельства: она ухаживала за больнымъ, утѣшала его, предупреждала малѣйшія желанія. Доминго, исполненный чувствъ благодарности за ея попеченія, однажды навѣстилъ Іозефу въ ея домѣ и въ привѣтливыхъ выраженіяхъ благодарилъ за всѣ одолженія, приписавъ ей свойства ангела - утѣшителя. Влюбленная Іозефа иначе растолковала смыслъ этихъ словъ: она мечтала, что слышитъ признаніе его въ любви и въ пламенныхъ выраженіяхъ раскрыла ему сердечную свою тайну; но каково было ея удивленіе, когда Доминго рѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ, что сердце его, посвященное Богу, мертво для земной любви и что она жестоко ошиблась въ своихъ расчетахъ.

— Ахъ какой глупецъ, воскликнулъ я, вскочивъ съ кресла и вмигъ очутился на канапе возлѣ Зои, которую съ нѣжностію обнялъ. И онъ отвѣчалъ холодностію на любовь своей благодѣтельницы! вотъ чудакъ. Признаюсь, если Іозефа и въ половину была такъ прекрасна какъ вы: то и тогда за ея качества я отказался бы отъ небесной любви и предпочелъ бы земную.

Еретикъ! сказала шутливо Зоя, отодвинувшись отъ меня; однакожъ продолжала хладнокровно: прошу васъ Синьоръ, не останавливать меня, иначе мнѣ не кончить разсказа до завтра.

Доминго, исполненный небесныхъ помысловъ, описалъ ей царство небесное, чистилище и рай и простившись, ушелъ въ церковь. Въ этотъ разъ молился онъ не объ отцѣ, но о соблазнительницѣ, прося Бога обратить ее къ добродѣтели.

Такъ прошло нѣсколько дней, Іозефа видѣла его только въ храмѣ. Грозный взоръ Мадонны надъ алтаремъ не могъ отвратить ее отъ молодаго Доминго. Страсть ея день ото дня болѣе разгаралась. Старикъ выздоровѣлъ: назначенъ день отъѣзда. Доминго еще разъ пошелъ къ Іозефѣ, благодарилъ за ея заботливость о больномъ, увѣщевалъ ее обратиться къ добродѣтели; но она не могла уже владѣть своими чувствами: бросившись къ нему въ объятія, призналась, что безъ него нѣтъ для нея блага въ этомъ мірѣ.

— Пожатіе моей руки остановило расказъ Зои. — Она вопросительно окинула меня своимъ пламеннымъ взоромъ и потомъ свободно продолжала:

Доминго мужественно устоялъ противъ искушенія; сравнивая ее съ женою Пентефрія, а себя съ Іосифомъ, прогремѣлъ ей проклятіе Божіе и удалился съ негодованіемъ. Не скажите: въ состояніи ли отвергнутая любовь перенесть презрѣніе и не превратиться въ непримиримую ненависть. Любовь Іозефы исчезла отъ укоризненныхъ словъ Доминго и вотъ вамъ образчикъ того, какъ лукавый рачительно запутываетъ въ сѣти тѣхъ, кто разъ совратится съ пути правды. При выходѣ изъ комнаты глашатая правилъ добродѣтели, Донна Іозефа непримѣтнымъ образомъ опустила въ карманъ его драгоцѣнную цѣпочку.

Доминго, твердый упованіемъ на Бога и обрадованный скорымъ выздоровленіемъ отца своего, спокойно оставилъ Кальцаду и продолжалъ странствованіе въ Логроньо, какъ вдругъ остановили его на дорогѣ полицейскіе; обыскавъ его, нашли

цѣпочку и повели обратно въ Кальцаду къ судьѣ. Увѣренія Доминго въ невинности его оставались тщетными. Цѣпочка была достаточною уликою въ преступленіи, чтобы осудить на смерть: Доминго былъ повѣшенъ.—Іозефа видѣла, какъ вели его на висѣлицу и была свидѣтельницею позорной смерти.

—Какъ жестоки женщины! Кого вы любили, преспокойно можете казнить, воскликнулъ я и, прижавъ къ сердцу Зою, отмстилъ ей жаркимъ поцѣлуемъ за обиду, нанесенную всѣмъ мущинамъ въ лицѣ Доминго. Синьоръ! вскричала съ горячностью Зоя и спрыгнула съ софы. Но, спустя мгновеніе, громко захохотала, снова сѣла на софу сказавъ: вы, Синьоръ, вѣрно не подвергнетесь смертной казни за жестокость противъ женскаго сердца, въ этомъ я положительно увѣрена вашимъ обращеніемъ. Однакожъ перестаньте повѣсничать, иначе мнѣ не кончить легенды.—Я повиновался и она продолжала:

Неутѣшные родители Доминго отправились въ Логроньо, усердно молились Мадоннѣ о успокоеніи души единственнаго сына, хотя твердо увѣрены были въ его невинности. Осиротѣлые возвратились они на родину; но материнское сердце не находило покоя, оно снова указало путь къ трупу Доминго, оставленнаго на висѣлицѣ городскими властями, въ предостереженіе людей отъ порока. Чадолюбивая мать явилась на площадь Кальцады. Увидя сына, пала на колѣна, вознося усердныя молитвы къ Богу. Былъ полдень: мракъ ненастной погоды скрывалъ трупъ висѣльника въ густой атмосферѣ. Вдругъ слышитъ она голосъ въ воздухѣ: я, сынъ твой Доминго, живъ покровомъ Св. Дѣвы; иди къ Судьѣ: пусть онъ прикажетъ

снять меня съ этого позорнаго мѣста. Ты колеблешься: вѣрно у тебя недостаетъ упованія на Бога!—Въ трепетѣ мать поднялась съ земли; но блуждающіе взоры не замѣтили въ сынѣ и признака жизни: онъ висѣлъ неподвижно. Въ твердомъ упованіи на помощь свыше она отправилась въ домъ судьи, котораго нашла за обѣденнымъ столомъ, пирующаго въ кругу гостей.

Правосудный Господинъ, сказала она съ твердостью Судьѣ, недовольному неожиданнымъ появленіемъ, убѣдительнѣйше прошу васъ приказать снять съ висѣлицы сына моего Доминго, несправедливо осужденнаго; онъ всенародно докажетъ свою невинность; онъ живъ заступленіемъ Св. Дѣвы. Я слышала голосъ съ небесъ!

Старуха! вскричалъ въ гнѣвѣ судья, вскочивъ съ креселъ, ты осмѣливаешься называть приговоръ мой несправедливымъ; убирайся къ чорту, иначе тебя повѣшу въ придачу къ сыну.

Эта угроза ни мало не поколебала твердости матери; она съ настойчивостью обратилась къ судьѣ. Государь мой! гдѣ Богъ повелѣваетъ, тамъ вамъ остается молчать и исполнять. Повторяю: сынъ мой живъ.

Живъ! прервалъ Судья съ злобною улыбкою: да этому столько же можно повѣрить, какъ тому, что эти изжаренныя курицы на моемъ столѣ оживутъ, побѣгутъ по землѣ и запоютъ.

И вдругъ съ большаго серебряннаго блюда величественно поднялся пѣтухъ, бѣлый какъ снѣгъ; важнымъ шагомъ подошелъ къ судьѣ и хлопнувъ троекратно крыльями, про-

кричалъ обычное: Кукареку! Вслѣдъ затѣмъ такая же бѣлая какъ пѣтухъ насѣдка его жеманно приблизилась, стала рядомъ и закудахтала. Это чудо такъ напугало судью, что онъ тотчасъ приказалъ снять Доминго съ висѣлицы и позвалъ къ суду Донну Іозефу.

Въ одно время изъ противоположныхъ дверей вошли въ судейскую залу статный юноша, цвѣтущій здоровьемъ, и блѣдная трепещущая Донна Іозефа. Она призналась въ своемъ злодѣйствѣ, но слишкомъ была горда, чтобы вымолить прощеніе у Доминго. Разгнѣванный судья осудилъ ее на смерть; Іозефа, бросивъ пламенный взоръ ненависти на смиреннаго юношу, и осыпая его проклятіями, съ усиліемъ поднялась на эшафотъ; одно мгновеніе и Донна Іозефа висѣла въ петлѣ, доставшейся ей по наслѣдству отъ Доминго.

Молва быстро разнеслась по городу; собравшійся народъ упросилъ невиннаго Доминго остаться въ городѣ. Онъ согласился и до конца жизни для жителей былъ образцомъ добродѣтели. По смерти его усердные Католики причли къ лику святыхъ; съ той поры городъ Кальцада получилъ названіе Санъ-Доминго де ла Кальцада.

— А бѣлый пѣтухъ съ своего насѣдкою? спросилъ я. Ахъ, да, едва не позабыла ихъ, занявшись прекраснымъ юношею! отвѣчала Зоя: чета бѣлыхъ пернатыхъ торжественно внесена въ церковь и помѣщена въ позолоченную клѣтку. Потомство ихъ чистой Кастильской породы не пресѣклось и донынѣ. Когда умретъ пѣтухъ или курица: тотъ день траур-

ный для всего города. Умершая птица замѣняется другою той же породы.

Примѣръ Св. Доминго, продолжала Зоя, имѣлъ такое вліяніе на богомольныхъ жителей нашего города, что съ того времени нравственность много выиграла: замѣчаютъ, что грѣшныя страсти угасли въ сердцахъ нашихъ дѣвицъ.

— О нѣтъ, Св. Доминго утратилъ уже свое нравственное вліяніе, воскликнулъ я. Плѣнительное очарованіе давно минувшихъ лѣтъ само собою исчезнетъ. Зоя была уже въ моихъ объятіяхъ. Страстные ея взоры ясно выражали, что и она не прочь отъ участія разыграть первый актъ комедіи влюбленной Іозефы, но...встрѣтилось непредвидѣнное обстоятельство: отецъ Зои очень не кстати вошелъ въ нашу комнату съ добрымъ запасомъ свинцовыхъ пилюль, всыпанныхъ по всѣмъ правиламъ медицины въ дуло карабина; къ счастію я успѣлъ занять съ обнаженною шпагою дистанцію, не слишкомъ почтительную для моего противника и тѣмъ уравновѣсилъ силы.

Фонъ деръ Лауницъ.

Женщина.

Слова ничтожны, мысль слаба,
Чтобъ вдругъ обнять обширность цѣли,
Назначенной отъ колыбели
Тебѣ, царица и раба!
И чтобъ достигнуть цѣли этой
Блуждая въ мірѣ суеты
Ты въ броню мощной красоты,
Какъ въ сталь волшебную одѣта.
Улыбка устъ и блескъ очей,
И сердца дѣвственнаго трепетъ,
И чувства жаръ и сладкой лепетъ
Наивно-пламенныхъ рѣчей:
Вотъ всё, чѣмъ ты на подвигъ ратный
Облечена рукой Творца;
Чѣмъ достигаешь необъятной

Надъ нами власти и вѣнца.
Но въ этой власти столь могучей
Защиты нѣтъ тебѣ отъ слезъ:
И въ твой вѣнецъ изъ пышныхъ розъ
Вплетенъ страданья тернъ колючій!
О сколько жертвъ приносишь ты
Неоцѣненныхъ, беззавѣтныхъ
Не изъ тщеславной суеты;
Нѣтъ жертвъ для свѣта безотвѣтныхъ...
Приноситъ ихъ любовь въ тиши;
Оцѣнены онѣ любовью
И вписаны слезами, кровью
На тайную скрижаль души!
Такъ высоко надъ жизнью этой,
Кипящей въ бурномъ морѣ зла,
Душей, огнемъ любви согрѣтой,
Ты можешь стать. Тебѣ дала
Судьба таинственную силу
Волшебствомъ чувствъ и красоты
Изъ бездны мрачной суеты,
Изъ этой гибельной могилы
Души, спасать готовыхъ въ ней
Погибнуть жертвою страстей!
И ты въ подобныя мгновенья
Со взоромъ, полнымъ вдохновенья,
Пріемлешь образъ божества;

Ты достигаешь въ этомъ дѣлѣ
Вѣнца твоей высокой цѣли —
Вѣнца святаго торжества!
Смотрите: вотъ входитъ боецъ на арену
Страдальческой жизни: онъ молодъ и смѣлъ;
Встрѣчаетъ коварство, встрѣчаетъ измѣну,
Встрѣчаетъ онъ тучу убійственныхъ стрѣлъ...
Ужъ панцырь надежды измятъ и проколотъ;
Могучій щитъ вѣры стрѣлами пробитъ
И въ душу проникнулъ убійственный холодъ
И робкая совѣсть въ тревогѣ молчитъ!
Умъ юный оставилъ права своей власти:
Ядъ стрѣлъ смертоносныхъ и быстръ и жестокъ;
Въ святилище чувства вторгаются страсти
И крадется въ сердце губитель — порокъ!
И близокъ къ паденью боецъ одинокой...
А можетъ быть въ жаркой груди у него
Таится даръ неба, даръ неба высокій
Безцѣннѣе жизни, безцѣннѣй всего!
Предъ нимъ ужъ раскрылася страшная бездна;
Нога несчастливца скользитъ на краю...
Власть собственной воли ему безполезна:
Всѣ силы утратилъ онъ въ долгомъ бою.
Напрасно онъ ищетъ надежной опоры
И взоромъ страданья на помощь зоветъ:
Мы только богаты на судъ и укоры;
Мы сами погрязли въ болотѣ заботъ!

Въ этотъ мигъ, какъ генiй рая,
Ты являешься ему
И, отъ бездны увлекая,
Какъ денница золотая,
Разгоняетъ злую тьму;
Ты таинственно врачуешь
Язвы бѣшеныхъ страстей;
Влагой слезъ твоихъ очей,
Нѣгой чувствъ его чаруешь
И миришь съ самимъ собой,
Съ жизнью, небомъ и землей.

Александръ Лузиковъ.

Мысль.

Рѣчка быстрая, рѣчка вольная!
Что ты катишься по бѣлу-песку,
Прорываешься влагой шумною
Сквозь упрямые слои горъ крутыхъ,
Ищешь выхода въ море бурное?
Аль тѣснятъ тебя въ берегахъ твоихъ
Скалы твердыя, неприступныя?
Али малъ тебѣ данъ просторъ судьбой?
Аль волнамъ твоимъ негдѣ тѣшиться
Негдѣ, некуда разгуляться имъ?
Аль не вѣдаешь, что въ пучинѣ водъ
Въ безграничности моря бурнаго —
Незамѣтная — растеряешься?..
Такъ и ты — порой — мысль могучая,
Беззаконная, безпредѣльная
Вольной рѣчкою пробиваешься
Сквозь житейскіе нужды смертнаго;

Легкой птичкою смѣло носишься
За рубежъ земной, намъ назначенный
Въ міръ заоблачный, — въ лоно Вышняго, —
Къ трону горнему Всемогущаго.
Аль не вѣдаешь ты, безсмертная,
Что — безсильная, растеряешься
Въ необъятности Вездѣсущаго;
Будешь каплею незамѣтною
Въ морѣ жизненномъ міра горняго? . .

Никифоръ Борисовъ.

Судъ Тиуновъ.

Древній юридическій актъ.

Си судъ судили Тиуны. Якова Ивановича Замятнина Тиунъ Григорей. да Княжъ Осифовъ Тиунъ Тимоѳѣевичь Василей Бовыка. тягался Фомка Ивановъ сынъ, да Гришка Максимовъ сынъ сокатомъ смикитинымъ сыномъ, да скирьянкомъ совдѣевымъ сыномъ. Такъ рекъ Фомка да Гришка. Жалоба намъ Господине на того Оката да на Кирьянка. дѣялось Господине по велицѣ дни на третей недѣли воскресеніе. тотъ Господине Окатко да Кирьянко покрали Господине скняжостровской волости на Лявльстровѣ чясовню Великого Николу, а вынесли Господине истое часовни свѣчь и воску на полтора рубли. И намъ ся Господинѣ учинила вѣсть вреду послѣ велика дни на четвертой недѣли и мы Господине стали обыскивати есмя волости и тѣхъ лихихъ людей, да послали есмя Господине старосту отъ всее волости по ваши Приставовъ и ваши Господине приставы приѣхали да взяли ссобою людей добрыхъ

мужей понятыхъ Петрока Кондратьва сына да Якуню Гридина сына Старостина да Воронца Захарова сына да и пригонили есмя Господине свашими приставы да и стѣми людьми добрыми спонятыми мужи ктому двору Кирьянкову да у воротъ попытали Кирьянка, а онъ Господине тотъ Окатко бѣжитъ издвора и мы Господине поймали Окатка передъ вашими Приставы и передъ понятыми мужи, а онъ Господине у него нашіе татьбы свѣчя извоску. И мы Господине и на шею звязали поличное свѣчю передъ вашими доводчики тому Окатку; а во дворѣ Господине насъ доводчики послали искати нашие татьбы розна ставъ, да стали и мы Господине вошли вызбу, а онъ Господине тотъ Кирьянко лежитъ и доводчики Кирьянка попытали, если что утебе чюжь во дворѣ. и Кирьянко такъ рекъ нѣсь Господине у меня во дворѣ чюжа ничего и доводчики Господине велѣли искати нашие татьбы по клѣтемъ. а жь Господине клѣть забита забоемъ и Кирьянко намъ клѣть отбилъ и мы Господине вклѣтѣ нашли своей татьбы свѣчю поставную да и на шею есмя Господине звязали передъ вашими доводчики и передъ понятыми мужи. А се Господине тати наши передъ вами и поличное нашо на шеѣ у нихъ. И Тиуны спросили Окатка и его товарища Кирьянка. Отвѣчайте. И Окатко и Кирьянко такъ ркли: што Господине отвѣчати, грѣхъ Господине нашъ кнамъ пришолъ, мы Господине ту часовню крали и потому Тиуны оправили ищего Фомку Иванова сына да Гришку Максимова сына, а отвѣтчика Окатка Микитина сына да Кирьянка Овдѣева сына Обинили что сами ся дѣлъ своихъ не поперли ище сами и правую грамоту на нихъ дали

и велѣли ихъ казнить торговою казнью да казнивъ ихъ да выбити нихъ здвинскые земли вонъ. А на судѣ были Соцкой Митя Григорьевъ сынъ Савельева да Лука лапа Демидовъ сынъ да Мануйло Федоровъ сынъ да Панкратъ Власовъ сынъ да Староста Марко Максимовъ сынъ.

Внизу акта, писаннаго на бумагѣ, приложено двѣ восковыхъ черныхъ печати, одна изъ нихъ изгладилась, а другая уцѣлѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что это печати двухъ Тиуновъ.

Волонтеръ.

РАЗСКАЗЪ ПОДЪЯЧАГО.

Прапорщикъ въ отставкѣ.
Для него Наполеонъ
Въ родѣ бородавки.

Давыдовъ.

Изъ всѣхъ званій самое почетное - военное. Этотъ вопросъ рѣшенъ окончательно съ незапамятныхъ временъ большинствомъ голосовъ всѣхъ прочихъ сословій. Такъ и быть должно. Я отъ души уважаю военныхъ, но принадлежа къ сословію *грибовъ гражданственныхъ*, какъ называетъ нашу братію статскихъ Г. Булгаринъ, признаюсь, я очень пугаюсь военныхъ и безотчетно предаюсь мучительной неизвѣстности страха, когда случайно встрѣчаю воинственную фигуру ростомъ съ гарнизоннаго прапорщика или около того. Оно конечно ничего: онъ не врагъ ни мнѣ, ни вамъ и никакого зла не сдѣлалъ. Но при встрѣчѣ что-то сильно возму-

щаетъ душу, когда онъ прочтетъ вамъ подъ носомъ выученный куплетецъ, съ сардоническою улыбкою привѣтствуя:

Вотъ вамъ въ лицахъ Судъ Уѣздный
И измученный Судья. . .

И чтобы сильнѣе подѣйствовать на ваше самолюбіе, пожалуй, въ разсѣянности столкнетъ съ бульвара. Месть, праведная месть въ одномъ лицѣ всѣмъ гражданскимъ, которые выбалтировали этихъ храбрецовъ изъ клуба безъ всякой основательной причины, по одному лжемудрованію, будтобы геройство неумѣстно на паркетѣ. Съ нѣкотораго времени я совсѣмъ другихъ мыслей о прапорщикахъ и права ихъ на всякую дерзость готовъ защищать до nec plus ultra такъ, что если бы подобный либералъ вздумалъ сорвать шляпу съ юридической головы секретарской: я бы сказалъ служителю Ѳемиды: любезный! не оскорбляйся: это послѣдняя степень геройства въ отрицательномъ смыслѣ; ты бѣденъ духомъ, слѣдственно терпи! Такая перемѣна образа мыслей въ пользу военныхъ произошла внезапно и можетъ быть отъ благороднаго честолюбія, что въ послѣднюю компанію и я служилъ волонтеромъ въ одномъ армейскомъ отрядѣ. Вотъ какъ это было:

Непріятель занялъ гористыя мѣста по близости города *Чернилова*, остановясь на бивуакахъ; авангардъ его спустился въ долину и, перейдя мостъ, завоевателемъ вступилъ въ деревню, окруженную густымъ лѣсомъ: пикетъ подался на полверсты впередъ. Ночь была, говоря словами Пушкина, тюрьмы чернѣй. Наши не дремали въ городѣ. Наши были не гарнизонные, но лихіе армейцы, которыхъ костюмы видали

прежде на гравированныхъ картинкахъ, а о нравахъ судили по романамъ, гдѣ ихъ выставляли только въ смѣшномъ видѣ. Защита *Чернилова* ввѣрена была Славяногорскому Е. . . му полку, въ которомъ на половину было ветерановъ, украшенныхъ усами *Каймокана* и почетными шрамами. Полкъ, изготовясь въ походъ, стоялъ подъ ружьемъ безмолвно. Вдругъ: *направо кругомъ, маршъ*! двинулся въ густой колоннѣ, предшествуемый отрядомъ козаковъ. Я былъ свидѣтелемъ грознаго движенія армейцевъ и стоялъ въ толпѣ зѣвакъ, наблюдая физіогноміи гражданственныхъ *Аненковъ*; одни изъ нихъ тряслись отъ предстоящихъ ужасовъ войны, другіе отшучивались отъ нихъ самымъ площаднымъ остроуміемъ и всѣ въ совокупности въ глазахъ моихъ казались презрѣнными трусами. Воображеніе мое сильно настроено было воинственною отвагою. Я готовъ былъ летѣть и раздѣлить славу того полка, который оставилъ городъ и шелъ навстрѣчу врагу; мое ретивое загорѣлось; я переродился въ патріота.

Господа! прощайте. Я ѣду въ полкъ волонтеромъ.

И гражданственные *грибы* грянули оглушительнымъ хоромъ всеобщаго хохота.

Эта выходка подѣйствовала на мое самолюбіе и рѣшила мое давнишнее намѣреніе. По праву сильнаго я вскочилъ на какую-то клячу и гордясь присвоеннымъ себѣ волонтерствомъ, отважно понесся догонять полкъ.

Пріѣхалъ и вижу: Донцы сбили аванносты, армейцы съ ружьями на перевѣсъ ворвались въ деревню; съ непріятелемъ завязался рукопашный бой.—Я смотрѣлъ издали, но не

вступалъ въ дѣло, боясь погибнуть безславною смертію въ общей свалкѣ, гдѣ могли и не замѣтить моей отваги, а я искалъ славы или того, что называютъ въ Русской поговоркѣ: *на людяхъ и смерть красна.* Исподоволь подвигаясь ближе къ кровавой сценѣ, освященной заревомъ вспыхнувшаго пожара, я, какъ иступленный *левъ*, ринулся въ деревню.

Случайно попавшееся въ руки ружье осѣнило меня мужествомъ. Усвоивъ всѣ пріемы Армейцевъ, носился я въ рядахъ ихъ, поражая непріятелей штыкомъ; уже нѣсколько жертвъ пало отъ моей руки, но сквозь запальчивость проглядывало чувство самосохраненія, такъ что я ежеминутно боялся пасть жертвою своей неопытности. Пользуясь удобнымъ случаемъ быстро напиралъ, но лишь распространялся морозъ по кожѣ—предвѣстникъ опасности, я, какъ заяцъ, прятался за уголъ дома или отступалъ къ флангу сомкнутыхъ рядовъ усачей.

Наши заняли деревню. Горящіе домы служили бивуачными огнями. Я расхаживалъ весело, гордясь чувствомъ, обуревающимъ побѣдителя. Съ ружьемъ на плечѣ, я смѣло подходилъ къ тѣмъ усатымъ героямъ, которые были свидѣтелями моего мужества и они меня не отвергали, когда съ гордостію выдавалъ себя волонтеромъ.

Молодецъ! даромъ что изъ подъячихъ, повторяли вездѣ хоромъ.

Слово подъячій непріятно отдавалось въ моихъ ушахъ: очарованіе начало разоблачаться. Отъ высокаго до смѣшнаго только одинъ шагъ, говорилъ Наполеонъ при неудачахъ. По-

слѣдствія этой аксіомы вскорѣ оправдались на дѣлѣ. Непріятель, подкрѣпленный сильнымъ отрядомъ кавалеріи, ворвался въ деревню. Армейцы отстрѣливаясь начали отступать къ своимъ резервамъ; но увы! я не зналъ куда дѣваться: будучи отрѣзанъ во время натиска конницы, скрылся въ овинъ. Опасаясь за жизнь свою и боясь попасть въ плѣнъ, вашъ покорнѣйшій слуга, волонтеръ дезертировалъ въ чащу лѣса. Отъ свиста пуль сердце его сжалось, какъ грецкая губка, голова горѣла, взоры его помутились, онъ бѣжалъ долго— ни единому же гонящу. Непріятели его не замѣтили, но они были, они засѣли въ траншеяхъ воображенія волонтера; ему казалось, что они уже хватаются за долгополые фалды кургузаго его фрака.

Угрызенія совѣсти, упрекавшей меня за худое выполненіе долга, постоянно сопутствовали мнѣ въ безчестномъ бѣгствѣ. Разсуждая съ самимъ собою, что мой геройской подвигъ во время ретирады не стоилъ мѣднаго гроша и даже заслужилъ нареканіе отлучкою отъ команды, я чуть не плакалъ отъ досады за мою минутную трусость; она тѣмъ тягостнѣе была, что я уронилъ себя въ глазахъ своихъ гражданскихъ сослуживцевъ, отъ которыхъ умчался героемъ, а возвращусь дезертиромъ. Да въ комъ есть хотя капля честолюбія, тотъ пойметъ, что мое положеніе было самое незавидное: пожалуй прозовутъ еще *квасным патріотомъ* и отъ зубоскаловъ житья не будетъ. Въ эту роковую минуту я очутился на низменномъ берегу небольшой рѣчки Исакогорки; такъ мнѣ показалось: сходство мѣстности меня поразило. Въ чащѣ лѣса пріютилась

небольшая хижина перевозчика: у пристани колыхалась на привязи лодка. Противоположный берегъ во мракѣ рисовался отвѣсною горою, по скату коей лѣпились кузницы; въ нихъ была полная ремесленная дѣятельность: стукъ молотовъ, шумъ мѣховъ и говоръ рабочихъ ясно дали мнѣ знать, что деревня еще не занята непріятелемъ; свѣтъ изъ оконъ домовъ на вершинѣ горы и искры, вылетавшія изъ отверстій кузницъ, отсвѣчивались на зеркальной поверхности рѣки, которая мрачною тишиною совершенно гармонировала съ моими встревоженными чувствами, предвѣщавшими что то недоброе: *сердце слышало великую себѣ невзгоду.*

Безотчетно я бросился въ лодку; но перевозчикъ съ весломъ въ рукѣ, вышедшій изъ кустарника, остановилъ мое посягательство на чужую собственность. Новая неудача. Со мною не было ни гроша, но я сулилъ перевозчику горы золота и насилу склонилъ маловѣрнаго упрямца перевести въ деревню и то при пособіи угрозъ, что непріятель гонится по пятамъ. Перевозчикъ вздохнулъ и взявъ изъ хижины свою котомку сказалъ: «гори свѣтло» и двинулъ лодку размахомъ весла отъ берега, направляя путь къ деревнѣ. Не успѣли мы еще отплыть отъ берега и пяти саженъ, какъ хижина своимъ пламенемъ освѣщала уже путь во мракѣ осенней ночи. Въ деревнѣ поднялась тревога. Я вышелъ на берегъ и ускорилъ шаги по высотамъ Исакогорскимъ и какъ запыхавшійся олень вбѣжалъ въ деревню Валдушки. Кто идетъ! воскликнулъ человѣкъ, стоявшій при входѣ въ деревню съ винтовкою въ рукахъ. Я объяснился. То былъ старикъ, карауливщій опустѣвшіе дома;

окна ихъ были заколочены, жители разбѣжались и увели всѣхъ домашнихъ животныхъ. Кусокъ хлѣба, удѣленный старикомъ, составилъ самый аппетитный ужинъ, послѣ котораго я вошелъ въ опустѣвшую горницу дома и въ темнотѣ, заснулъ сномъ богатырскимъ на прилавкѣ. Во снѣ я видѣлъ всѣ ужасы генеральнаго сраженія и торжество старыхъ знакомцевъ армейскихъ, которые гнали по заостровской долинѣ разбитыя полчища враговъ и рубили немилосердо. Когда они возвращались съ трофеями побѣды и множествомъ плѣнныхъ, я закрывалъ лицо, боясь, чтобы ветераны не узнали вольнопрактикующагося волонтера подъ фирмою дезертира въ толпѣ любопытныхъ зрителей, рукоплескавшихъ побѣдителямъ. Громъ близкой канонады разсѣялъ мои грезы: я вскочилъ съ деревяннаго ложа и въ мигъ очутился на воздухѣ. Солнечные лучи прокрадывались сквозь чащу горняго лѣса. Утренній туманъ еще не разсѣялся и такъ сказать висѣлъ надъ рѣкою. Безпорядочный говоръ людей, плывшихъ по рѣкѣ у подножія высотъ Валдушскихъ нисколько еще не обнаружилъ мнѣ положенія дѣлъ военныхъ: я не зналъ кто были плаватели—враги или наши соотечественники. Обуреваемый любопытствомъ вползъ въ кустарникъ надъ самымъ обрывомъ горы и, взглянувъ внизъ, оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Барказъ странной конструкціи уже присталъ къ берегу; человѣкъ двадцат непріятельскихъ солдатъ подъ командою офицера шли на приступъ горы. Первою моею мыслію было не двигаться съ мѣста въ томъ предположеніи, что меня въ кустарникѣ не замѣтятъ; но второе внушеніе разсудка было могущественнѣе: я вскочилъ и побѣжалъ

къ своему ночному пристанищу, но, не доходя до этого дома, услышалъ позади его раздавшійся ружейный выстрѣлъ старика, въ котораго салютовали десятью пулями со стороны непріятеля, ворвавшагося въ деревню изъ опушки лѣса. Я былъ въ отчаяніи, радъ былъ провалиться сквозь землю; проклиналъ свою прежнюю трусость и упрекалъ себя въ постыдномъ бѣгствѣ, которое привело меня подъ самые непріятельскіе выстрѣлы. Одинъ отважный шагъ на непріятеля въ рядахъ храбрыхъ и я можетъ быть, спасся бы отъ смерти и покрылъ себя неувядаемою славою. Положимъ что и былъ бы убитъ: за то какою геройскою смертію украсилъ бы свой добровольный подвигъ, который не забыло бы отдаленное потомство, читая такое самоотверженіе гражданскаго чиновника въ столбцахъ Инвалида; а теперь что будетъ со мною; я трусъ, дезертиръ и въ добавокъ подъ пулями непріятельскими безоружный.

Стыдъ, раскаяніе, страхъ близкой позорной смерти такъ двинули мою особу, что я не помню, какъ угорѣлый, взобрался на огромную сосну надъ обрывомъ горы и уже сидѣлъ покойно, прикрываясь мохнатыми ея вершинами отъ взоровъ непріятельскихъ солдатъ, которые хозяйничали въ деревнѣ и нѣсколько разъ проходили подъ деревомъ, не замѣчая отшельника. *Бѣда бѣду родитъ* говоритъ пословица. На соснѣ было воронье гнѣздо; — настоящіе владѣльцы, возвратившись изъ временной отлучки, такой подняли крикъ надъ головою моею, что обратили вниманіе подозрительныхъ враговъ. Безсовѣстные они, а еще свои соотечественники,

безразсуднымъ крикомъ выдали непріятелямъ. Такъ иная женщина, увлеченная неумѣстною болтливостію выхваляетъ подвиги своего мужа и не замѣчая отрицательнаго ихъ достоинства ясно обнаруживаетъ тайные его грѣшки. — Шпіонъ, шпіонъ! вскричалъ долговязый французъ. — Филинъ въ фламандскомъ платьѣ, подхватилъ другой, указывая трубкою на роковую сосну. И надобноже такъ случиться, что они согласились признать меня человѣкомъ именно въ ту минуту, когда я грозилъ воронамъ указательнымъ пальцемъ, чтобы онѣ унялись отъ крика и не обнаруживали моего замысловатаго инкогнито; угрозы мои эти хищные пернатые сочли за личное себѣ оскорбленіе и подняли радостный крикъ, вѣроятно по инстинкту предчувствуя, что мой трупъ будетъ славная для нихъ пожива.—Ошибаетесь любезныя, заключая о моей тучности по толстотѣ становаго пристава, вѣрно мало видали статскихъ: живые скелеты — кожа да кости. — Это дѣловые люди; а тучность пріютилась къ безпечной праздности.

Взводъ солдатъ окружилъ дерево. Офицеръ приступилъ къ допросамъ, но я понималъ его витійство столько же, сколько понимали мою просьбу вороны. Другое дѣло; если бы онъ дерзнулъ на краснорѣчіе латинское: О! тогда постоялъ бы за семинарію; вокабулы еще въ свѣжей памяти, могъ бы поставить француза въ тупикъ тропами и фигурами на этомъ языкѣ: ну просто загонялъ бы латынью, которую балагуръ Пушкинъ велѣлъ *отнести въ конюшню* и *лошадей кормить;* но въ томъ и штука, что мы съ французомъ другъ друга не

понимали, анъ и вышла притча въ языцѣхъ. Въ дулахъ загремѣли шомполы, курки взведены, ружья стали медленно подниматься къ верху, изъ стволовъ ихъ образовались лучи сосредоточенные въ центрѣ моей груди: я почувствовалъ смертный приливъ въ крови къ сердцу, всѣ члены мои окостенѣли, въ глазахъ искрились звѣзды, день превратился въ ночь, чернильная душа улетала . . . . вдругъ раздался страшный ружейный залпъ; грудь мою ожгло какъ будтобы разкаленнымъ желѣзомъ: помню только, что я схватился за нѣсколько вѣтвей и съ ними стремглавъ полетѣлъ на землю: сдѣлавъ рикошетъ по краю утеса стремительно покатился по склону крутой горы . . . . въ рѣку. — Къ счастію я успѣлъ ухватиться за огромный камень и закричалъ такъ громко, сколько позволяло подъяческое горло: иначе привелось бы плыть *внизъ по матушкѣ по Волгѣ*, да въ заключеніе спектакля какой нибудь досужій прапорщикъ въ отставкѣ прочиталъ Измайлова надгробную рѣчь подъячимъ:

Прощай и взятки и вино:
Пошелъ бы къ тюленямъ на дно!

Во время смертнаго боренія можетъ быть именно эти Измайловскія прелести міра сдѣлали переломъ въ моей натурѣ и воззвали къ жизни, которая висѣла на волоскѣ. Я началъ приходить въ себя; открываю глаза: что за чудо! въ рукахъ моихъ мокрая подушка; потъ градомъ катится съ моего лица; въ спальнѣ моей непріятелей не видно ни одного: все свои домашніе: жена, дѣти, прислуга около меня суетятся и даже не плачутъ, поднимая мой трупъ, а изъ подтишка

хохочутъ надъ моимъ паденіемъ . . . съ кровати. Правда, при такомъ потрясеніи умственныхъ способностей, я едва могъ разувѣрить себя, что былъ и есмь гражданской чиновникъ и только положительно въ томъ удостовѣрился по осязанію, когда не нашелъ ни одной раны, ни одной пули въ груди. Приведя въ порядокъ разстроенный паденіемъ мозгъ до возможности здраваго мышленія, я пораздумалъ наединѣ и очень обрадовался, что мое военное поприще было только случайностью сновидѣнія — благополучно началось на постели и безъ дальнихъ приключеній кончилось отставкою на полу. Надобно же было сказать что нибудь въ свое оправданіе окружавшимъ останки героя и вотъ, притворно охая и ахая, я преважно говорю: я видѣлъ ужасный сонъ! и начинаю разсказъ, который сейчасъ окончилъ.

Бываютъ же въ жизни такіе казусные сны: кому смѣхъ, а нашему брату горе, когда чувствуешь боль во всемъ грѣшномъ составѣ, конечно гораздо споснѣе той, какую ощущалъ разстрѣлянный французами вашъ покорнѣйшій слуга волонтеръ:

Веселавлевъ.

Нижнеладинская Пѣсня.

На голосъ: И шуми и гуде.

Полюби, полюби
Радость дѣвица душа!
Если ты меня полюбишь
Будешь счастливая.

Я люблю тебя душой,
Надѣлю тебя казной,
Каждый деничекъ обновки
Буду миленькой носить.

Ты ни ткать, ты ни прясть,
Ты не будешь работать;
Знай умыться, снарядиться
И обновки обновлять.

По банкетамъ, по пирамъ
Буду милую возить;
Танцы, пляски и музыка
Будутъ радость веселить.

И для миленькой такой
Дамъ особенной покой;
Зеркалами и цвѣтами
Всю я спальню уберу.

Красна дерева кровать
На коврѣ будетъ стоять,
И на бархатной перинѣ
Будетъ Саша почивать.

Тутъ и я прилечу,
Тутъ и я прилечу;
Разцѣлую, размилую
Мою радость дорогую.

Сидитъ птица, сидитъ птица,
Сидитъ птица па дубу;
Кричитъ Саша, кричитъ Маша,
Кричитъ милая моя.

Что подъ деревомъ такимъ
Красна дѣвица сидитъ —
Черноброва, миловидна,
На всѣ стороны глядитъ.

Въ сентетюревомъ капотѣ,
Въ мериносовой шали,
Въ море-розовой косынкѣ
И въ козловыхъ башмачкахъ.

Что козловые башмачки
Съ переплетичками,
И бумажные чулочки
Со рѣшоточками.

Потихоньку, помаленьку,
Подвигался молодецъ;
Красна дѣвица твердила:
Знать Судьбы моей конецъ. . .

1840 г.

Черное покрывало.

Блеститъ свѣчами Божій храмъ
Народу полный; въ немъ печально
Звучитъ хоръ пѣсни погребальной;
Ко своду вьется ѳиміамъ;
Въ кругу священниковъ и клира
Чернѣетъ гробъ; на вѣки въ немъ
Заснулъ глубокимъ смерти сномъ
Недавній гость земнаго міра;
Изъ подъ бумажнаго вѣнца,
Вокругъ чела и у лица,
Могильнымъ саваномъ обвитыхъ,
Чернѣетъ мягкій шелкъ кудрей
И тускло смотритъ взоръ очей
Изъ подъ рѣсницъ полуоткрытыхъ.

Безмолвно нѣсколько друзей
Съ печальной думою на лицахъ
Глядятъ на гробъ; но этотъ взглядъ
И горесть ихъ — одинъ обрядъ:
Молчатъ сердца ихъ; на рѣсницахъ
Слезы невольной не блеснетъ;
Творя привычные поклоны,
Порою шепчется народъ.
Вдали у каменной колонны
Стараясь скрыться отъ людей
Стояла дѣвушка. У ней
Изъ черной ткани покрывало
На грудь и плечи упадало;
Она блѣднѣе мертвеца.
Какое страшное томленье
Въ ея очахъ и въ выраженьи
Полузакрытаго лица;
Она трепещущей рукою
Холодный камень обвила;
Она въ страданьи замерла,
Лишь грудь высокою волною
Порой вздымалась.
Минулъ день
И на кладбище городское,
На поле смерти роковое,
Легла прохладной ночи тѣнь;
Съ минувшимъ днемъ на этомъ полѣ

Еще могилой стало болѣ;
Но кто жъ безмолвіе могилъ
Съ душой, истерзанной страданьемъ,
Надгробнымъ плачемъ и рыданьемъ
Во мракѣ ночи возмутилъ?
Чей новый трупъ озолотила
Передъ вчерашнею могилой
Лучами алаго огня
Заря — предшественница дня,
Кого, какъ саванъ обвивало
Изъ черной ткани покрывало?

А. Лузиковъ.

Вздохъ по родинѣ.

Какъ сурова, холодна
Родины моей страна!
Тамъ печально воетъ вьюга,
Тамъ туманны небеса;
Тамъ какъ ночь темны лѣса,
Но друзья! милѣе друга
Для души моей она —
Эта дикая страна.
И теперь въ краю чужомъ
Голосъ вьюги, говоръ ели
Говорятъ мнѣ о родномъ . . .
О родимой колыбели.
И теперь мои глаза
Въ грустный часъ воспоминанья
Отуманила слеза:

То друзья слеза желанья
Видѣть родину мою . . .
Десять лѣтъ въ странѣ далекой
Я скитаюсь одинокой;
Десять лѣтъ въ чужомъ краю
Не родную . . . *водку* пью!

NN.

Сцена изъ драмы Шиллера:

Вильгельмъ Тель. *

(*Утесистая и дикая долина въ лѣсу; ручьи бѣгутъ со скалъ. Берта въ охотничьемъ платьѣ. Тотчасъ приходитъ и Руденцъ*).

БЕРТА.

Онъ слѣдуетъ за мною; наконецъ
Могу я съ нимъ поговорить свободно.

РУДЕНЦЪ. (*входитъ поспѣшно*).

Я вижу васъ однихъ здѣсь только Берта;
Насъ пропасти скрываютъ; здѣсь, въ глуши,
Я не боюсь свидѣтелей, — и тайну
Души моей открою передъ вами.

БЕРТА.

Не слѣдуетъ ли свита сзади насъ?

РУДЕНЦЪ.

Она отъ насъ далёко. Да, теперь
Иль никогда! минутой драгоцѣнной

* Второе явленіе 3-го дѣйствія.

Я наконецъ воспользоваться долженъ.
Судьба моя рѣшится вами, Берта!
Послушайте . . . о нѣтъ, не помрачайте
Вашъ нѣжный взоръ презрѣніемъ холоднымъ!
Ничтоженъ я — я знаю — передъ вами;
Не долженъ я любить васъ, Берта. Слава
Меня еще въ число своихъ любимцевъ
Не приняла; еще не смѣю я
Равняться съ сонмомъ рыцарей блестящихъ,
Желающихъ руки безцѣнной вашей;
Нѣтъ у меня есть только сердце, гдѣ
Живете вы, и вѣрность и любовь! . . .

Берта. (*строго и важно.*)

Вы смѣете еще мнѣ говорить
О вѣрности и о любви, презрѣвши
Главнѣйшія обязанности ваши?

(*Руденцъ отступаетъ*)

Рабъ Австріи, предавшійся тирану,
Мучителю отечества его!

Руденцъ.

И вашъ упрекъ еще я долженъ слышать?
Кого же, кромѣ васъ, я тамъ ищу?

Берта.

Ужель меня надѣетесь найти вы
На сторонѣ измѣны? нѣтъ! скорѣе
Я Геслеру отдамся, чѣмъ Швейцарцу,

Который сдѣлался орудіемъ тирана
И позабылъ природу!

Руденцъ.

Что я слышу?
О Боже!....

Берта.

Какъ! что ближе намъ своихъ?
Что каждому, въ комъ сердце благодарно,
Святѣе долга— быть защитникомъ невинныхъ,
Спасать права тѣснимыхъ беззаконно?
Да у меня и вчуже страждетъ сердце
И кровью обливается, болѣя
За вашъ народъ; я вмѣстѣ съ нимъ страдаю;
Люблю его за то, что онъ могучъ,
Хотя и терпѣливъ; невольно сердце
Меня влечетъ къ нему; я съ каждымъ днемъ
Любить его всё больше научаюсь;
Но вы, котораго и самая природа,
И долгъ святой назначили защитой
Ему, вы такъ легко и вѣроломно
Оставили его и перешли
Къ мучителю отчизны и куете
Тамъ для нея позорныя оковы.
Ахъ Руденцъ, мнѣ прискорбно видѣть это;
И я должна свое принудить сердце,
Чтобы оно могло васъ ненавидѣть ...

Руденцъ.

Но не добра ль желаю я народу?
Не мирно ли онъ будетъ жить подъ мощной
Защитою Имперіи?

Берта.

Нѣтъ, рабству
Его вы подвергаете; свободу
Вы изгоняете изъ хижины послѣдней,
Которая еще не знаетъ рабства,
Швейцарецъ самъ умѣетъ понимать
Несчастіе свое; пустая слава
Прельщать его не можетъ; сами вы
Опутали сѣтьми свою свободу.

Руденцъ.

Вы презираете меня, о Берта, Берта!

Берта.

Да, лучше бы мнѣ было, если бъ я
Презрѣла васъ: но видѣть васъ достойнымъ
Презрѣнія и презираемымъ,
Когда любовь могли бы заслужить...

Руденцъ.

О Берта, Берта! вы въ одну и тужъ минуту
Даруете небесное блаженство
И вмигъ опять лишаете всего!

Берта.

Нѣтъ, нѣтъ!— Святое чувство благородства
У васъ въ душѣ угасло не совсѣмъ:

Оно въ васъ спитъ; я разбужу его.
Самихъ себя должны бъ вы пересилить,
Чтобъ истребить въ себѣ наслѣдственную доблесть;
Вы счастливы: она сильнѣе васъ,
И противъ воли вы добры и благородны.

РУДЕНЦЪ.

Вы обо мнѣ такъ думаете, Берта?
О я готовъ исполнить всё, что ваша
Любовь велитъ.

БЕРТА.

Живите для того,
Къ чему васъ предназначилъ родъ вашъ славный;
Достойны будьте чести, для которой
Вы рождены— сражаться за народъ свой,
И за его священныя права.

РУДЕНЦЪ.

Но—Боже мой—противясь Государю,
Могу ли васъ назвать моею, Берта?
Въ его рукахъ рука и участь ваша.

БЕРТА.

Въ кантонахъ всё имѣніе мое;
Свободою Швейцаріи и я
Свободна буду также.

РУДЕНЦЪ.

Берта, Берта!
Какой вы открываете мнѣ путь!

Берта.

Коль съ Австріей войдете вы въ сношенье,—
Конецъ всему: меня вамъ не видать!
Она теперь наслѣдное имѣнье
Мое къ рукамъ стремится лишь прибрать,
Чтобы свои имѣнія умножить.
И жадность та жъ, которая грозитъ
Швейцаріи свободу уничтожить,—
Та и мою свободу поглотитъ.
О другъ мой! я на жертву избрана;
Моя рука наградой быть должна
Имперіи любимцу. Въ вихорь славы,—
Туда, къ двору блистательной державы,
Гдѣ царствуютъ коварство и развратъ,
Туда они увезть меня хотятъ;
Тамъ ждутъ меня супружества оковы
Одна любовь разрушитъ всѣ ихъ ковы!

Руденцъ.

Какъ! вы у насъ хотите жить совсѣмъ
И быть моей въ отечествѣ моемъ?
О Берта! всё безумное стремленье
Мое туда, лишь было къ вамъ влеченье
И на пути ко славѣ я мечталъ
Лишь васъ найти,—я васъ однихъ искалъ;
Я былъ далекъ мечты о славолюбьи; —
Одна любовь мое всё честолюбье!
О если бъ вы рѣшились провести

Со мной всю жизнь, со славою разстаться
Отъ пышности, отъ блеска отказаться,
И здѣсь, въ моемъ отечествѣ цвѣсти, —
О я тогда бъ достигъ желанной цѣли:
Тогда бъ для насъ невидимо летѣли
Часы любви, и счастія ручей
Журчалъ бы здѣсь на родинѣ моей;
Всѣ пылкія желанья молодыя
Я поглотилъ бы страстною душой;
Тогда для насъ утесы вѣковыя
Служили бы незыблемой стѣной;
И рай земной съ тобою, другъ безцѣнный!
Нашелъ бы я на родинѣ священной.

Берта.

Теперь вы точно тотъ, какимъ я васъ
Воображать любила каждый разъ;
Я не ошиблась!

Руденцъ.

Прочь, мечта пустая,
Плѣнявшая меня! Блаженство мнѣ
Назначено найти въ родной странѣ,
Гдѣ юноши такъ пышно разцвѣтаютъ,
Гдѣ радости повсюду окружаютъ
Меня; гдѣ всѣ деревья и ручьи
Лишь для меня цвѣтутъ и льютъ струи.
И здѣсь на родинѣ моей смиренной
Ты хочешь быть моею, другъ безцѣнный!

О я всегда отчизнѣ вѣренъ былъ
И пламенной ее любовію любилъ;
Я чувствовалъ: для счастія земнаго
Недоставало мнѣ отечества святаго.

Берта.

И гдѣ же мы бы счастіе нашли,
Когда не здѣсь, на лонѣ той земли,
Гдѣ вѣрности испытанной отчизна:
Гдѣ зависти, коварства укоризна
Блаженства нашихъ дней не возмутитъ;
Гдѣ въ радости жизнь наша пролетитъ.
И тамъ тебя—въ отечествѣ свободномъ—
Увижу я довѣріемъ народнымъ
Почтеннаго, красой земли своей
И въ истинномъ достоинствѣ мужей,
Первѣйшаго межъ первыхъ и великихъ
И равнаго державнаго владыкѣ!

Руденцъ.

Тогда тебя всѣхъ женщинъ образцомъ
Невинности и прелести вѣнцомъ
Увижу я; тогда, сгарая страстью,
Въ тебѣ свое найду я небо счастья;
И какъ весна въ душистые цвѣты
Природу всю роскошно убираетъ,
Всё вкругъ себя живитъ и украшаетъ
Такъ жизнь мою украсишь счастьемъ ты!

Берта.

Вотъ, другъ мой, я печалилась объ чемъ!
Я видѣла, что самъ ты губишь счастье
Свое. О что со мною было бъ, если бъ
Тиранъ увезъ меня въ свой мрачный замокъ?
Здѣсь замковъ нѣтъ и никакія стѣны
Меня не раздѣляютъ отъ народа,
Который я могу счастливымъ сдѣлать.

Руденцъ.

Но какъ спасусь? какъ разорву тѣ цѣпи,
Которыми въ безумномъ ослѣпленьи
Я самъ себя опуталъ?

Берта.

Разорви —
Ихъ съ мужествомъ! чтобъ изъ того не вышло, —
Стой грудью за свою отчизну;—вотъ гдѣ мѣсто
Твое. (*вдали слышны охотничьи рога*).
Идутъ съ охоты! время намъ
Разстаться. Да, сражаясь за отчизну,
И за меня сражаетеся вы;
Фохтъ общій врагъ; мы всѣ его страшимся.
Съ свободой вашею свободны будемъ всѣ мы!

(*уходитъ:*)

Ник. Борисовъ.

Грамотка

гостя грудцына.

Государю Преосвященному Афанасію, Архіепископу Холмогорскому и Важескому, радоватися о Господѣ и благополучно здравствовати во многіе лѣта.

Челомъ Государь бью за премногую твою милость, что изволилъ о своемъ здравіи ко мнѣ писаніемъ возвѣстити.

И паки челомъ бью за премногую твою, Государя моего, милость къ рабу моему Никифору Кудрявцову.

Прошу твоей, Государя моего, милости: пожалуй, Государь! буди милосердъ къ рабу моему Василью Горбачеву и въ дѣлехъ моихъ подай Государь ему руку помощи.

Послалъ я къ тебѣ, Государю, съ нимъ въ мѣшечкѣ фунтъ травы Китайской — чаю. Изволь Государь приказать варить его въ водѣ кипячей и пить съ сахаромъ во здравіе, а мѣшечикъ запечатанъ тою же печатью, которую сія грамотка печатана.

А о угодьяхъ, Государь, какъ изволишь приказать мнѣ, крѣпость написать поступную, или купчую, или какъ воля твоя благоволитъ такъ и учини то, лише бы не въ противность Государскимъ Указомъ. И какъ Государь изволишь крѣпости быть, прикажы Государь написать, а съ того человѣкъ мой спишетъ и ко мнѣ списокъ тотъ пришлетъ и я, написавъ здѣ крѣпость и заруча, къ тебѣ Государь пошлю.

Послалъ я къ тебѣ, Государю моему, печь обрасчатую.

По сихъ проса твоего Архіерейскаго благословенія писавый Васка Грудцевъ челомъ бью Мая 16 дня 196 года (1688).

Переложеніе 136 Псалма.

На рѣкахъ Вавилонскихъ въ плѣну
Мы сидѣли, въ тоскѣ изнывая,
И, рыдая, родную страну —
Нашъ священный Сіонъ вспоминая.

Средь враговъ на вѣтвистыхъ кустахъ
Мы повѣсили наши органы;
И спросили насъ тамъ о словахъ
Нашихъ гимновъ священныхъ тираны

И о пѣніи нашемъ святомъ:
«Вы воспойте намъ пѣсни Сіона.»
Какъ Господню мы пѣснь воспоемъ
На чужбинѣ въ дни скорби и стона?

О да буду забвенъ вѣчно я,
Если пѣсню спою я тиранамъ!
Да отсохнетъ десница моя,
Коль она прикоснется къ тимпанамъ!

Да прилипнетъ къ гортани языкъ,
Если, въ дни ненавистнаго плѣна,
Я забуду тебя хоть на мигъ,
Градъ Давида, во вѣкъ незабвенный!

Помяни ты Едома сынамъ —
Боже — Господи нѐпостижимый!
День скорбей, вѣчно памятный намъ, —
День послѣдній Іѐрусалима; —

Какъ они, истребляя кругомъ,
Восклицали въ безумной гордынѣ:
«Все губите огнемъ и мечемъ!
Пусть весь городъ ихъ будетъ пустыней!»

О блаженъ! о стократно блаженъ!
Окаянная дщерь Вавилона! —
Кто отмститъ на тебѣ кровь и плѣнъ,
И позоръ, и убійства Сіона!

Кто невинныхъ младенцевъ твоихъ,
Въ изступленіи гнѣва и мщенья,
Отъ груди матерей ихъ родныхъ
Оторвавъ, разобьетъ объ каменья!

Никифоръ Борисовъ.

Душа праведника.

Душа его огнемъ страданья
Въ горнилѣ бѣдъ закалена:
Блеститъ на ней печать избранья:
И вся какъ въ золотѣ она
Въ безцѣнной ризѣ упованья:
Она—какъ правда неподкупна:
Какъ неба чистая лазурь —
Свѣтла, высока, недоступна
Для дуновенья страстныхъ бурь;
И никогда не помрачится
Ея краса отъ тьмы страстей;
Отъ всѣхъ соблазновъ и сѣтей
Она таинственно хранится
Судебъ всемощною рукой
Какъ жребій въ урнѣ роковой.

Не прахъ земли ея начало
И пыль и персть ей не родня:
Отъ свѣта жизнь она пріяла
Чудесной искрою огня;
И мысль ея свѣтла, свободна,
Летитъ, стремится въ небеса.
Ея молитва не безплодна,
Какъ жемчугъ дорога — слеза.
Она какъ радуги сіянье
Свѣтла и чиста какъ кристаллъ —
Жемчужина въ вѣнцѣ созданья
Красы безсмертной идеалъ.
Когда истлѣетъ риза тлѣнья,
Разсыплется составъ земной:
Какъ птичка, въ райскія селенья
Она полетъ направитъ свой.

Михаилъ Истоминъ.

Грамотка

ЦАРЯ ФЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

От Царя і великаго Князя Федора Івановича всеа Русиі на Двинуданщиком Томаку Тарасову стоварыщи. впрошлом в 104 году Марта в 31 день послана квам наша грамота по челобитью Лисостровские волости Митки Шудова, а велено вам тому Митке даті на лготу пустошь Борисова погоста на шесть лѣт Марта с 25 числа 104 году по тож число 110 году и ныне бил нам челом тоѣж Лисостровские волости Воскресенской церковной староста Гришка Морозов, что тоі пустоши Борисова погоста половина пол обжи церковная Воскресенья Христова искони вѣчно, а другая де половина пол обжи то впустоши Борисова погоста за волостными людьми и нам бы их пожаловати тое у них пустощи отимати не велѣти, а вписцовых книгах Князя Василья Звенигороцкого стоварыщи 95 году написано влисостровскіі волости деревни таглые церковные Воскресенья Христова, что на погосте пустошь Борисова погоста, а внем двор пуст пашни перелогом худые земли впусте обжа, а другая половина за волостными людми и как квам ся наша грамота

придетъ і вы бъ у церковного старосты у Гришки у Морозова тое церковные Воскресенья Христова, что на погосте пустоши Борисова погоста полу обжи мимо писцовыхъ книгъ не отимали и Митке Шудову на лготу не отдавали, а велѣли бъ естя на церковномъ старосте на Гришке на Морозове имати оброку внашу казну по две гривны на срокъ на Оспожинъ день ежегодъ безпереводно и запись бы естя по немъ поручную втомъ оброке взяли, а впервые бъ естя на немъ тотъ оброкъ взяли на оспожинъ день въ 105 году, а скоторыхъ Воскресенья Христова церковныхъ черныхъ деревень емлютъ волостные крестьяне наши подати по своему волостному розмету лехуя себѣ по веревкамъ, а не по писцовымъ книгамъ и не по сошной грамоте и вы бъ волостнымъ крестьяномъ стѣхъ церковныхъ деревень нашихъ податей по волостному розмету по веревкамъ имати не велѣли, а велѣли бъ естя стѣхъ церковныхъ черныхъ деревень наши подати имати по сошкамъ и по обжамъ, чѣмъ ихъ описали писцы наши, а прочетъ бы естя сю нашу грамоту и списавъ сию противень отдали Гришке Морозову назадъ для прежнихъ данщиковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7105 Марта въ 23 день.

Внизу грамоты восковая печать изгладилась, а на оборотѣ Царская подпись собственноручная подъ титлами такова:

Царь і Великї Князь Өедоръ Ивановичь веса Руси.

По склееннымъ листамъ грамоты написано: Діакъ посольской Дмитреевъ.

Навѣгъ Поляковъ на Двину.

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Къ числу историческихъ мѣстъ въ Архангельской Губерніи, по справедливости, должно отнести нынѣшнее Эмецкое село въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Оно отстоитъ отъ Архангельска по Московскому тракту въ 177 верстахъ; лежитъ на лѣвомъ берегу Эмцы, которая, протекая здѣсь полукругомъ, послѣ пятиверстнаго разстоянія впадаетъ въ Двину подъ деревнею, называемою — Прилукъ. Мѣстоположеніе Эмецкаго села возвышенное и можно сказать единственное въ этомъ уѣздѣ по красотѣ окрестностей. У подошвы его правый берегъ Эмцы лѣтомъ разстилается зеленѣющею долиною, усѣянною небольшими озерами, окаймленными лѣсомъ, и оканчивающеюся предъ Зачаческою деревнею; она отстоитъ отъ Эмецкаго села въ 5 верстахъ. Долина эта съ высотъ Эмецкихъ представляется какъ бы въ рамахъ отъ побочнаго теченія рѣчекъ —

Шарановой и сухой (мелководной) Двинки: та и другая, извиваясь почти параллельно одна другой по краямъ долины, впадаютъ въ Эмцу подъ самымъ Эмецкимъ селомъ.

По неимѣнію историческихъ фактовъ нельзя съ достовѣрностію опредѣлить въ какомъ столѣтіи послѣдовало населеніе Эмецка и постоянная осѣдлость жителей, но уже въ половинѣ XIV вѣка оно было значительно населено Новгородскими выходцами.

Карамзинъ говоритъ: «Сынъ Новгородскаго Посадника Варѳоломея Лука, набравъ шайку бродягъ и разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городъ Орлецъ на рѣкѣ Эмцѣ. Его умертвили жители какъ разбойника.» Этотъ случай такъ описанъ въ Новгородской лѣтописи подъ 1342 годомъ: «Лука Варфоломѣевъ, не послушавъ Новагорода и Митрополича благословенія, скопивъ съ собою холоповъ збоевъ и пойде за Волокъ на Двину и постави городокъ Орлецъ и скопивъ Эмчанъ и взя по Двинѣ всѣ погосты на щитъ; а сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву сту выѣха воевать и убиша его Заволочане.»

Противъ Эмецкаго села дѣйствительно существуетъ и донынѣ одна возвышенность, называемая *Городокъ*; но ни въ преданіяхъ, ни въ лѣтописяхъ не сохранилось имени Орлецъ. — Ясно, что Карамзинъ ошибкою поставилъ городокъ Орлецъ на рѣкѣ Эмцѣ, тогда какъ онъ былъ на Двинѣ, гдѣ нынѣ деревня Орлецы, и разоренъ по взятіи приступомъ.

Этотъ случай описанъ въ Исторіи Гос. Рос. Томъ V. Изд. 3 на стр. 184.

Эпоха исторически—достовѣрныхъ свѣдѣній объ Эмецкомъ селѣ начинается въ 1587 году, когда было измѣреніе и перепись земель въ Двинскомъ краѣ. Въ это время въ Эмецкомъ *стану* у большаго села на рѣкѣ Эмцѣ были два монастыря: Покровскій мужской и Ивановскій дѣвичій. Объ нихъ въ писцовыхъ книгахъ Князя Василья Звенигородскаго упоминается: «на монастырѣ Церковь Іоанна Предтечи деревянная вверху, а другая церковь Георгія Страстотерпца деревянная же. Въ церквахъ образа, книги, свѣчи и колокола и все церковное строеніе прихожанъ и Сійскаго монастыря; на монастырѣ 12 келлій.»

Безъименный городокъ на рѣкѣ Эмцѣ былъ свидѣтелемъ событій гораздо позднѣйшихъ, именно въ концѣ эпохи смутныхъ временъ, прекратившихся съ уничтоженіемъ Самозванцевъ. Карамзину не было сообщено описанія предлагаемаго здѣсь события, въ вѣрности коего ручается лѣтопись Сійскаго монастыря; а мѣстность Эмецкая положительно убѣждаетъ въ правотѣ разсказа.

Въ 1613 году Россія торжествовала свое освобожденіе возведеніемъ на Россійскій Престолъ юнаго Царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Ляхи, терзавшіе Россію со временъ перваго Самозванца, близъ Москвы были истреблены или разсѣяны; остатки корпуса Лисовскаго, отрѣзанные отъ Литвы, устремились на сѣверъ и на Вагѣ образовали болѣе, нежели семитысячное полчище для грабежа и разбоя. Появленіе

Поляковъ на рѣкѣ Вагѣ ознаменовалось страшнымъ злодѣйствомъ: они мучили и убивали беззащитныхъ крестьянъ изъ видовъ корысти; сопротивленія не было; кто могъ — спасался бѣгствомъ, оставляя домы на произволъ грабителей. Недовольствуясь этими успѣхами Поляки покушались сдѣлать набѣгъ на Двинскіе уѣзды и Заволочье, отправя туда шпіоновъ съ значительнымъ конвоемъ для рекогносцировки. Холмогорскій Воевода и Стольникъ Князь Петръ Ивановичь Пронскій, узнавъ о замыслахъ Поляковъ предупредилъ ихъ, поставя на пути преграду въ Эмецкомъ селѣ. По распоряженію его въ Эмецкѣ уничтожены келліи Ивановскаго дѣвичьяго монастыря: инокини переведены въ Покровскій мужской монастырь на мѣсто монаховъ, которые переселены въ Сійскій монастырь. Тогда же поставленъ острогъ; онъ окопанъ былъ рвомъ. Углубленія рва, опоясывавшаго съ трехъ сторонъ острогъ и донынѣ видны по всему пространству Эмецка съ сѣверной стороны, а оттуда обращены были къ югу и соединены съ двумя глубокими оврагами одинъ выше, а другой ниже села. Площадь, обнесенная острогомъ, имѣла пространства не болѣе 12 тысячъ квадратныхъ саженъ, включая въ это число болѣе 20 саженъ набережнаго угора, который въ разныя времена снесло водою. Надъ самымъ обрывомъ угора стояла деревянная церковь Св. Николая Чудотворца, одна изъ древнѣйшихъ въ Эмецкѣ; ее перевезли въ Зачачеckую деревню, гдѣ и нынѣ находится.

На Эмцѣ не ограничились устройствомъ Эмецкаго острога. Въ недальнемъ отъ него разстояніи есть двѣ земляныя

возвышенности, на которыхъ въ 1613 году расположены были станомъ Архангельскіе Стрѣльцы, присланные изъ Холмогоръ въ количествѣ 100 человѣкъ подъ начальствомъ Сотника Смирнаго Чертовскаго. Противъ западной оконечности острога на правомъ берегу рѣки уголъ, образовавшійся отъ сліянія рѣкъ Шарапихи съ Эмцею, носитъ нынѣ названіе *села Шарапова*; оно лежитъ на возвышенности почти отвѣсной надъ рѣкою этого имени. Съ сѣвера село Шарапово окружено густымъ сосновымъ лѣсомъ, называемымъ и донынѣ *Сотинъ-боръ*, который, нѣсколько понижаясь къ югу, оканчивается утесомъ; у подошвы его струятся два узкихъ продолговатыхъ озера — *Задворское* и *Яфанское*.

Во времена описываемаго событія они соединены были со стороны Эмцы каналомъ, углубленіе коего видно и нынѣ. Между этими озерами лежитъ природная земляная возвышенность, вокругъ утесистая, опушенная съ сѣвера надъ каналомъ березовою рощицею. — Ровная площадь ея имѣетъ параллельно озерамъ одну версту длины и пятьдесятъ саженъ ширины, а высота ея отъ лѣтняго уровня водъ не болѣе пяти саженъ. Эта мѣстность носитъ названіе: *Городокъ*.

Сотинъ боръ и Городокъ служили стрѣльцамъ засадою, которой способствовали какъ гористое мѣстоположеніе, такъ въ особенности густой лѣсъ, заслонявшій ихъ со стороны рѣчекъ Шарапихи и Эмцы. Неизвѣстно долго ли стрѣльцы находились въ бездѣйствіи, но вѣсть о набѣгѣ Поляковъ вскорѣ оправдалась на самомъ дѣлѣ. Изъ шайки этихъ бродягъ появился отрядъ съ Двинской стороны, вѣроятно про-

скользнувшій мимо деревни Хаврогоръ путемъ сухой Двинки, протекавшей мѣстами незаселенными. Поляки, разсѣявшись по долинѣ, предались всевозможнымъ неистовствамъ: ограбили и убили многихъ крестьянъ, безпечно отлучившихся изъ Острога. Замѣтивъ въ Эмецкомъ селѣ поставленный острогъ, они устремились вверхъ по Эмцѣ мимо острога и въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣкаВаймуга за полторы версты выше Эмецка впадаетъ въ Эмцу, начали переправляться при самомъ устьѣ Ваймуги на правый берегъ ея, называвшійся: *Наволокъ.* Съ достиженіемъ этой цѣли въ перспективѣ проселочной дороги на 16 верстъ представлялась богатая добыча для ихъ алчности — Сійскій монастырь Св. Антонія; но вскорѣ дѣла приняли неблагопріятный оборотъ для дерзкихъ пришлецовъ.

Стрѣльцы изъ засады и крестьяне изъ острога тайно сдѣлали вылазку; соединившись выше непріятельской переправы въ лѣсу, ударили соединенными силами на Поляковъ и начали тѣснить въ уголъ Наволока, окруженный рѣками. Объ отступленіи нельзя было и думать: гладкое и безлѣсное мѣстоположеніе Наволока не принесло бы желаемаго успѣха въ обратной переправѣ. Поляки рѣшились защищаться. Завязалась битва и кончилась рѣшительнымъ пораженіемъ Поляковъ: у нихъ отбито три знамени и взяты въ плѣнъ два шпіона, находившіеся въ отрядѣ. Ихъ отослали къ Холмогорскому Воеводѣ, которому они признались, что Поляковъ на Вагѣ до семи тысячъ и что они намѣреваются напасть въ расплохъ на Холмогоры въ той надеждѣ, что тамъ нѣтъ острога. Это открытіе было поводомъ къ поспѣшнѣйшему

устройству въ Холмогорахъ и въ Архангельскѣ деревянныхъ остроговъ. Послѣдствія доказали справедливость и этого извѣстія, полученнаго отъ шпіоновъ: Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1613 года шайка конныхъ Поляковъ окружила Холмогорскій острогъ и чрезъ три дня разсѣялась частію въ поморскую сторону, частію обратно на Вагу, миновавъ въ этотъ разъ Эмецкій острогъ.

Существующая близъ Эмецкаго села на мѣстѣ битвы деревня получила названіе *Ратовъ-наволокъ*, а мѣста засады Стрѣлецкой: *Сотинъ-боръ* и *Городокъ*.

Эмецкаго острога давно уже нѣтъ въ Эмецкомъ селѣ: онъ въ 1760 году сгорѣлъ со всѣми домами, церквами и монастырскими строеніями. Инокини нашли убѣжище въ Холмогорскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, который существуетъ и нынѣ близъ Преображенскаго Собора.

Флегонтъ Вальневъ.

Больная.

Пришла волшебница весна
И, какъ невѣста молодая,
Небесной прелестью сіяя,
Въ своихъ объятіяхъ она
Лелѣетъ землю; бурно бьется
Въ груди вакханки огневой
Ключъ жизни знойной; и волной
Та жизнь на всю природу льется
И воскрешаетъ всё собой!
Лишь ты одна на этомъ пирѣ
И равнодушна и грустна,
И, какъ чужая въ нашемъ мірѣ,
Всѣхъ благъ его отчуждена!
Не дышетъ нѣгой грудь младая,
Весеннимъ воздухомъ дыша;
Въ ней будто въ клѣткѣ запертая
Тоскуетъ гостья неземная —
Вѣчно-живущая душа!
Твой томный взоръ блеститъ сквозь слезы
На пиръ ликующей весны;
Тамъ слышенъ плескъ живой волны,

Тамъ пышно царственныя розы
Цвѣтутъ въ вечерней тишинѣ
И дышутъ жизнью аромата;
А на лицѣ твоемъ онѣ
Съ днемъ каждымъ блекнутъ безъ возврата:
Для нихъ не быть другой веснѣ!
Такъ ты грустишь, но безъ сознанья;
Тиха тоски твоей гроза:
Въ ея порывахъ нѣтъ страданья;
Не жжетъ души ея слеза!
Безъ этой грусти нѣтъ защиты
Отъ мукъ земныхъ; въ груди больной
Ихъ язвы мрачныя обмыты
Ея цѣлительной слезой.
Пусть для неопытнаго взора
Въ вѣнкѣ весенняго убора
Ты будешь траурнымъ цвѣткомъ:
Но для души могущественно-сильной
Блестишь ты солнечнымъ лучемъ
Въ грядущей жизни замогильной.
Ты искру мысли вѣковой
Бросаешь въ область размышленья
О тайнѣ страшной и святой—
Душевнаго преображенья!

Александръ Кузиковъ.

Маркъ Боцарисъ.

I.

«Наточите булатъ,
«Други! бьюсь объ закладъ,
«Что сей ночью на битвѣ кровавой,
«Какъ гроза—ураганъ,
«Разнесемъ Мусульманъ
«И домой возвратимся со славой.
«Эй Майноты за мной!
«Понесемся на бой,
«Чтобы кровью тирановъ Эллады
«Стыдъ отчизны обмыть
«Славу, честь искупить.
«Кто желаетъ геройской награды?»
— Всѣ летимъ за тобой,
Ботцарисъ молодой!
Загремѣло въ рядахъ ополченья.
Пусть отъ нашихъ мечей
Порта гибнетъ скорѣй,
Притѣснителямъ гибель и мщенье!

II.

«Тише други: тайкомъ
«Мы къ врагамъ подойдемъ;
«Они сну предаются безпечно:
«Намъ поможетъ самъ Богъ,
«Мы нагрянемъ въ расплохъ
«И заставимъ злодѣевъ спать вѣчно!»
— Ты на насъ положись
Славный Маркъ Ботцарисъ!
Лишь вели: мы исполнить готовы;
Наша грудь какъ гранитъ,
Въ сердцѣ мщенье кипитъ...
Мы расторгнемъ отчизны оковы!
«Братья, вечеръ насталъ;
«На прощаньи бокалъ
За здоровье родныхъ осушите;
«Но лишь полночь пробьетъ,
«Мѣсяцъ въ тучи зайдетъ
«Вы на дѣло святое спѣшите!..»

III.

Ночь ненастна, темна,
Тускло свѣтитъ луна,
Ходятъ по небу черныя тучи;
Въ вышинѣ громъ гремитъ,

Вѣтръ въ ущельи шумитъ
И по полю клубитъ прахъ летучій;
Тихо дружной толпой
Греки мчатся на бой
По долинѣ въ глубокомъ молчаньи;
Только сыплютъ лучи
Ихъ стальные мечи,
Отливаясь при лунномъ мерцаньи.
Малъ героевъ отрядъ,
Но сердца ихъ горятъ
Местью хищникамъ древней свободы.
Гибель ждетъ Мусульманъ:
Межъ горами ихъ станъ
Защищенъ отъ ночной непогоды;
Безопасный кругомъ
Врагъ покоится сномъ;
Лишь въ немногихъ мѣстахъ часовые
Неподвижно стоятъ,
Сонный станъ сторожатъ;
Маяки потухаютъ ночные...

IV.

«Эй удвойте шаги,
«Други! близко враги,
Ботцарисъ говоритъ такъ дружинѣ;
«Тамъ погасли огни

«Не укажутъ они
«Какъ прокрадемся къ стану ихъ нынѣ;
«Вотъ подходимъ къ врагамъ,
«Дайте волю мечамъ
«Караульныхъ сперва перебейте,
«А потомъ на самихъ
«Притѣснителей злыхъ
«Вы нагряньте и вихремъ развѣйте...»
Къ битвѣ поданъ сигналъ.
И въ тотъ мигъ засверкалъ
Какъ гроза мечъ въ могучей десницѣ:
Маркъ отвагой вскипѣлъ
И какъ вихрь полетѣлъ
Въ середину враждебной станицѣ.
И за нимъ всѣ толпой
Греки ринулись въ бой:
По травѣ кровь струилась ручьями;
— Гордый врагъ покорись!
— Съ нами Маркъ Ботцарисъ!
Будто громъ раздалось межъ рядами.

V.

Вопль, смятенье и страхъ
Въ Мусульманскихъ шатрахъ:
Всѣ бѣгутъ и оружье хватаютъ;

Но ихъ руки дрожатъ,
Всколебался ихъ рядъ;
Воплемъ воздухъ они наполняютъ.
Страшно залпы гремятъ,
Грозно сабли блестятъ,
По клинкамъ токи льются кровавы;
Магомета сыны
Тайной злости полны
Полусонные гибнутъ безъ славы....
Но паша къ нимъ приспѣлъ;
Снова бой закипѣлъ;
Мусульмане при немъ ободрились:
Стали Грековъ тѣснить,
Кровь потоками лить,—
Ужъ побѣдой невѣрные льстились;
Но ихъ вождь удалой
Заплатилъ головой
За отваги порывъ дерзновенный:
Пуля съ свистомъ летитъ:
Онъ убитый лежитъ
На долинѣ, въ крови потопленный.

VI.

Грозно сабли звучатъ,
Греки Турокъ тѣснятъ,
Вотъ и утренни звѣзды зажглися:

Снова пуля свиститъ...
Ктожъ убитый лежитъ?
— Други! мщенье за смерть Ботцариса!
«Нѣтъ пощады врагамъ,»
Раздалось по рядамъ—
И ужасно мечи засверкали.
Кровь рѣкой полилась
Смерть на сабляхъ взвилась,—
И невѣрные робко бѣжали.....

Михаилъ Истоминъ.

Грамота

ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА.

Отъ Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца на Двину Боярину нашему и Воеводѣ Князю Алексею Петровичю Прозоровскому. Въ прошломъ 1700-мъ и въ нынѣшнемъ 1701 годѣхъ въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ по Имянному нашему Великого Государя указу во многихъ нашихъ великого Государя грамотахъ къ тебѣ Боярину нашему и Воеводѣ писано, чтобъ у города Архангелского на малую Двинку рѣчку къ строенію новой крѣпости всякіе каменные припасы, которые отъ прежнихъ каменныхъ дѣлъ у Холмогорского Архіепископа и у иныхъ всякихъ чиновъ у людей по отпискѣ явилось, свесть и въ томъ мѣстѣ у строенья поставить кончая въ Февралѣ да въ Мартѣ мѣсяцахъ нынѣшняго 1701 году, также и по росписи и по скаскѣ инженера Ягана Адлера, которой посыланъ для описи и чертежу гдѣ той

крѣпости быть, что чего въ прибавку надобно вновь изготовить города Архангельского и Холмогорцы и Каргопольцы Чакольцы и Кеврольцы и Мезенцы всяких чиновъ посадскими и уѣздными людми тотчасъ безо всякого мотчанія и премѣны и по тѣмъ нашимъ Великого Государя указнымъ грамотамъ къ строенію той помянутой крѣпости что какихъ отписныхъ каменныхъ же готовыхъ припасовъ поставлено и вновь къ тому въ прибавку изготовлено о томъ ты Бояринъ намъ и Воевода къ намъ Великому Государю Марта по » число нынѣшняго 1701 году не писывалъ и тотъ инженеръ Яганъ Адлеръ привезъ къ Москвѣ и явилъ въ Новгородскомъ Приказѣ тому мѣсту, гдѣ той крѣпости быть, чертежъ безъ розмѣру и Марта въ 14 день указали Мы Великій Государь послать къ тебѣ Боярину нашему и Воеводѣ къ Архангельскому городу иного Инженера Брандебурской земли иноземца Егора Резена и тому мѣсту и каковой быть крѣпости учинить чертежъ новой съ подлинною и съ явною описью, а мѣсто, гдѣ той крѣпости быть къ строенію изготовить и поросль всякую что на томъ мѣстѣ есть вычистить тотчасъ же безо всякаго мотчанія и быть ему Инженеру у того дѣла безотходно и какъ къ тебѣ ся наша Великого Государя грамота придетъ, а инженеръ Егоръ Резенъ къ Архангельскому городу къ тебѣ приѣдетъ и тыбъ Бояринъ нашъ и Воевода ему Егору на малой Двинкѣ рѣчкѣ, гдѣ той крѣпости быть, велѣлъ здѣлать чертежъ вновь съ подлиннымъ и явнымъ розмѣромъ и описью; а мѣсто къ строенію той крѣпости, гдѣ онъ инженеръ будетъ указывать вычистить

и изготовить и къ буткѣ рвы покопать и всякіе припасы старые и отписные поставить и вновь по росписи изготовить по прежнимъ нашимъ Великого Государя указнымъ грамотамъ тотчасъ, чтобъ въ томъ строеніи ни за чемъ никакого мотчанія отнюдъ не было, а по тому чертежу, каковой той крѣпости быть нашъ Великого Государя указъ къ тебѣ присланъ будетъ вскорѣ, а что у тебя Боярина нашего и Воеводы по прежнимъ нашимъ Великого Государя указомъ учинено и впредь по сей нашей Великого Государя грамотѣ чинитца будетъ о томъ къ намъ Великому Государю писать чрезъ почту по часту и новой чертежъ, каковъ здѣлаетъ инженеръ Егоръ Резенъ, прислать къ намъ Великому Государю къ Москвѣ чрезъ почту жъ тотъ же часъ, а отписку и чертежъ велѣлъ подать въ Новгороцкомъ Приказѣ Боярину нашему Федору Алексѣевичю Головину съ товарыщы. писанъ на Москвѣ лѣта 1701 г. Марта въ 19 день.

У подлинной Великого Государя грамоты припись Дьяка Бориса Михайлова. Справилъ подьячей иванъ Столбицкій.

Подлинную Великаго Государя грамоту подалъ инженеръ Егоръ Резенъ Апрѣля въ 18 день въ первомъ надесять часѣ.

Гунгильда,

КОРОЛЕВА НОРВЕЖСКАЯ.

Изъ записокъ Королевскаго Копенгагенскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ.

Въ нѣдрахъ земли случайно находятъ человѣческіе трупы, которые носятъ на себѣ всѣ признаки глубокой древности. Такія находки замѣчательны по образу ихъ сохраненія, ихъ открытія и въ особенности по драгоцѣнностямъ, составляющимъ принадлежности домашняго быта. Эти и другія причины въ высшей степени интересуютъ искателя древности въ пользу наукъ. Какъ предметъ почтеннаго завѣщанія старины, такіе трупы сильно подстрекаютъ любознательность всѣхъ образованныхъ сословій: ибо они съ одной стороны служатъ къ поясненію разныхъ недоумѣній, встрѣчаемыхъ въ историческихъ изысканіяхъ о бытѣ народовъ, населявшихъ извѣстную страну, а другой даютъ возможность составить вѣрное понятіе о прежнемъ состояніи образованія, одежды, о

обычаяхъ погребенія въ древности, словомъ разрѣшаютъ многіе современные вопросы, касающіеся разныхъ случаевъ старины, переданныхъ намъ въ сагахъ, искаженныхъ временъ и отъ того подлежащихъ сомнѣнію. Открытіе трупа Королевы Гунгильды, вполнѣ удовлетворяетъ любопытство человѣка, привыкшаго обращать взоръ на событія вѣковъ минувшихъ, скрывающіяся подъ завѣсою неудовлетворительныхъ сказаній.

Въ Датскомъ Королевствѣ неоднократно дѣлали замѣчательныя открытія древнихъ труповъ, къ удивленію сохранившихся до позднихъ временъ въ нѣдрахъ земли, безъ сомнѣнія, отъ особеннаго свойства грунта. — Такъ въ тысячасемьсотъ девяносто седьмомъ году, найденъ былъ мужской трупъ въ тундристомъ грунтѣ прихода Голебюль, въ округѣ Тондернъ, близъ деревни Унделефъ: онъ былъ обернутъ двумя коровьими кожами, которыя, не имѣя виду обыкновеннаго платья, были связаны между собой ремнями продернутыми сквозь дирочки по краямъ обѣихъ кожъ; на одной ногѣ трупа былъ башмакъ изъ цѣльнаго отрѣзка коровьей кожи съ шерстью, стянутой сзади ремнями. За двадцать лѣтъ предъ симъ, при добываніи торфа въ степи, подлѣ Одинова озера въ Фюнскѣ, докопались до неистлѣвшаго трупа молодой женщины, который также окутанъ былъ въ сыромятныя звѣриныя кожи, сшитыя не нитками, а ремнями изъ той же кожи. Но замѣчательнѣйшею въ этомъ родѣ находкою можетъ почесться сдѣланная недавно, въ болотахъ сѣверной Ютландіи въ разстояніи на одну четверть мили отъ стараго помѣщичьяго дома

Гаралдскьеръ въ приходѣ Скибетъ въ Тириллъ Гардѣ, округа Вейле. (Болото въ простонародіи того мѣста называется Юте-Мозе, или другими словами: Хюдтесъ или Гюдтесъ-Мозе). У этой находки именно соединяется все, что подаетъ поводъ къ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ старины. Какъ трупъ, такъ и прочіе найденные при немъ предметы, мѣстность, гдѣ такая рѣдкая находка сдѣлана, а равно и обстоятельства, сопровождавшія необыкновенное погребеніе, указываютъ на разительные слѣды древности, дальнѣйшее изслѣдованіе коихъ приводитъ испытателя сѣверной древности къ утѣшительнымъ заключеніямъ. Прежде всего сообщаемъ происшествія, предшествовавшія находкѣ.

Двадцатаго Октября 1835 года Ютландскіе работники, прокапывая ровъ чрезъ помянутое болото для означенія межи, замѣтили руку и ногу человѣческаго тѣла, которое, какъ оказалось изъ подробнаго изслѣдованія на другой день, укрѣплено было въ тинѣ деревянными крюками по колѣнамъ и локтямъ; два отломка крѣпкихъ отраслей, согнутые въ видѣ дуги — одинъ поперегъ груди, а другой чрезъ нижнюю часть живота, удерживали тѣло въ глубинѣ болота: головою лежало оно къ востоку. Когда эти укрѣпленія были уничтожены, тѣло вытащили на поверхность земли; оно найдено было въ муміеобразномъ состояніи и признано за женское. Отрывки одѣянія, крюки и сваи были собраны. Только въ слѣдующемъ году, когда представилась возможность изслѣдовать это мѣсто подробнѣе, оказалось, что ниже пяти локтей, тина становилась влажнѣе,

такъ, что шестъ длиною семи локтей погружался въ глубину почти весь; пока дозволяла твердость грунта глубину этаго болота опредѣлили въ 11 локтей. Когда же вытащили шестъ, то изъ прогалины ударилъ фонтанъ воды, вѣроятно образовавшійся изъ родника въ глубинѣ болота. По тщательному изслѣдованію окружнаго лекаря И.Ф. Кристенса открылось, что трупъ былъ женскій, судя по значительному образованію формъ. Genitalia, labia majora et minora утвердили въ этой мысли. Зубы имѣлъ онъ подержанные, но впрочемъ всѣ цѣлые. Кожа была очень морщиновата; тѣло довольно полное. По чертамъ лица ясно видно, что смерть приключилась отъ мѣръ насильственныхъ. При вскрытіи нижней брюшной полости подъ кожицею образовалась небольшая часть затвердѣвшаго жира; внутренность вся разложилась. Преимущественно сохранились всѣ части организма, кожа и кости. Кожа была прочная, бураго цвѣта, отъ воды сдѣлалась мягкою. Руки, ноги и даже ногти были маленькіе и не подвергнулись порчѣ. Когда трупъ былъ высушенъ, длина его составила два локтя и шесть дюймовъ. Мышцы и внутренность исчезли, ноги были босые и отъ болотистой воды желѣзистаго свойства сдѣлались бураго цвѣта; однимъ словомъ все давало поводъ къ заключенію, что эта женщина была пожилыхъ лѣтъ. При трупѣ найденъ локонъ волосъ въ 20 дюймовъ длины, отдѣлившійся отъ головы. Профессоръ Форлгаммеръ удостовѣряетъ, что темный цвѣтъ волосъ образовался отъ свойства болотистой воды, а потому трудно опредѣлить натуральный; можно догадываться, что

цвѣтъ волосъ не былъ ни черный, ни темнобурый, а скорѣе свѣтлорусый или желтокрасный.—Въ этомъ локонѣ вплетенъ толстый снурокъ, скрученный изъ многихъ нитей, почти въ толщину ствола пера. Значительный остатокъ верхняго платья, наподобіе капуцинской мантіи, искусно сшитъ изъ разныхъ штукъ кожи, шерстью снаружи, что замѣтно по уцѣлѣвшимъ частицамъ. Это платье сшито сухими жилами или нитями отъ кишекъ. (Шитье кишками употребительно еще и нынѣ у Лапландцевъ въ Финмаркенѣ и у другихъ сосѣднихъ съ ними народовъ). Остатокъ верхняго платья, мѣстами обложенъ узенькою ленточкою изъ кожи, которая очень акуратно нашита ниткою того же рода. Какого звѣря эта кожа, о томъ мнѣнія различны, потому что первоначальное изображеніе того платья оказалось невственнымъ отъ просушки и очищенія; платье кажется было не длиннѣе одного локтя, но очень широко, именно по подолу въ два локтя.—Тутъ же нашлись остатки довольно толстой матеріи, необыкновеннаго вида: двойной киперной, или такъ называемой четырех-станковой; одинъ изъ этихъ остатковъ темнобураго цвѣта есть оконечность платья; рубецъ шитъ нитками изъ той же матеріи. Но замѣчательнѣе другой остатокъ; онъ такой же киперной матеріи, но тоньше и нынѣ свѣтлобураго цвѣта; отъ крестообразно вотканныхъ полосокъ черного цвѣта, едва замѣтныхъ, матерія приняла видъ клѣтчатаго штофа. Эта ткань на концахъ имѣетъ родъ кистей, скрученныхъ изъ нитей основы и связанныхъ въ видѣ узловъ, на подобіе бахрамы; надъ ними кромка укрѣплена затканною толстою ниткою.

Ширина матеріи составляла 7 дюймовъ. По изслѣдованію лектора Вилькенса, открылось, что для этой ткани употреблены были нитки, крѣпко скрученныя изъ тонкой шерсти.

Одна изъ свай, которыми было укрѣплено тѣло въ болотѣ, была дубоваго дерева, четырехъ-гранная, толщиною въ діаметрѣ въ 3, а длиною въ 19 дюймъ. По глубокимъ отпечаткамъ, замѣтнымъ на верхнемъ концѣ сваи, можно сказать положительно, что она была вбита тяжелыми ударами молота, или обухомъ топора. Такъ какъ эта свая была найдена уже тогда, какъ произведено изслѣдованіе: то нельзя объяснить, у которой части тѣла она была укрѣплена; а что она не была пробита сквозь нижнюю часть живота, можно заключить изъ того, что на тѣлѣ не найдено никакого признака раны. Можетъ быть эта свая служила для удержанія тѣхъ дугообразныхъ отраслей, которыя препятствовали трупу всплывать на поверхность болота. Одинъ изъ найденныхъ крюковъ былъ болѣе другихъ; нынѣ онъ 25 дюймовъ длины, но первоначально былъ длиннѣе. Крюкъ, который окружалъ одну ногу трупа, былъ заостренъ и 10 дюймовъ длины; эти крюки такой же ивы, какая еще и нынѣ растетъ на болотѣ. Ежели разсмотрѣть эти предметы въ подробности и, сличивъ ихъ съ другими происхожденіями древности, вникнуть, съ какими пріуготовленіями должно было совершиться погруженіе этаго трупа, то должно заключить о высокой его древности.

Когда нашли этотъ замѣчательный трупъ, Регистраторъ Секретнаго Архива Н. М. Петерсенъ обнаружилъ мысль,

что это можетъ быть трупъ Норвежской Королевы Гунгильды, которую, судя по древнимъ историческимъ свѣдѣніямъ, заманили въ Данію, и тамъ, по повелѣнію Короля Гаральда Блауцана, вѣроломно утопили въ болотѣ. Предположеніе это по многимъ обстоятельствамъ кажется вѣроятнымъ. Конечно свѣдѣнія о насильственномъ образѣ смерти этой Королевы, многими были почитаемы только за сомнительныя преданія; но если они и таковы, то очень древни и сохранились въ письменныхъ преданіяхъ отдаленныхъ вѣковъ, а не суть поздніе изустные разсказы, и все-таки заслуживаютъ полнаго вниманія.

Норвежская Королева Гунгильда или Гунгильдъ, была въ супружествѣ за Ерихомъ—сыномъ Короля Гаральда Шенгаръ, который за свою жестокость прозванъ былъ: Блутакстъ (кровавый топоръ). Еще при жизни знаменитаго отца своего Шенгара, завоевавшаго Норвегію изъ подъ власти мелкихъ владѣтелей онъ утвержденъ былъ Королемъ этаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ начальникомъ надъ своими братьями. На пути въ Біармію, Ерихъ познакомился съ Гунгильдою, дочерью одного могущественнаго владѣтеля въ Гельгеландѣ, сѣверной части Норвегіи. Отецъ ея, происходившій изъ рода Финскихъ Королей, отправилъ ее въ Финмаркенъ познакомиться съ нравами и обычаями Финляндцевъ. Здѣсь пріобрѣла она знаніе колдовства, въ занятіи коимъ впослѣдствіи ее обвиняли. Ерихъ вступилъ съ нею въ супружество и имѣлъ одного сына Гаральда, называемаго потомъ Королемъ Грауфеллемъ, надъ

которымъ дѣдъ Гаральдъ Шенгаръ совершилъ обряды идолопоклонства и назначилъ наслѣдникомъ Ериха. Впослѣдствіи Ерихъ и Гунгильда имѣли другихъ дѣтей. По смерти Короля Гаральда, Шенгаръ около 930 года возникло несогласіе междуЕрихомъ и его братьями и кончилось убійствомъ послѣднихъ. Слухъ о насильственномъ поступкѣ Ериха вызвалъ въ Норвегію послѣдняго изъ его братьевъ Гакона, воспитаннаго въ Англіи въ Адельстейсфорстрѣ: Гаконъ объявилъ себя Королемъ Норвегіи и выгналъ Ериха съ Королевою и дѣтьми.

Гунгильда, которая при прежнихъ распряхъ доказала уже все свое лукавство и властолюбіе, запутывая въ сѣти пріятной наружности мужчинъ и плѣняя ихъ необыкновенною красотою и льстивымъ обращеніемъ,—на этотъ разъ предалась бѣгству съ своимъ супругомъ чрезъ западное море, сперва на Оркадскіе острова, а потомъ въ Шотландію и Англію, гдѣ Ерихъ занялся морскими разбоями. Англійскій Король Адельстейнъ, по старинной пріязни съ Гаральдомъ Шенгаромъ, пожаловалъ Ериху часть Нортумберландіи съ правами леннаго владѣнія, обязавъ его съ его семействомъ и войскомъ принять Христіанскую вѣру.—Между тѣмъ Ерихъ продолжалъ прежнее свое ремесло пирата и потерялъ жизнь во время одного морскаго похода. Супруга его Гунгильда съ дѣтьми своими переселилась сперва на Оркадскіе Острова, а потомъ удалилась въ Данію. — Здѣсь царствовалъ Гаральдъ Блауцанъ; онъ велъ войну съ Норвегіею и потому принялъ ихъ благосклонно, даже усыновилъ одного сына Гунгильды. —

Выросши, дѣти Ериха предпринимали походы противъ Норвегіи подъ покровительствомъ Даніи, чтобы отнять это королевство у дяди своего Гакона Адельстейсфорстрскаго. Нѣсколько неудачныхъ попытокъ не охладили ихъ мужества; наконецъ счастіе имъ улыбнулось. Король Гаконъ, въ одномъ сраженіи, былъ смертельно раненъ (955 г.); Гаральдъ Грауфеллъ, его братья и мать ихъ, Гунгильда, вторично завладѣли Норвегіею. — Домогательство Гунгильды и дѣтей ея обращено было къ тому, чтобы устранить всѣхъ, которые бы могли какимъ либо образомъ препятствовать ихъ власти надъ этимъ краемъ. Два незначительные Короля поставлены въ невозможность вредить; но Гаконъ-Ледъ-Ярлъ, который владѣлъ центромъ Норвежскаго края, великимъ и важнымъ Дронтгеймомъ, былъ для нихъ слишкомъ могуществѣнъ и лукавъ. Послѣ обоюдныхъ ссоръ, въ которыхъ Гаконъ-Ярлъ и Королева Гунгильда старались другъ-друга перехитрить и коварствомъ одержать верхъ одинъ надъ другимъ, Гаконъ принужденъ былъ наконецъ оставить этотъ край; онъ прибѣгнулъ къ покровительству Даніи, чтобы тамъ привесть въ исполненіе новый планъ къ ниспроверженію власти Гунгильды надъ Норвегіею. Ему посчастливилось уговорить Датскаго Короля Гаральда Блауцана и племянника его Голдгаральда, знаменитаго Викинга, который имѣлъ притязаніе на часть Даніи, вмѣсто ея, взять во владѣніе Норвегію. Для приведенія этаго плана въ исполненіе Норвежскій Король Гаральдъ Грауфеллъ приглашенъ былъ въ Данію подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы при-

нять ленныя помѣстья, которыми онъ владѣлъ прежде; но пріѣхавъ въ Лимфіордъ, въ сѣверной Ютландіи, онъ былъ убитъ Голдгаральдомъ. Выполнивъ одно вѣроломство, Гаконъ-Ярлъ покусился на другое: онъ представилъ Датскому Королю, что ежели Голдгаральдъ завладѣетъ Норвегіею, то можетъ сдѣлаться слишкомъ могущественнымъ и болѣе притязательнымъ; по этому онъ предложилъ устранить Голдгаральда отъ притязанія на Норвегію, за что Гаконъ-Ярлъ обѣщалъ по пріобрѣтеніи ея остаться вассаломъ Даніи и платить дань Королю Датскому. Съ согласія Гаральда Блауцана, онъ поплылъ вслѣдъ за Голдгаральдомъ, и убилъ его вскорѣ послѣ одержанной побѣды. — Послѣ такого успѣха, Гаконъ-Ярлъ и Гаральдъ-Блауцанъ съ Датскимъ флотомъ, состоявшимъ изъ шести-сотъ кораблей, сдѣлали высадку въ Норвегію, которою не трудно уже было завладѣть послѣ убіенія Короля Грауфелла. Они раздѣлили новое завоеваніе между собою: Гаральдъ Гренскій получилъ во владѣніе южную часть или Фегенъ, а Гаконъ-Ярлъ все остальное. Власть его казалась довольно твердою, но хитрая Гунгильда вооружала на него новыхъ непріятелей. — Гаконъ-Ярлъ не ограничился смертію одного Грауфелла, который не имѣлъ никакихъ способностей къ правленію и царствовалъ, руководствуясь совѣтами матери; для видовъ Ярла необходимо было поставить Гунгильду въ невозможность вредить, а этого достигнуть было не такъ легко: одна смерть могла положить конецъ ея проискамъ.

Снорре Стюрлезонъ разсказываетъ, что, послѣ смерти Грауфелла, Гаральдъ Блауцанъ прибылъ съ флютомъ къ берегамъ Норвегіи и утвердилъ владѣтелемъ Гакона-Ярла, а что Гунгильда съ сыномъ своимъ Рагнфрельдомъ бѣжала на Оркадскіе острова; въ слѣдующемъ году Рагнфредъ вторично покушался завладѣть Норвегіею, но былъ побѣжденъ Гакономъ-Ярломъ и нашелъ спасеніе лишь въ постыдномъ бѣгствѣ. Тщетно ищутъ у Снорре хотя одного слова о участи Гунгильды, которая была не послѣднею участницею въ предыдущихъ событіяхъ; ясно что Снорре и его послѣдователи ничего не знали о мѣстѣ трагической ея смерти. Оркадская сага, которая только занимается разсказами о приключеніяхъ на этихъ островахъ, сохранила одно извѣстіе, какимъ образомъ сыновья Ериха Блутакста, по изгнаніи изъ Норвегіи, прибыли на Оркадскіе острова и какіе великіе перевороты совершили они тамъ; но о Гунгильдѣ не упоминаетъ ни слова. По этому легко можно поддаться искушенію повѣрить свѣдѣніямъ Снорре, будто бы она отправилась съ ними на Оркадскіе острова, между тѣмъ какъ слова эти отъ того только попали въ разсказъ, что Гунгильда ранѣе имѣла тамъ свое пребываніе и сыновья послѣ смерти ея туда отправились. Историческое извѣстіе Снорре о путешествіи Гунгильды не заслуживаетъ никакой цѣны: онъ не имѣлъ возможности разсказать о дальнѣйшей ея судьбѣ. Напротивъ того въ четырехъ источникахъ, въ сущности между собою согласныхъ, говорится что Гунгильда насильственнымъ образомъ умерщвлена была въ Даніи.—Источники

эти: Іомсфикинга сага, — статья заимствованная изъ Флатей книги, писанная 1387—1395 годовъ: основаніемъ ея служатъ прежнія свѣдѣнія Гунлаухъ Менха; монаха Теодорихса,—Норвежская исторія временъ 1150 года и одинъ отрывокъ, писанный Королями Норвежскими въ Норвегіи. По этому первыя два свѣдѣнія заимствованы въ Исландіи, но повидимому занесены туда въ бытность тамъ Г. Снорре, а послѣднія два, древнѣе первыхъ, отысканы въ самой Норвегіи и, какъ видно изъ прочаго содержанія, одно отъ другаго совершенно независимы. Всѣ они клонятся къ тому, что Гаральдъ Блауцанъ и Гаконъ-Ярлъ предварительно между собою условились какъ умертвить Гунгильду и для того заманили ее въ Данію подъ предлогомъ, что Король Гаральдъ хочетъ на ней жениться и пользоваться ея совѣтами въ управленіи Государствомъ. Удивительно, что и здѣсь умѣли воспользоваться слабою ея стороною—честолюбіемъ, равно какъ прежде скупостью ея сына. Между тѣмъ, какъ Гунгильда прибыла въ Данію, Король Гаральдъ Блауцанъ послалъ ей на встрѣчу своихъ единомышленниковъ; они, по сказанію Іомсфикинга,— посадили Гунгильду въ прекрасную колесницу и повезли къ Королю, увѣряя, что для пріема ея приготовлены великолѣпныя пиршества. Клевреты Гаральдовы ѣхали съ нею вмѣстѣ, пока продолжался день; но вечеромъ прибыли къ глубокому болоту, въ которое погрузили ее и утопили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ подлинности этаго событія, согласны между собою всѣ историческіе факты. То мѣсто, гдѣ проис-

ходило насиліе правъ человѣческихъ, съ того времени, по увѣренію Іомсфикинга, называется Гунгильдово болото.

Сага Книтлингова, вѣрная разсказу Іомсфикинга, называетъ мѣсто, гдѣ утоплена Гунгильда, такимъ именемъ, какаго нѣтъ въ Норвежскихъ источникахъ; этимъ, какъ и многими другими обстоятельствами, доказывается, что свѣдѣнія почерпнуты въ Даніи. — Такъ это мѣсто, которое не въ точности еще опредѣлено, можетъ быть въ Зеландіи вблизи Лейра—столицы Датскихъ Королей или близъ Геллинга въ Ютландіи, гдѣ, какъ Гаральдъ Блауцанъ, такъ и отецъ его, старый Гормъ, имѣли обыкновенное пребываніе; ибо тѣ мѣста славятся могилами Короля Горма и Королевы Тире Донаботъ и даже самымъ дворцемъ, построеннымъ будто бы Блауцаномъ, который, во время убійства Гунгильды, находился въ Лейрѣ или въ Геллингѣ. А что названіе дворца Гаральдсъ Кгеръ перемѣнилось съ Гарилдсъ-Кгеръ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ какъ простонародное названіе болота, гдѣ найденъ былъ трупъ, можетъ статься получило отъ имени Гунгильды или Гунильды: то оно могло бы быть важнымъ и интереснымъ, если бы удалось найти тому основаніе въ какой либо древней книгѣ, какъ писали прежде наименованіе болота, чего впрочемъ до сего времени никому не посчастливилось отыскать. Чтожъ касается до изобрѣтательности насильственной смерти: то о разнородности ея довольно извѣстно съ древнѣйшихъ временъ: у Германцевъ, какъ и вообще на сѣверѣ, былъ господствующій обычай топить женщинъ въ болотахъ и трупъ прикрывать хворостомъ и тому подобнымъ.

Даже Тацитъ упоминаетъ объ этомъ варварскомъ поругательномъ обычаѣ.—Положеніе труна указываетъ именно на то, что утопленная женщина не могла быть обыкновенная преступница; остатки одѣянія утверждаютъ въ этомъ мнѣніи. Въ отношеніи одѣяній особенно замѣчательно, что въ Рингерикѣ въ Норвегіи при вскрытіи въ двухъ дворцахъ Фейемъ и Зетрангъ могилъ, замѣчательныхъ по другимъ остаткамъ древности и подробно описанныхъ Профессоромъ Кейзеромъ, также найдены остатки матеріи, которыхъ ткань, по сличеніи съ описываемою, оказалась совершенно одинаго вида съ тою, которая найдена въ Вейлѣ. Прочими тамъ же найденными древностями положительно доказано, что эти находки принадлежатъ къ послѣднему періоду идолопоклонства—почти къ эпохѣ Королевы Гунгильды.

Чтобы еще болѣе показать разность матеріямъ, которыя несравненно древнѣе, достаточно взглянуть на найденный въ могилѣ у деревни Біолдерупъ близъ Гардерслебенъ отрывокъ матеріи изъ нѣсколькихъ лоскутовъ самаго грубаго Wadmel.

Касательно наружности Королевы Гунгильды, древніе источники упоминаютъ мало; ее описываютъ прозорливою, остроумною, хитрою, веселою, краснорѣчивою, ласковою и щедрою ко всѣмъ, кто умѣлъ примѣняться къ ея нраву; напротивъ того называютъ жестокою, безчеловѣчною, вѣроломною и мстительною своимъ противникамъ, влюбчивою и въ высшей степени сластолюбивою; но должно замѣтить, что древніе писатели нѣсколько увеличиваютъ ея тѣлесную красоту;

присоединяютъ, что она была росту малаго и уже пожилыхъ лѣтъ, когда ее умертвили.

Сдѣлавъ подробное изслѣдованіе этой, во всякомъ случаѣ, замѣчательной находки и приведя разныя доказательства, заимствованныя изъ достовѣрныхъ источниковъ въ подкрѣпленіе мнѣнія, что погибшая такимъ насильственнымъ образомъ женщина, была Королева Гунгильда, мы предоставляемъ выводъ положительнаго результата самому читателю, предваряя его, что въ Датской исторіи не упоминается ни объ одной женщинѣ высокаго сана, отличившейся подобными подвигами, которая бы на этомъ мѣстѣ, такъ давно, и такимъ насильственнымъ образомъ лишилась жизни; всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ убѣждаютъ въ томъ, что эта находка есть трупъ Королевы Гунгильды.

Карль Зейдеръ.

Гроза.

Чернѣе ночи туча шла:
Въ какомъ-то робкомъ ожиданьи
Земля грозы ея ждала,
И длилось мертвое молчанье . . .
Но вотъ ударъ: струя огня,
Прорвавъ изгибы черной тучи,
Свилась съ нея какъ змѣй гремучій.
Смотрю...и чтожъ! вблизи меня
Пылаетъ ель; у этой ели
Лежала дѣвушка; она
Какъ въ прежней дѣтской колыбели
Вліянію сладостнаго сна —
Объятьямъ смерти предавалась . . .
И рѣже, рѣже всё дыша
Она была, она казалась
Какъ Ангелъ Божій хороша!

Съ слезой мгновеннаго томленья
Закрылся взоръ. Лицо свѣтло
И черный локонъ при паденьи
Упалъ на блѣдное чело.
Въ ней было много неземнаго!
И отблескъ помысла святаго,
Душою взятаго съ собой
Еще свѣтлѣлъ въ улыбкѣ ясной,
Какъ на вершинѣ ледяной
Скалы въ часъ вечера прекрасный
Горитъ лучъ солнца золотой!
Прошолъ испугъ. Мнѣ сердце сжало
Нѣмая грусть и задрожала
Слеза во взорѣ и съ лица
Она скатилась и упала
На трупъ холодный мертвеца.
Мнѣ было жаль, что эти очи
Ни съ нѣгой чувствъ, ни со слезой
Тоски и радости земной
Не познакомятся въ часъ ночи.
Что цѣлый міръ въ груди ея
Высокихъ чувствъ, какъ сновидѣнье,
Какъ паръ исчезъ въ одно мгновенье
Съ послѣдней искрой бытія!
Но вдругъ исчезло все земное:
Другую мысль во мнѣ зажгло
Ея спокойствіе святое,

Ея лилейное чело.
Такъ эта ясная улыбка
И эта свѣтлая слеза
Сказали мнѣ, что не ошибкой
Взяла могучая гроза
Земную гостью въ край отчизны
Со знойной степи грѣшной жизни.

Александръ Кушиковъ.

Звѣздочка.

Ясно небо голубое;
Нѣтъ ни облачка на немъ;
Лишь одна, въ блестящемъ роѣ,
Опочившаго Героя
Блещетъ звѣздочка огнемъ!

Промелькнулъ *Онъ* метеоромъ,
Этой звѣздочкой водимъ;
И народы міра хоромъ
Пѣли, — радостнымъ соборомъ,
Гимнъ побѣдный передъ нимъ.

Но народнаго кумира
Скоро бросила она;
Не надолго изъ эѳира
Для владыки полуміра —
Величава и пышна —

Въ небѣ выплыла лукаво;
Не надолго съ вышины
Освѣтила путь кровавый,
Обольстившемуся славой,
Богу счастья и войны:

Вдругъ звѣзду Аустерлица,
Въ небѣ сѣверныхъ свѣтилъ,
Надъ зажженною столицей,
Мстящей огненной десницей,
Дымъ Кремлевскій погасилъ ..

Тамъ, въ странѣ пустынной, бурной,
Между скалъ, поросшихъ мхомъ,
Надъ безсмертной царской урной
Свѣтитъ въ области лазурной
Блѣднымъ звѣздочка огнёмъ! . . .

Никифоръ Борисовъ.

Не веселъ я.

Не веселъ я! отдайте жъ мнѣ обратно
Пылъ прошлой юности, ея волшебный міръ
Съ надеждами, съ любовью необъятной!..
Пусть снова, опытомъ развѣнчанный кумиръ,
Кумиръ грядущаго мечтой озолотится,
Чтобъ вновь предъ нимъ, колѣна преклоня,
Я могъ ему и вѣрить и молиться
Съ душой и сердцемъ полными огня.
Пусть снова будутъ тайной для меня
Любви земной и нѣга и желанья
И трепетъ робости въ взволнованной груди
И упоенье перваго лобзанья...
Пусть снова ждетъ меня все это впереди;
Тогда... но нѣтъ еще... не здѣсь конецъ условью:

Сродните душу мнѣ, уснувшую во мглѣ
Вновь съ теплой вѣрою и чистою любовью
Къ всему высокому, святому на землѣ;
Тогда, тогда лишь я, въ восторгѣ упоенья
Приму отъ васъ бокалъ кипящаго вина;
Явлюся съ золотомъ предъ жрицу наслажденья;
Усну безъ тяжкихъ грезъ на мягкомъ ложѣ сна.

А. Лузиковъ.

Суженые.

Повѣсть.

I.

Разскажу вамъ, господа, странное происшествіе; не взыщите только за плохое умѣнье разсказывать.

Седьмаго Апрѣля минуло мнѣ тридцать лѣтъ. Въ этотъ же самый день, въ Грязеславскихъ Губернскихъ вѣдомостяхъ было напечатано, что Засѣдатель Уѣзднаго Суда Титулярный Совѣтникъ Василій Юлинъ (:т. е. я:) произведенъ въ чинъ Коллежскаго Ассесора. Согласитесь, что эти два обстоятельства составляютъ эпоху въ жизни чиновника провинціальнаго. Я взялъ свой дневникъ и написалъ въ немъ крупными буквами: «Конецъ очаровательной поэзіи, — начало мудрой и полезной прозы.»—Написалъ и задумался. Взялъ перо и вымаралъ *очаровательной*. Вздоръ: очарованія могутъ быть всегда и во всемъ. Я еще не женатъ и легко могу сдѣлаться героемъ цѣлаго романа: бездна очарованій! Могу дослужиться до

Дѣйствительнаго Статскаго и управлять губерніей: куча очарованій! Могу нажить нѣсколько милліоновъ рублей и нѣсколько тысячъ крестьянъ: палата очарованій! Могу наконецъ прославиться учеными трудами: сколько томовъ очарованій! Очарованія бываютъ даже у редакторовъ журналовъ, когда они пишутъ программу для своего дѣтища и считаютъ тысячами умозрительныхъ подписчиковъ. Очарованій нѣтъ только у нѣкоторыхъ мужей, у нѣкоторыхъ поэтовъ, у многихъ милліонщиковъ, да у всѣхъ тѣхъ, которыхъ въ эту минуту несутъ на кладбище .... Я не мужъ, не поэтъ, не милліонщикъ, не думаю умирать, — стало быть имѣю право надѣяться на очарованія.

Въ это время попался мнѣ на глаза Voyage одного очаровательнаго Виконта, который, не зная ни слова по Русски, путешествовалъ по Россіи, *проникъ* во внутренность нѣкоторыхъ дикихъ и отдаленныхъ губерній, все высмотрѣлъ и все описалъ политически, статистически, этнографически, географически, археологически, геогностически, зоологически, ботанически, минералогически, романтически и пр. и пр. Сколько тутъ поэзіи и драгоцѣнныхъ фактовъ, сколько ученыхъ и *популярныхъ* очарованій! Что за умницы эти Французы! Долго намъ простоволосымъ Скиѳамъ догонять западныхъ собратій!

Однако пророки XIX вѣка говорятъ, что мы все таки догонимъ. И не мудрено: посмотрите, какъ бойко начинаютъ пописывать наши ученые литераторы, выучившіеся по иностраннымъ книгамъ! И у насъ начинаютъ появляться творе-

нія, исполненныя ума и занимательности. Могучіе поэты, не *міровые*, по крайней мѣрѣ *великіе*... Ученые критики правда иногда надоѣдаютъ хвастовствомъ и *популярной* бранью, но все таки статьи ихъ удивительно *рельефны и пластичны*... Романисты, историки, географы, путешественники... Ахъ, сколько очарованій у этихъ путешественниковъ! И мнѣ кажется, нѣтъ ничего легче, какъ путешествовать, описывать свое путешествіе и пить очарованія цѣлыми стаканами. Вѣдь умный Виконтъ описалъ же всю Россію, не зная по Русски, какъ говорится, аза въ глаза: странно, отъ чего такія мысли никогда прежде не пришли мнѣ въ голову: давно бы пустился странствовать и теперь у меня были бы написаны тома три, напечатаны, расхвалены, подарены и тому, и тому, и ей.... Ахъ Боже мой, какая длинная, безконечная картина очаровательныхъ очарованій!... Я вскочилъ со стула и началъ бѣгать по комнатѣ. Это бываетъ со мной въ минуты самыхъ сильныхъ поэтическихъ восторговъ.

Мечты и будущія очарованія такъ стѣснились въ душѣ, что чуть не передавили другъ друга. Схватилъ перо и написалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ на четыре мѣсяца по домашнимъ обстоятельствамъ. Подъ именемъ «домашнихъ обстоятельствъ,» я разумѣлъ ученое очаровательное путешествіе, — но куда еще и самъ не зналъ!...

Подалъ просьбу и, возвращаясь домой, началъ обдумывать: куда бы ѣхать!... Вышелъ на набережную. Рѣка наша, упившись весеннею поэзіей, разбушевалась; ледъ путешествуетъ.... А хорошо путешествовать водой и по такой рѣкѣ

какъ напримѣръ вотъ эта! . . . Тутъ не встрѣтится опасностей, неизбѣжныхъ на морѣ и между тѣмъ нѣтъ тяжкихъ и вовсе не поэтическихъ столкновеній съ станціонными смотрителями и ямщиками. . . И гораздо спокойнѣе, занимательнѣе, разнообразнѣе, нежели ѣзда по пыльнымъ дорогамъ, даже въ самомъ превосходномъ экипажѣ. Путешествіе рѣкой.— золотая средина между путешествіемъ морскимъ и сухопутнымъ. . . А лучше всего то, что до сихъ поръ еще никто не описывалъ путешествія по Русскимъ рѣкамъ: стало быть это новая точка зрѣнія... Ахъ, какая счастливая, очаровательная мысль!... Ѣду водой, по крайней мѣрѣ до уѣзднаго города Криводома, «проникну» по маленькимъ рѣчкамъ во внутренность этого уѣзда, сниму карты, виды, опишу все, все... фу. какая бездна очарованій!

Мечты опять стѣсняютъ и я почти побѣжалъ домой: едва успѣлъ раскланяться съ Матреной Павловной, которая, молча, показывала мнѣ въ окно бубноваго туза. Нѣтъ, ужъ извините, сударыня, теперь я не игрокъ въ преферансъ!— Пробѣжалъ, какъ будто не замѣтивъ ея сигнала, и усердно принялся за приготовленія къ своему путешествію.

Въ ожиданіи отпуска и начала Мая, надобно было запастись необходимыми свѣдѣніями, потому что я хотѣлъ совершить путешествіе всевозможно *ическое*. Прочиталъ Зоологію, Ботанику, Минералогію, Геогнозію, Метеорологію и еще нѣсколько *логій* въ разныхъ энциклопедическихъ сочиненіяхъ. Возобновилъ въ памяти все, чему учился десять лѣтъ назадъ и что испарилось при постоянномъ чтеніи нашихъ учено-ли-

тературныхъ журналовъ. Купилъ десятокъ портфелей, десятокъ ящиковъ и ящичковъ, два чемодана величиною съ бочку, двѣ стопы бумаги, сотню перьевъ, барометръ, термометръ и проч. и проч.

А весна, какъ нарочно, разсыпала дары свои щедрою рукою; Май явился съ такими прелестными днями, что сердце чуть не перевернулось отъ радости. Наконецъ все готово; отпускъ полученъ, вещи уложены, крытая лодка нанята. Эти крытыя лодки составляютъ нашу легкую Грязеславскую флотилію или лучше сказать, превосходные экипажи для рѣчныхъ путешественниковъ. Сперва я думалъ было отправиться на баркѣ, но здѣсь у насъ нѣтъ барокъ для путешественниковъ, онѣ существуютъ только для хлѣба, пеньки и прочихъ предметовъ русской народной промышленности. А сами знаете, путешествовать на баркѣ съ хлѣбомъ или пенькой какъ-то неловко .... неловко не потому, что неловко сидѣть, или располагаться съ вещами, — напротивъ: тутъ точно какъ дома; а такъ знаете, неловко напечатать, что я дескать совершилъ путешествіе на баркѣ съ хлѣбомъ. Такъ никто изъ иностранцевъ, кажется, не путешествовалъ, а потому наши Русскіе журналы пожалуй назовутъ меня тривіальнымъ путешественникомъ и отдѣлаютъ такъ, что стыдно будетъ показаться въ образованномъ обществѣ ... Крытыя лодки преимущественно занимаются перевозкою по Грязеславски: сѣдоковъ, по нашему: пассажировъ. Онѣ довольно пространны и широкимъ боковымъ отверстіемъ (льяломъ) раздѣляются на двѣ половины: кормовую и носовую. Я нанялъ одну кормовую, потому

что въ ней могли помѣститься всѣ мои вещи. Другую половину заняла Губернская Секретарша, бѣдная вдова, которая недавно похоронила своего мужа и ѣхала теперь къ брату, служащему въ одномъ изъ отдаленныхъ Грезеславскихъ уѣздовъ. При ней семнадцатилѣтняя дочь, очень не дурна собой. Признаюсь, не будь я тридцати лѣтъ, Коллежскій Ассесоръ и сверхъ того человѣкъ, занятый ученымъ путешествіемъ,— такое близкое сосѣдство миленькой Грязеславки конечно было бы причиной болѣе или менѣе занимательнаго романа; но теперь я уступилъ поэтическое поприще Помощнику Губернскаго Архитектора, которому поручено было освидѣтельствовать зданіе въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ и который для сбереженія казенныхъ прогоновъ въ свою пользу, выпросилъ мѣстечко на одномъ изъ моихъ чемодановъ. Взялъ я его болѣе потому, что нельзя же было путешествовать безъ товарища: мой слуга Θаддей не могъ быть занимательнымъ собесѣдникомъ и проводилъ всё время на палубѣ.

Вотъ такими-то судьбами и въ такомъ-то товариществѣ выѣхалъ я изъ Грязеславля, провожаемый друзьями, которые причины моей поѣздки искали въ несчастной любви, въ ссорѣ съ начальникомъ и Богъ знаетъ въ чемъ; настоящіе прагматическіе историки! . . . Чтобъ не потерять ни одной минуты, я тотчасъ послѣ отвала вышелъ или вѣрнѣе выползъ на палубу и сталъ возлѣ мачты. У ногъ моихъ сидѣлъ мой Θаддей; въ носу лодки два работника дѣйствовали веслами; въ кормѣ хозяинъ, онъ же рулевой, штурманъ и капитанъ. Вслѣдъ за нами отваливаетъ другая, подобная нашей крытая

лодка. Я вынулъ бумагу и карандашемъ нарисовалъ: видъ крытой лодки, отъѣзжающей изъ Грязеславля. Это будетъ первый политипажъ въ моемъ будущемъ твореніи. Вдали видна Грязеславская пристань съ барками, полубарками, дровяными плотами: прелесть!

За Грязеславлемъ на нѣсколько верстъ нѣтъ никакихъ особенныхъ видовъ, кромѣ береговъ, покрытыхъ травой и кустарниками. Срисовалъ и это. Но вотъ деревня . . . бабы полощутъ бѣлье, мальчишки играютъ на берегу . . . заходящее солнце . . . прекрасная картина. Очертилъ ее со всѣми подробностями.

Довольно на первый разъ. Спустился въ каюту и засталъ своего товарища среди занимательнаго разговора съ сосѣдками. Надобно вамъ сказать, что носовая и кормовая части лодки не раздѣляются никакою перегородкою и путешественники могутъ свободно видѣть другъ друга и разговаривать. Однако послѣ ужина сосѣдки отдѣлили свою половину широкою простынею, тщательно прикрѣпленною и пришпиленною къ стѣнамъ и потолку. Архитекторъ закусилъ губы и повалился навзничь, какъ будто готовясь уснуть, но я увѣренъ что онъ и не думалъ спать: сердечное электричество дѣйствовало и сквозь завѣсу. Впрочемъ прежде нежели мы могли предаться сну, должны были выдержать еще смертный бой съ комарами, которые съ крикомъ « ура » нападали на насъ отважно. Бой этотъ кончился только тогда, когда мы завернулись въ одѣяло съ головой и руками. Я разсказываю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно встрѣчалось со

всѣми учеными путешественниками и ни одинъ не умолчалъ объ немъ.

Дома я просыпался не ранѣе 8 часовъ утра, но теперь несносные трубачи подняли меня на зарѣ. Съ досадою я взялъ свой журналъ и записалъ въ немъ, что комары имѣютъ обыкновеніе будить путешественниковъ при восходѣ солнца. Это замѣчаніе составитъ драгоцѣнный фактъ для того, кто будетъ писать статью о пользѣ комаровъ.

Послѣ чаю, который составляетъ необходимую потребность Русскаго на сушѣ и водахъ, я просилъ брадатаго капитана привалить къ берегу; вышелъ на сушу и сталъ продолжать путешествіе параллельно съ лодкой, въ которой Архитекторъ снова началъ очаровательную бесѣду.

«Тысячи птицъ и птичекъ кричали, свистали, пикали, пѣли, прыгая по деревьямъ перелетая съ куста на кустъ, носясь надъ широкою, свѣтлою рѣкою. Я совершенно астерялся среди этого шумнаго щебетливаго, безпорядочнаго царства пернатыхъ народовъ; что тутъ подмѣтить и описать!... Глаза не успѣваютъ прослѣдить ни одного изъ дикарей... Какъ узнать, зачѣмъ они юлятъ и шныряютъ, что хотятъ выразить своими непонятными для меня криками?... Но вѣдь умный виконтъ описалъ же Русскую землю, не поминая нашего говора, нашихъ обычаевъ и потребностей! Чудный народъ эти иностранцы: все знаютъ и все умѣютъ обдѣлать, какъ нашему брату и во снѣ не приснится...

Пѣночка-самка, прыгая по кусту, спустилась ко мнѣ очень близко и, разсматривая лицо незнакомое, испускала

какіе-то тихіе пріятные звуки. Глядя на ея живые, веселенькіе глазки, я сперва было подумалъ, что она со мной кокетничаетъ, по обыкновенію Грязеславокъ, очень падкихъ на пріѣзжихъ,—но вдругъ звонкая трель, раздавшаяся надъ головою, заставила меня взглянуть вверхъ и я увидѣлъ ловкаго щеголеватаго кавалера: пѣнку-самца. Самка, сидя на мѣстѣ, замахала крылышками и начала пищать еще нѣжнѣе. Кавалеръ подскочилъ къ ней. Непонятный для меня разговоръ сдѣлался очень занимательнымъ: они любезничали и въ тоже время кажется говорили обо мнѣ . . . Я вынулъ бумагу и срисовалъ обоихъ любезниковъ . . . Воображеніе разыгралось; я увидѣлъ возможность все пернатое царство представить въ такихъ очаровательныхъ картинахъ, что читатели моего путешествія непремѣнно придутъ въ восторгъ и толпы ученыхъ юношей бросятся по слѣдамъ моимъ въ Грязеславскую губернію . . .

Вотъ высокой песчаный берегъ изрытъ глубокими норами: это гнѣзда стражей, пернатыхъ черкесовъ. Свобода, отвага, ловкость, обычай жить на чужой счетъ — предметы для поэтовъ нашего вѣка. Но стражи, какъ извѣстно, одноплеменны съ ласточками; спрашивается: почему они такъ различны въ образѣ жизни и устройствѣ гражданскомъ?. . . Слѣдствіе ли это какихъ нибудь политическихъ переворотовъ или причина различія заключается въ организмѣ, настроеніи души, въ философіи? . . . Вопросъ этотъ слѣдовало бы разобрать съ критическою строгостью въ назиданіе и руководство будущимъ орнитологамъ-философамъ . . . Я могъ бы разобрать, но

не разбираю потому, что мое дѣло только указывать... Гораздо подробнѣе и отчетливѣе хотѣлось мнѣ описать дикихъ утокъ и куликовъ, играющихъ немаловажную роль въ домашнемъ быту человѣка; но эти дикія племена, еще издали завидѣвъ меня, поднимались и улетали. Вѣроятно ненависть къ человѣку передается у нихъ отъ отца къ сыну и входитъ въ кругъ воспитанія.

Этимъ кончились мои утреннія наблюденія. Обѣдалъ въ лодкѣ, а послѣ обѣда вышелъ на берегъ вмѣстѣ съ своими спутниками. Архитекторъ въ это время былъ уже въ полномъ очарованіи. Все утро читалъ онъ спутницамъ какую-то огнедышащую журнальную повѣсть, изъ которой онѣ половины не поняли, но которая все таки сильно развила ихъ собственное сердечное электричество. Я оставался хладнокровнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ продѣлокъ, потому что давно уже пересталъ вѣрить въ любовь, именно съ тѣхъ поръ какъ началъ философствовать, какъ *она* провела меня за носъ, *она* одурачила, а послѣдняя *она* впутала въ такую исторію, изъ которой въ два года насилу выпутался... Я не хотѣлъ даже передавать наэлектризованному товарищу своей горькой опытности, потому что онъ меня не послушалъ бы и потому еще, что Гг. Грязеславскіе чиновники влюбляются нынѣ по новѣйшей теоріи, самой нравственной, которая ужъ никогда не доведетъ влюбленнаго до отчаянія и погибели. Я снова принялся за свои ученыя изслѣдованія и товарищи отстали отъ меня: маменька засмотрѣлась на проходящую бар-

ку, дочкѣ захотѣлось сорвать нѣсколько цвѣточковъ, услужливый кавалеръ бросился помогать ей.

Я услышалъ крикъ кукушки, а кукушка, какъ извѣстно, составляетъ предметъ большихъ толковъ между учеными наблюдателями. Признаться откровенно, я съ роду и не видывалъ этой птички, захотѣлось по крайней мѣрѣ посмотрѣть; но какъ добраться? Она кукуетъ въ лѣсу, а Грязеславскіе лѣса, не то, что образованные, западно-Европейскіе: дичь, глушь, трущобы! Заходилъ справа — нельзя, слѣва — нельзя, пошелъ напрямикъ и скоро раскаялся. Исполинскія сосны и ели, какъ будто удивясь моей смѣлости, сперва пропускали довольно дружелюбно, но потомъ, разгнѣванныя, раза два охлестнули такъ, что я тутъ же упалъ и чуть не вскрикнулъ отъ боли. На лицѣ и рукахъ выступила кровь, нога рапортовалась раненою... Вотъ тебѣ и ученое путешествіе!... А лукавая кукушка все таки манила къ себѣ заунывнымъ крикомъ...Нѣтъ не въ силахъ итти!...Но не стыдно-ли будетъ сказать потомъ, что я не могъ пробраться по лѣсу?... По такимъ ли лѣсамъ, въ Америкѣ, пробираются ученые Европейцы!... Досада и грусть стѣснились въ сердцѣ,—я чуть не заплакалъ... И можетъ быть дѣйствительно заплакалъ бы, еслибъ внезапная счастливая мысль не пособила горю: напишу, подумалъ я, что дошелъ до кукушки, видѣлъ, какъ она сидитъ возлѣ чужаго гнѣзда, въ которомъ положено ея яйцо. Вѣдь тутъ не будетъ лжи, а только подтвердится фактъ, давно извѣстный всѣмъ орнитологамъ. Да и вообще надобно принять за правило: чего не увижу, о томъ писать такъ, какъ

писали другіе наблюдатели; этимъ можно по крайней мѣрѣ увеличить объемъ своей книги и войти въ довѣренность и дружбу съ учеными.

Успокоивъ себя такимъ мудрымъ разсужденіемъ, я началъ пробираться къ берегу и вдругъ слышу звукъ, похожій на поцѣлуй . . . сперва было подумалъ, что это крикъ какой нибудь новой, еще неизвѣстной, неописанной птицы и весь задрожалъ отъ радости о знаменитомъ открытіи; даже въ головѣ моей ужъ готово было латинское названіе, звучно выражающее весь организмъ новооткрытаго животнаго — но вотъ мелькнуло между кустами сиреневое платьице и возлѣ него коричневый сертукъ архитектора . . . Все понялъ и подивился, какъ скоро созрѣваютъ Грязеславскіе романы!

Когда мы собрались въ лодку, я долго съ любопытствомъ смотрѣлъ на юную путешественницу . . . . Все по прежнему: ни слова, ни взгляда, ни движенія, столь много порицаемыхъ нравоучителями вѣка сего! . . . Совершенная невинность, чистая, простодушная, невѣжественная! . . . . Замѣтьте это, господа поборники непросвѣщенныхъ душъ! Къ ночи, когда, по вчерашнему, распростерлась бѣлая простыня, товарищу моему страхъ захотѣлось лечь къ ней какъ можно ближе. Я не вытерпѣлъ, и сказалъ громко: «Электричество усилилось и ужъ достигаетъ своего предѣла». — Я пріучился къ этимъ тонкимъ намёкамъ на послѣднихъ дворянскихъ выборахъ.

— А что это за электричество, Василій Николаевичъ? спросила сквозь занавѣсъ Губернская Секретарша.

«Электричество, Наталья Родіоновна, Правитель дѣлъ въ палатѣ романическихъ имуществъ.»

— Опять новая палата? . . . И жалованье вѣрно большое? . . . А мой покойникъ Егоръ Ѳомичъ сколько хлопоталъ о мѣстечкѣ . . . не могъ, голубчикъ, ничего выхлопотать, съ тѣмъ и умеръ . . . и оставилъ меня, да вотъ сироту неустроенную . . . Хорошо, что есть у меня такой братъ, который обѣщаетъ наградить Дунюшку, какъ слѣдуетъ, и устроить, когда Богъ пошлетъ суженаго. —

Губернская Секретарша вздохнула и хлопнула себя по щекѣ, къ которой было присватался комаръ. Я шепнулъ на ухо товарищу: «не упускай случая: навѣрное получишь гольемъ тысячу».— Онъ улыбнулся и весело опрокинувшись на подушку, началъ размышлять о предстоящихъ очарованіяхъ . . .

Но довольно пока объ немъ и о ласковыхъ Грязеславкахъ: впослѣдствіи узнаете развязку этой слишкомъ обыкновенной повѣсти. Теперь долженъ сказать, что въ первые четыре дня своего рѣчнаго путешествія я совершенно исполнилъ то, что предполагалъ и зачѣмъ поѣхалъ. Собраніе рѣдкостей увеличивалось неимовѣрно; одинъ портфель былъ полонъ рисунками; толстая тетрадь заключала въ себѣ многое множество самыхъ глубокомысленныхъ замѣчаній и самыхъ важныхъ и новыхъ фактовъ. У меня такой характеръ, что если захочу сдѣлаться ученымъ, такъ и сдѣлаюсь и ужъ никто не разувѣритъ, что я сѣлъ не въ свои сани. Всѣ четыре дня были ясны; только около полудня собирались

прекрасныя *кучевыя* облака и къ вечеру исчезали. Новѣйшая метеорологическая теорія блистательно оправдалась! Барометръ стоялъ около 590 русскихъ полулиній, но на пятый день на небѣ не явилось ни одного облачка, и барометръ поднялся до 610 полулиній. Это предвѣщало что-то необыкновенное. — Послѣ обѣда я не вышелъ на берегъ, а только выползъ на палубу и любовался прекрасными, истинно живописными берегами.

Былъ часъ шестый вечера, лодка наша замѣтно подвигалась впередъ быстрымъ теченіемъ и дѣйствіемъ двухъ веселъ.

«А вотъ и *Криводомъ*!» громко сказалъ брадатый капитанъ, указывая на верхушки нѣсколькихъ церквей, показавшихся среди отдаленныхъ, зеленѣющихъ деревъ.

Я тотчасъ выпулъ бумагу и давай срисовывать . . . Рисовалъ-то я, знаете, можетъ быть не совсѣмъ изящно, за то ужъ смѣло и скоро. Красота и богатство открывшейся передо мной картины такъ заняли меня, что я вовсе не замѣтилъ откуда появился вблизи нашей лодки зеленый яликъ съ пятью существами, изъ которыхъ два были въ фуражкахъ и три въ шляпкахъ; первыя два мужескаго рода, послѣднія три женскаго. Сверхъ того два гребца дѣйствовали веслами, а на кормѣ рулевой. Тутъ по видимому, нѣтъ ничего чрезвычайнаго, но вотъ въ чемъ дѣло: яликъ шелъ также, какъ и мы къ городу, а такъ какъ онъ былъ легче нашей лодки и двигался силою двухъ человѣкъ, — то вскорѣ и началъ насъ обгонять. Когда онъ поравнялся съ лодкой, вдругъ всѣ

три шляпки обратились на меня и я увидѣлъ . . . О, что я увидѣлъ! . . . Три молоденькія личика, ну - настоящія граціи, со всѣми прелестями, съ какими воображали ихъ Греки! — И особенно одна изъ нихъ, капельку посеріознѣе двухъ прочихъ — очарованіе изъ очарованій! . . . Не умѣю разсказать, что со мной сдѣлалось . . . . Сердце, знаете, сперва какъ будто сжалось въ одну геометрическую точку, потомъ расширилось и раздулось какъ волынка; потомъ забилось, застучало такъ, что я боялся перепугать не только грацій, но и ихъ спутниковъ . . . Гребцы, приподнявъ свои весла, перестали дѣйствовать, — какъ будто для того, чтобъ дать мнѣ время насмотрѣться. — Но прошла минута, и они—о варвары! — дружно пріударили, да такъ, что яликъ полетѣлъ, въ полномъ смыслѣ этого слова . . . . Я чуть не вскрикнулъ . . . . кровь прилила къ сердцу и удивительно право, какъ я не скатился съ палубы въ рѣку. — Черезъ пять минутъ, подумавъ хорошенько, пожалѣлъ, что я не скатился. Увидѣвъ мое несчастіе, можетъ быть захотѣли бы съ ялика подать помощь и я схватился бы за него, именно за него, а не за свою лодку и мнѣ подали бы *ручку* и я выскочилъ бы къ *нимъ*, положимъ —мокрый—чтожъ такое? Мое положеніе возбудило бы участіе и потомъ, потомъ . . . Ахъ, какой я дуралей, что не скатился! — Вотъ что значитъ не найтись во время!

«Не знаешь ли братъ, кто это?» спросилъ я у капитана нашей лодки, который также съ удовольствіемъ слѣдилъ глазами за убѣгающимъ яликомъ.

— Не знаю навѣрное, а кажись судья съ дочерьми, да еще съ кѣмъ-то. —

«Они вѣрно ѣздили кататься?»

— Да вѣрно такъ, вонъ туда, на островъ; въ хорошую погоду изъ Криводома многіе господа туда ѣздятъ. —

Я не сказалъ болѣе ни слова, но передумалъ столько, что когда лодка наша привалила наконецъ къ берегу, я вышелъ изъ нея ужъ не ученымъ путешественникомъ, а Богъ знаетъ кѣмъ! Вотъ какъ иногда внезапно разрушаются наши глубоко-обдуманныя предначертанія!

Я и прежде думалъ остановиться въ Криводомѣ на недѣльку — но теперь... о, я рѣшился непремѣнно узнать кто *онъ* и *она;* да и почему же не узнать, если мы не оставляемъ безъ изслѣдованія ни одной травки и камешка.

Простившись съ Архитекторомъ и его очаровательницами, которымъ должно было еще продолжать свой путь, и оставивъ Ѳаддея укладывать мои вещи, я пошелъ пріискать для себя квартиру.

II.

Вотъ я въ Криводомѣ. Квартира не щегольская, но удобная, хозяинъ бородачъ, за то услужливъ и беретъ не дорого. Ѳаддей безпрестанно спрашиваетъ:—Куда положить камни, травы, раковины?—«Вали все въ кучу въ темную комнату.» Ѳаддей удивляется и сваливаетъ... Бѣдняга вовсе не

понимаетъ, что такое граціи и какіе онѣ производятъ безпорядки въ ученыхъ кабинетахъ! . . .

— Прикажете ставить самоваръ?

«А хорошо. . . Да вынь-ка потомъ изъ чемодана мой сюртукъ: послѣ чаю я схожу прогуляться.»

— Слушаю-съ. —

Пока нагрѣвался самоваръ, я все ходилъ и думалъ.... Тысячи идей прошли черезъ голову, но никакъ не вытѣснили хорошенькаго личика съ розовыми щечками, темноголубыми глазами и черными, какъ смоль, локонами . . . Какая очаровательная противоположность цвѣтовъ! . . Какое чудное сочетаніе въ одномъ существѣ всего, что есть прекраснаго на свѣтѣ! . . .

Я ужъ приготовился было декламировать одно изъ стихотвореній въ честь голубыхъ глазъ и черныхъ локоновъ, какъ тутъ Ѳаддей мой явился съ самоваромъ. Залилъ чай, послалъ Ѳаддея за сливками и снова приготовился декламировать. . .

Вдругъ дверь растворилась и явился человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго росту, средней наружности между уѣзднымъ тузомъ и двойкой; въ форменномъ военномъ сертукѣ на распашку съ тросточкой и трубкой въ рукахъ.

— Честь имѣю рекомендоваться,—заговорилъ онъ, — Городничій здѣшняго города Климъ Карповъ Суминъ.

«Ахъ извините, пожалуйста; вы застали меня совершенно по дорожному.»

— Ничего-съ, помилуйте!

«Мнѣ слѣдовало бы явиться къ вамъ, но я сейчасъ только изъ лодки.»

— О, помилуйте, что за церемоніи. — Вѣдь у насъ не столица и не Губернскій городъ... У насъ по просту.... Сижу у Окружнаго и вижу привалила лодка... Посылаю будочника спросить: кто пріѣхалъ? Говорятъ: изъ Грязеславля Засѣдатель Уѣзднаго Суда Василій Николаевичъ Юлинъ... такъ кажется? —

«Точно такъ.»

— Да Помощникъ Губернскаго Архитектора, да Губернская Секретарша Бѣлкова съ дочерью, которые впрочемъ черезъ день отправляются далѣе... Узнаю, что вы наняли квартиру и хотите погостить у насъ недѣльки двѣ.... Вотъ и счелъ за обязанность познакомиться съ вами и познакомить васъ съ чиновниками нашего города. — У насъ всѣ будутъ рады вамъ и вы, надѣюсь, не скучно проведете время; у насъ все люди прекрасные, — кромѣ Судьи и Штатнаго Смотрителя... Ну да чортъ съ ними... вамъ и безъ нихъ есть гдѣ провести время... Навѣрное играете въ преферансъ, или въ вистъ, или въ бостонъ? —

«Иногда... но не угодно-ли вамъ чаю?»

— Сейчасъ только пилъ... а впрочемъ позвольте: для перваго знакомства нельзя отказываться. —

Городничій взялъ стаканъ, набилъ трубку табакомъ, который былъ въ карманѣ, и, расположившись въ креслахъ, принялся курить и прихлебывать; между тѣмъ разговоръ нашъ продолжался.

— Вы вѣрно захотѣли покататься или ѣдете по дѣламъ службы? — спросилъ онъ.

«Я путешествую. . . Край вашъ, при всемъ богатствѣ и разнообразіи естественныхъ произведеній, еще вовсе не описанъ.»

— А, такъ вы вѣрно хотите собирать старыя бумаги?. . . Было, сударь, и къ намъ нѣсколько требованій объ этомъ хламѣ. — Что попалось подъ руку, послали; а тутъ донесли рапортомъ, что ничего болѣе не имѣется. . . Сами согласитесь; кому охота рыться по кладовымъ и чердакамъ, и Богъ знаетъ для чего? . . Да и вамъ, почтеннѣйшій Василій Николаевичъ, не совѣтую: пробьетесь въ пыли мѣсяцъ, и найдете пустяки... Какое нибудь духовное завѣщаніе, либо родословную, либо сказку... да еще такъ написанныя, что ничего и не разберешь— ну что въ нихъ? . . . Неужели эдакая дрянь можетъ кого нибудь занимать? —

«Нѣтъ, Климъ Карповичъ, я совсѣмъ не по этой части: я собираю произведенія естественныя, изслѣдываю природу. . .»

— Природу? ... А, понимаю! . . . хе! хе! хе! Ну, что касается до этого, такъ я могу быть вамъ полезнымъ...

Я, поклонился.

— Хе! хе! хе! . . . Не стану рекомендовать вамъ прямо, а скажу, что у насъ есть цвѣточки и не дурны собой и капитальнаго довольно. —

«Я васъ не понимаю, Климъ Карповичъ!»

— Не понимаете? . . . ха! ха! ха! А вотъ погодите: завтра же я познакомлю васъ со всѣми нашими . . . . Сами увидите и можете сравнить, прицѣниться . . . Только прошу безъ моего

совѣта не начинать дѣла: вы человѣкъ молодой, можете ошибиться . . .

«Я васъ не понимаю, Климъ Карповичъ!»

— Ха! ха! ха! Завтра поймете, а теперь скажу только, что наши чиновники всѣ люди прекрасные, кромѣ Судьи и Штатнаго Смотрителя. . . Судья—это первостатейная бестія. . . Гордецъ, вольнодумецъ, скряга. . . Дочери у него смазливыя— да за то ужъ тупы-то какъ! . . И тоже гордячки: не знаются ни съ кѣмъ изъ нашихъ барышенъ... сидятъ дома и романствуютъ . . . .

«Какъ это романствуютъ? . . .»

— Да вотъ такъ ведутъ себя, какъ въ книгахъ-то описано . . . А книги доставляетъ подлипало Штатный Смотритель . . . Подлецъ естественный! Такихъ людей я вѣшалъ бы безъ суда и расправы. . . А онъ сдѣланъ еще начальникомъ училища? Вотъ нынѣшнее правосудіе! . . . Но чортъ съ ними: намъ и безъ нихъ весело! . . Вотъ напримѣръ нашъ Окружной, Петръ Ивановичъ Радольскій — добрѣйшая душа, хлѣбосолъ, настоящій русскій баринъ . . . и жена его Анисья Семеновна — ахъ, что это за рѣдкая барыня! Вотъ ужъ батюшка, въ ея компаніи не соскучитесь . . . . и обращеніе знаетъ такъ, что вотъ хоть сейчасъ въ княжескій домъ . . . И дочь ихъ Софья Петровна,—вотъ ужъ невѣста, такъ невѣста! . . Недурна собой, ловка, умна и капиталецъ, знаете, такой, что у-у-у! . . . Пожалуйте завтра ко мнѣ, такъ я васъ познакомлю . . . Сведу и къ Исправнику, тоже славный человѣкъ . . . и жена его настоящая сестрица Анисьи Семеновны, да и лицомъ-то немножко

похожа и старшая дочь ихъ Прасковья Валеріановна, пожалуй, что еще лицемъ лучше будетъ дочери Окружнаго, — но за то ужъ уступаетъ въ капитальномъ... Да и нельзя иначе: у Окружнаго одна дочь, у Исправника четыре...

Потомъ словоохотный и откровенный Городничій пошелъ къ Почтмейстеру, у котораго также были жена и двѣ дочери, потомъ къ Помощнику Окружнаго Начальника, потомъ къ Засѣдателю Земскаго Суда, потомъ къ первостатейнымъ купцамъ, потомъ опять къ Окружному, Исправнику, Судьѣ и Штатному Смотрителю. Изъ всѣхъ его разсказовъ я узналъ только то, что въ Криводомѣ существуютъ двѣ враждебныя аристократическія партіи, въ родѣ Капулеттовъ и Монтекковъ. На одной сторонѣ: Судья, Штатный Смотритель и почти всѣ учители, а на другой: Городничій, Окружный, Исправникъ, Почтмейстеръ и проч. Разговоръ нашъ продолжался до ночи. Когда на Соборной колокольнѣ пробило десять, Климъ Карповичъ всталъ, извинился въ безпокойствѣ, причиненномъ мнѣ, и отправился къ Почтмейстеру, у котораго надѣялся еще застать гостей.

Ахъ, какъ простодушны эти уѣздные чудаки! — подумалъ я и вытащилъ дневникъ — записать въ немъ всѣ происшествія этого замѣчательнаго дня. — Да, что ни говорите, а этотъ день стоило записать со всѣми подробностями: голубые глаза и черныя кудри запали въ душу и шевелили ее, какъ шевелитъ желѣзо магнитную стрѣлку... Много видалъ я на своемъ вѣку подобныхъ кудрей и глазъ, — да все ничего, а тутъ вотъ точно меня испортили лихимъ зельемъ!...

Однако описавъ все какъ было и помолившись Богу я легъ спать и проспалъ крѣпкимъ сномъ часовъ девять. Проснулся, перекрестился. Нѣтъ все таки *она* такъ и мерещится въ глазахъ! . . . Но, слава Богу, полегче. . . и сердце ужъ не такъ крѣпко сжимается, какъ вчера; пойду разсѣяться, авось излечусь совершенно. . .

Надѣлъ вицъ-мундирный фракъ и отправился къ Городничему. Не трудно было найти его домъ, потому что объ немъ зналъ каждый мальчишка. . . .

— А, Василій Николаевичъ! прошу покорно! закричалъ вчерашній мой знакомецъ, встрѣтивъ меня еще въ передней. Ввелъ въ залу и тотчасъ отрекомендовалъ меня своей женѣ и всѣмъ присутствующимъ; а присутствующіе были: Исправникъ, Почтмейстеръ, да Ерофей Ерофеевичъ, Засѣдатель Земскаго Суда—лицо, чрезвычайно замѣчательное по багровому цвѣту и большимъ прыщикамъ, его украшающимъ.

Черезъ полчаса я былъ со всѣми знакомъ и почти на короткой ногѣ. Вотъ въ этомъ отношеніи Криводомскіе чиновники опередили Европу столѣтія на два: въ настоящихъ Европейскихъ городахъ пріѣзжій можетъ найти знакомство и угощеніе только въ трактирахъ, т. е. за деньги, а въ Криводомѣ всѣ и всякой можетъ это получить даромъ. Можно пріѣхать безъ копѣйки и не умереть съ голода, но еще пользоваться всѣми удовольствіями высшаго уѣзднаго общества. Этотъ фактъ, господа, слѣдуетъ записать золотыми буквами въ лѣтописяхъ русской исторіи, на память и подражаніе просвѣщенному потомству . . .

Городничій оставилъ меня обѣдать, а вечеромъ вмѣстѣ съ нимъ и его семействомъ я отправился къ Окружному. Тамъ собралось десятка два гостей, мущинъ и женщинъ, и всѣ они не заставили долго заискивать своего расположенія: вскорѣ я былъ между ними, какъ давнишній знакомый. Даже горничная дѣвка, въ шерстяномъ домотканомъ сарафанѣ, подавая чай, улыбалась мнѣ и говорила:—Что-же вы сухарей-то не берете, Василій Николаевичъ?—

Конечно, я, какъ дворянинъ, Коллежскій Ассесоръ, а главное, чиновникъ изъ Губернскаго города, не могъ не обратить вниманія уѣздныхъ служакъ,—но все таки это вниманіе было истинно обязательное.—Ласки и привѣтливость, въ какихъ бы тривіальнымъ формахъ ни выражались, невольно растрогаютъ душу. — Я развеселился непритворно, забылъ даже объ *ней*, предался добрымъ собесѣдникамъ всѣми думами и желаніями.

Послѣ чаю, предложили преферансъ и посадили меня съ дамами по *копѣйкѣ мѣдью*. Игра безобидная и приноситъ именно то удовольствіе, какое могутъ принести карты. Я игралъ съ *Городничихой*, *Окружничихой* и *Исправницей*. Всѣ три дамы принадлежали къ высшему уѣздному кругу и отличались отъ другихъ Криводомокъ, какъ изящными нарядами, такъ и обращеніемъ. Игра наша была очень веселая. Я рисковалъ, ставилъ ремизы, проигрывалъ. Дамы дѣлили выигрышъ дружелюбно и ни разу не блѣднѣли, не кусали губъ и не выходили изъ себя, какъ обыкновенно водится между нашими Грязеславками, особенно между пожилыми дѣвицами.—

Кончилось тѣмъ, что я выдалъ каждой партенеркѣ по полтиннику.—И дешево и мило!...

Къ столику нашему очень часто подходили дѣвицы, между которыми первую роль играла дочь хозяина Софья Петровна Радольская—существо маленькое, уютное, въ родѣ восковой куколки съ черными глазами, черными локонами и крѣпко надутое, какъ обыкновенно всѣ маленькія существа женскаго рода. Капитальная и карманная невѣста крѣпко мнѣ не понравилась; едва могъ сказать съ ней нѣсколько словъ, да и то по крайнему желанію доброй маменьки. Во мнѣ есть, знаете, что-то родовое: терпѣть не могу карманныхъ женщинъ, особливо, когда онѣ важничаютъ и кокетничаютъ, какъ будто большія... Дочери Исправника ни то, ни сё... Впрочемъ дѣвицами я почти вовсе не занимался въ этотъ вечеръ.

Въ девять часовъ пригласили *къ водкѣ*. Этотъ древній обычай изгнанъ теперь у Грязеславскихъ аристократовъ и у всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ себя принадлежащими къ высшему кругу. Хорошо это или худо рѣшить весьма трудно и щекотливо. Меня заставили выпить полрюмки сладкой водки, но всѣ другіе гости пили настойку, и простое, называемое здѣсь *безумная радость*, иначе *силь ву плэ*. Послѣдній приступилъ къ тому Ерофей Ерофеевичъ, который уже осушилъ нѣсколько стакановъ пуншу. Теперь онъ выпилъ сперва рюмку настойки, а потомъ *силь ву плэ*, и наконецъ еще рюмку настойки пополамъ съ сладкой водкой. Я сказалъ уже что лицо этого человѣка весьма замѣчательно. Онъ не стоитъ между Криводомцами на первомъ планѣ,—но опытный наблю-

датель тотчасъ замѣтитъ: что Ерофей Ерофеевичъ нѣчто въ родѣ покойнаго Талейрана все знаетъ и всякому нуженъ.

Выпивъ третью рюмку, онъ обратился ко мнѣ, улыбнулся, пожалъ руку и сказалъ.

—Такъ-то, почтеннѣйшій Василій Николаевичъ, такъ-то: Весело-ли вамъ у насъ въ Криводомѣ?

«Очень», отвѣчалъ я.

—Ну, покорнѣйше благодарю; мы рады добрымъ гостямъ... Мы готовы служить вамъ всѣмъ, чего ни пожелаете... Ужъ вѣдь безъ церемоній, какъ изволите видѣть,—за то ужъ все отъ души...

«Вѣрю, что все отъ души: отъ-того то мнѣ такъ и весело.»

—Покорнѣйше благодарю, покорнѣйше благодарю, сказалъ мнѣ Ерофей Ерофеевичъ, крѣпко сжимая мнѣ руку и вмѣстѣ съ тѣмъ отводя меня въ сторону.

—А молодая-то хозяйка Софья Петровна, — заговорилъ онъ почти шепотомъ, право премилая барышня... А какая добрая, Боже мой, какая добрая? Ангельская душа!—Съ роду не видывалъ таких барышенъ.—Вотъ ужъ сокровище истинное... кому достанется только... А говорятъ ужъ нашелся и женишокъ...

«Кто это?» спросилъ я, почти не думая о своемъ вопросѣ.

— Иванъ Ивановичъ Куринскій, отставной поручикъ, племянникъ Предсѣдателя Палаты Государственныхъ Имуществъ. Онъ еще не пріѣзжалъ сюда изъ Грязеславля, а ужъ

по письмамъ идетъ дѣло на ладъ... А право жаль: говорятъ онъ ничего не имѣетъ, кромѣ своего дяди; да сверхъ того, говорятъ, крѣпко и запускаетъ... Ерофей Ерофеевичъ при этихъ словахъ сморщился и щелкнулъ пальцемъ по галстуку.

«Это плохо», сказалъ я.

—И очень, батюшка Василій Николаевичъ, а особенно, знаете, когда невѣста-то не какая нибудь Приказничиха безприданная, а дочь почтеннаго человѣка и имѣетъ за собой по крайней мѣрѣ тысячъ на тридцать.—

«Что же заставляетъ родителей невѣсты соглашаться на такой бракъ?»

—А только то, что Куринскій племянникъ Предсѣдателя . . . Ну да пусть онъ племянникъ Предсѣдателя, а по нашему все таки надобно бы было принять въ расчетъ и состояніе его, и чинъ, и поведеніе.—Впрочемъ слова рѣшительнаго еще не дано ... Наше дѣло теперь убѣждать Петра Ивановича и Анисью Семеновну къ отказу ... Авось и успѣемъ, а главное, когда представимъ имъ женишка почище...

Болѣе я не слыхалъ, что говорилъ Ерофей Ерофеевичъ.— Взглянувъ въ окно вдоль улицы, я увидѣлъ трехъ дамъ и узналъ въ нихъ своихъ очаровательницъ. Въ груди вотъ такъ и вспыхнуло: точно она была начинена порохомъ и въ порохъ ударила молнія!... Насилу удержался на мѣстѣ; страхъ хотѣлось схватить шляпу и бѣжать за *ними*. Къ счастію граціи, не доходя до дому Окружнаго, повернули въ переулокъ и исчезли. Чудное дѣло: кажется ужъ совсѣмъ

было забылъ объ нихъ, а тутъ вдругъ внезапное явленіе снова подняло въ душѣ утихшую бурю!

Мнѣ предложили сѣсть съ дамами въ преферансъ на вторую пульку. Отказаться не могъ. Сѣлъ и проигралъ призовъ 700. Всѣ смѣялись надъ моей разсѣянностью, даже Ерофей Ерофеевичъ, который едва въ силахъ былъ смѣяться. Софья Петровна сидѣла возлѣ своей маменьки противъ меня и также улыбалась.

Послѣ преферанса, посадили ужинать. Ужинъ кончился часу въ третьемъ за полночь. Тогда только, осыпанный ласками и награжденный приглашеніями на всѣ слѣдующіе дни, я отправился домой.

Добрые люди Криводомцы! Весело съ ними жить; многому можно и понаучиться, потому, что здѣсь всѣ души и характеры на распашку: входи, разсматривай, изучай каждое чувство и желанія. Съ удовольствіемъ принялся бы я за эти психологическія изслѣдованія, еслибъ не *она* . . . Ахъ, Боже мой, какъ только вспомню объ ней, такъ все внутри меня и загоритъ! Вѣрно въ роковой часъ я встрѣтился съ ней и вѣрно встрѣча эта не пройдетъ даромъ. Кто она? Какъ бы узнать? Но какъ не стыдно человѣку въ мои лѣта такъ ребячиться! Богъ съ ней: пусть живетъ себѣ на здоровье: не стану объ ней думать!

III.

Ночью видѣлъ какой-то чудный сонъ; но я его забылъ, проснулся часовъ въ девять и не успѣлъ еще хо-

решенько протереть глазъ, какъ Ѳаддей подаетъ мнѣ записку.

«Отъ-кого?»

—Не знаю-съ. —

Смотрю на адресъ: ко мнѣ! Распечатываю: рука женская:

Милостивый Государь

Василій Николаевичъ!

«Мужъ мой боленъ и потому не можетъ къ вамъ явиться. Мы теперь въ городѣ и проживемъ здѣсь долго, а потому остаемся въ полной увѣренности, что вы посѣтите насъ для рѣшительнаго окончанія начатаго дѣла. Всего лучше еслибъ вы пожаловали къ намъ сегодня часу въ двѣнадцатомъ.»

А. Радольская.

Чтожъ это значитъ? подумалъ я. Какое дѣло хотятъ оканчивать со мной Радольскіе? Преферансъ вчера конченъ: всѣ ремизы съиграны. Я расчитался какъ слѣдуетъ. Странно! Боюсь подумать. Но пойду.

— «Эй Ѳаддей! . . . Скажи человѣку, который принесъ эту записку, что *буду*.» Пока пилъ чай и одѣвался, все думалъ о странной запискѣ . . . Прочиталъ ее снова, но все таки не объяснилъ загадки . . . Отправляюсь къ Радольскимъ. Застаю Петра Ивановича еще въ халатѣ . . . Встрѣтилъ меня съ необыкновенными привѣтствіями и ласками . . .

«Вы захворали?» спросилъ я.

— Да, часу въ пятомъ утра такъ было прихватило, что струсилъ, да слава Богу прошло, и теперь здоровъ почти совершенно. —

Вскорѣ появилась и Анисья Семеновна, одѣтая щегольски. Также засыпала меня привѣтствіями и вмѣстѣ пригласила въ угловую комнату накушаться кофе. Тутъ была и Софья Петровна за пяльцами.

Разговоръ лился рѣкой, но все таки о запискѣ, и о томъ, зачѣмъ меня приглашали, ни слова. Я хотѣлъ было уже спросить, какъ вдругъ въ головѣ моей мелькнула странная мысль... Глядя на щегольской нарядъ Анисьи Семеновны, на ея быстрые глаза, безпрестанно ко мнѣ обращающіеся, на ея румяныя щеки и безжизненное лице Петра Ивановича, я подумалъ... ахъ, какъ я нехорошо подумалъ! Сердцу стало тяжело. Семейство Радольскихъ потеряло для меня всю прелесть очаровательной патріархальной простоты!

Я принялся за шляпу, все еще въ надеждѣ: авось скажутъ, зачѣмъ меня звали... не тутъ-то было!..

— Не забудьте же, что вы дали вчера слово Исправнику быть у него на вечерѣ, — сказала Анисья Семеновна, сладко улыбаясь и устремивъ на меня свои лукавые глаза...

Гадкая женщина! подумалъ я, и скорымъ шагомъ пошелъ домой. Пришелъ и записалъ въ своемъ дневникѣ: «въ уѣздныхъ городахъ есть женщины, которыя успѣли заимствовать изъ Парижа и наряды и развратъ.» Записалъ и подумалъ: итти-ли къ Исправнику? Лучше, не пойду. Сроду не бывалъ львомъ, и теперь не имѣю охоты къ львинымъ уде-

вольствіямъ. Да и Анисья Семеновна, что за предметъ тайныхъ страданій? фи, какъ это смѣшно и гадко! Займусь лучше разборкою своихъ травъ и камней, которые все еще лежатъ въ безпорядкѣ, а вечеромъ пойду гулять по городу; и осмотрю его подробно: вѣдь это моя обязанность, какъ путешественника добросовѣстнаго.

Такъ и сдѣлалъ. Часу въ пятомъ, надѣвъ сюртукъ, пошелъ на удачу въ первую попавшуюся на глаза улицу. Лукавая мечта тотчасъ начала нашептывать: авось встрѣтишь и можетъ быть узнаешь, гдѣ *она* живетъ; можетъ быть познакомишься: чего не доставляетъ счастливый случай? Задумался, замечтался и совсѣмъ забылъ, зачѣмъ пошелъ. Кажется затѣмъ и шелъ, чтобъ отыскать *ее*... И вотъ ужъ кромѣ *ея* не было въ головѣ моей ничего болѣе. Таковы наши сердечныя очарованія!... Вдругъ попадается навстрѣчу Ерофей Ерофеевичъ. Ахъ, какая досада! Но скрыться некуда. Нечего дѣлать: раскланялся и подалъ руку.

— Мое почтеніе, Василій Николаевичъ! Вы вѣрно къ Валеріану Степановичу? —

«Нѣтъ, я вышелъ прогуляться.»

— И не пойдете?

«Да: я не совсѣмъ здоровъ.»

— О, помилуйте, что за церемоніи: Валеріанъ Степановичъ, какъ и всѣ наши Криводомскіе чиновники, любитъ жить попросту. Если вамъ сдѣлается хуже, прилягьте въ его кабинетѣ. А пожалуй и ночуйте: очень будетъ радъ. А итти все таки надобно, почтеннѣйшій Василій Николае-

вичъ! Скажу по секрету: васъ тамъ ждутъ.... и очень ждутъ. Ерофей Ерофеевичъ при этихъ словахъ такъ странно улыбнулся, что и я не могъ не улыбнуться.

— Да, сударь, прибавилъ онъ, васъ тамъ ждутъ. —

«Кто-же меня ждетъ? Безъ сомнѣнія хозяинъ?... Въ такомъ случаѣ я пошлю къ нему извиниться.»

— И хозяинъ ждетъ и еще нѣкоторыя особы. Ну, да не хочу таиться передъ вами, почтеннѣйшій Василій Николаевичъ: скажу напрямикъ, только смотрите по секрету! Софьѣ Петровнѣ вы очень понравились. Да и самъ Окружный съ супругой отзываются объ васъ съ большими похвалами. А Городничій Климъ Карповичъ говоритъ, что они съ удовольствіемъ промѣняютъ васъ на Куринскаго. —

Не успѣлъ еще я отвѣтить на эти странныя слова, какъ на улицѣ показался самъ Климъ Карповичъ, идущій прямо на насъ. Ерофей Ерофеевичъ тотчасъ обратился къ нему.

— Представьте себѣ: нашъ почтеннѣйшій Василій Николаевичъ не хочетъ итти къ Исправнику! —

— Это почему? —

«Я не совсѣмъ здоровъ и притомъ въ сертукѣ, — неловко.»

— Э, вздоръ, почтеннѣйшій, вздоръ! Мы васъ принудимъ силою. —

И съ этими словами, онъ взялъ меня за руку, а Ерофей Ерофеевичъ подхватилъ за другую и повели къ Исправнику. —

Мнѣ было очень досадно, но дѣлать нечего: вѣдь не драться же!... Вскорѣ я утѣшилъ себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что Анисья Семеновна приглашала меня сегодняшнею запискою не для себя, а для своей Сонички. Но и Соничка крайне противна, особенно, когда ее насильно навязываютъ!

У Исправника было уже съ десятокъ гостей, въ томъ числѣ новое лицо, не только для меня, но и для Криводомцевъ: чиновникъ особыхъ порученій при Губернаторѣ Семенъ Алексѣевичъ Полевъ. Онъ пріѣхалъ изъ Грязеславля ревизовать запасные хлѣбные магазины. Насъ тотчасъ познакомили, какъ людей молодыхъ, и поставили на первомъ планѣ среди всѣхъ гостей. Я нашелъ въ Полевѣ человѣка довольно умнаго и просвѣщеннаго. Это меня очень обрадовало, потому что простодушная откровенность Криводомцевъ начинала уже надоѣдать. Но Полевъ дурно сдѣлалъ, сказавъ, что ни въ преферансъ, ни въ бостонъ не играетъ менѣе гривны: его тотчасъ отправили къ мущинамъ и мнѣ одному пришлось воевать съ женщинами. На этотъ разъ предложили лото, вѣроятно для того, чтобъ въ игрѣ могли участвовать и дѣвицы. И не успѣлъ я сѣсть на указанное мѣсто, какъ возлѣ меня очутилась Софья Петровна. Я покраснѣлъ отъ досады. Къ счастію эта карманная очаровательница почти не говорила со мной. Вотъ единственная добродѣтель уѣздныхъ невѣстъ! Игра наша продолжалась часа два. Насилу могъ вытерпѣть и не наговорить глупостей: у меня таковъ характеръ! Но вотъ по окончаніи лото, хозяйка подошла къ органамъ и давай вертѣть какой-то старомодной вальсъ. Всѣ приступили

ко мнѣ съ требованіемъ потанцовать... Нечего дѣлать: проверну́лся по нѣскольку круговъ со всѣми дѣвицами и дамами, не исключая даже толстой Почтмейстерши.

Но кончился наконецъ и вальсъ. На кругломъ столѣ появилась сильная колонна графиновъ и бутылокъ. Всѣ мущины подошли къ ней, весело улыбаясь. Городничій, выбравъ самую огромную рюмку, и наливая ее *безумной радостью*, произнесъ свое обыкновенное четырехстишіе:

Ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ,
Въ офицерскомъ чинѣ....
Не выпить ли водочки
По этой причинѣ?.. —

Каждый изъ прочихъ собесѣдниковъ старался придумать или припомнить подобный куплетецъ. Пользуясь веселымъ замѣшательствомъ, я вышелъ съ Полевымъ на балконъ.

Былъ часъ девятый вечера. Погода превосходная. Теплый и благорастворенный воздухъ навѣвалъ отраду... Вдругъ вдали улицы показались... опять *онѣ*!.. Въ третій разъ это роковое явленіе, отъ котораго вся душа моя кипитъ, словно море подъ пятой урагана!... Нѣтъ, во что бы то ни стало, а узнаю—кто она?

«Не хотите-ли прогуляться?» сказалъ я Полеву.

— А хорошо. —

И мы схватили шляпы и, не смотря на всѣ просьбы хозяевъ и гостей, побѣжали на улицу... Но гуляющія кра-

савицы ужъ успѣли въ это время повернуть въ какой-то переулокъ: ихъ не было видно.

«Я люблю гулять скорымъ шагомъ,» сказалъ я Полеву, бросившись на удачу отыскивать предметъ заколдованный.

— Только, пожалуйста, не бѣгомъ, — отвѣчалъ товарищъ, едва успѣвая бѣжать за мной.

Пробѣжали улицу... другую, третью—нѣтъ ихъ!... Ахъ, какъ это невыносимо!

— Нѣтъ, ужъ я вовсе не могу итти такъ скоро, — сказавъ Полевъ, задыхаясь отъ усталости.

«Ну такъ пойдемъ по дамски» — отвѣчалъ я, потерявъ всякую надежду увидѣть *ее*... И только что проговорилъ эти слова, какъ вдругъ *онѣ*. Точно выросли изъ земли! У меня и ноги задрожали; весь растерялся... Готовъ былъ броситься назадъ; убѣжать не вѣсть куда и скрыть свое замѣшательство. А давно ли гнался за *ней* съ такою отважностію. Вотъ какъ мало разсудка въ душѣ очарованной!

Съ ними шелъ мущина. Полевъ тотчасъ обратился къ нему и заговорилъ. А я не зналъ куда дѣваться: рядомъ ли итти съ ними, позади или впереди?... Палка моя упала: поднялъ, сдѣлалъ шагъ, упала перчатка, чудно: кажется, была на рукѣ! Поднялъ и перчатку, переступилъ: упала другая. Ахъ, какъ это несносно! Осердился: взялъ палку подъ мышку, а перчатки положилъ въ карманъ. Ну, теперь поправился, подумалъ я. А въ самомъ то дѣлѣ, былъ настоящимъ профаномъ, такимъ профаномъ, надъ которымъ расхо-

хотался бы даже Ерофей Ерофеевичъ! Къ счастію ни одна изъ красавицъ не оглянулась на меня и вѣроятно не замѣтила моего профанства, а еще къ большему счастію, мое затруднительное и забавное положеніе въ тылу очаровательной фаланги продолжалось недолго: у воротъ небольшаго домика *она*, именно *она*, простившись съ подругами, отдѣлилась отъ нихъ и пошла къ калиткѣ. Тамъ она еще разъ обернулась и взоръ ея упалъ на меня . . . Да, именно на меня! И такой взоръ, что палка моя снова съ громомъ ударилась о мостовую... Ахъ, Боже мой, что это со мной дѣлается? Какъ будто я сроду не видывалъ ни женщинъ, ни красавицъ! Уѣздная барышня, можетъ быть безграмотная... Ужъ не судьба ли это, о которой такъ много и часто твердятъ Грязеславскія старухи?

Философствуя такимъ образомъ, но всё таки оставаясь въ тылу, я прошелъ еще почти цѣлую улицу. Наконецъ мущина съ двумя остальными граціями, простился съ Полевымъ и повернулъ къ своему дому.

«Кто это?» тотчасъ спросилъ я своего товарища.

— Это здѣшній Судья Короваевъ, а дѣвицы должно быть его дочери. —

«Ну а та, что ушла прежде?»

— Той не знаю. А хорошенькія, не правда ли? —

«Да, жаль, что нельзя узнать кто она!»

— А вотъ можетъ быть узнаемъ, — сказалъ Полевъ и остановилъ бабу, отправлявшуюся съ ведрами за водой.

— Послушай, голубка: видѣла ты какъ Судья гулялъ здѣсь съ своими дочерьми? —

— Видѣла, а еще? —

— А кто была съ ними третья барышня? —

— Третья-то барышня? А кажись Софья Павловна Радольская. —

Эти послѣднія слова баба произнесла, глядя не на Нолева, а на меня и, произнося ихъ, лукаво усмѣхнулась. Я плюнулъ. Чортъ возми, ужъ по цѣлому городу пронеслось, что за меня сватаютъ карманную Радольскую! И эта мерзкая баба смѣетъ издѣваться! Вотъ почему жизнь въ уѣздныхъ городахъ бываетъ иногда невыносима! Всякая семейная тайна, всякая ложь и нелѣпость, придуманныя иногда съ похмѣлья, тотчасъ дѣлаются извѣстными всѣмъ, отъ Городничаго до сторожа. Не стану болѣе ходить ни къ кому изъ своихъ Криводомскихъ знакомцевъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не утихнутъ несносные толки; а то, пожалуй, усердные сваты поставятъ въ такое положеніе, что хоть женись на Софьѣ Петровнѣ или бѣги изъ города! И того и другаго я сдѣлать не могу: непремѣнно долженъ узнать, кто *она* и откуда въ *ней* такая бездна непостижимыхъ очарованій?

Съ этою рѣшимостію я пришелъ домой и промечталъ до полуночи . . . Вотъ господа, въ какія лѣта приходятъ иногда сердечные недуги со всѣми припадками настоящаго сумасшествія!

IV.

На другой день утромъ я поумнѣлъ нѣсколько. Вспомнилъ о цѣли своего путешествія и послалъ Ѳаддея нанять лодку, которая перевезла бы меня за рѣку и дала бы возможность осмотрѣть всѣ близлежащіе острова и берега. Сверхъ того, я избавлялся такимъ образомъ отъ своихъ знакомцевъ, которые хотѣли собраться у Почтмейстера. Ко мнѣ пришелъ Полевъ и послѣ нѣсколькихъ словъ изъявилъ желаніе сопутствовать. Очень радъ товарищу! Взяли на всякій случай ружья и поѣхали. Мѣста, найденныя нами, были прекрасны. Все, чего хочешь: и цвѣты, и величественныя деревья, и дичь, и хоръ пернатыхъ поэтовъ, и виды, истинно живописные. Мы не замѣтили, какъ пролетѣло часовъ пять. Мало собралъ я для науки, за то душа моя была полна чудною радостію. И вообще здѣсь надобно замѣтить, что Гг. ученые смотрятъ на природу съ той же самой точки зрѣнія, съ какой лекарь на красавицу; стараются застать ее въ росплохъ, неодѣтую, осматриваютъ мѣста болѣзненныя, распрашиваютъ о такихъ вещахъ, о которыхъ никому нѣтъ нужды знать; задумываются надъ тѣмъ, чѣмъ просто надобно восхищаться. Признаюсь, еслибъ не жажда славы, я ни за что на свѣтѣ не сталъ бы разбирать природы по ученому!

Былъ часъ четвертый за полдень и мы ужъ порядочно поутомились, но Полевъ еще предложилъ посмотрѣть на дятловъ, которые усердно работали на близстоящихъ сос-

нахъ. Пошли тихонько и я хорошо высмотрѣлъ какъ эти пернатые матросы, лазѣя по деревьямъ, долбятъ ихъ своимъ острымъ клёвомъ и проворнымъ языкомъ подхватываютъ встревоженныхъ насѣкомыхъ. Наблюденіе меня очень заняло: незамѣтно я разстался съ товарищемъ и ушелъ довольно далеко. Слышались мнѣ какіе то голоса, но я не обратилъ на нихъ вниманія: вѣрно крестьяне ищутъ ягодъ и грибовъ. Иду далѣе; слышу за кустами шумъ шаговъ по хворосту и вижу, что дятелъ, котораго наблюдалъ я, перелетѣлъ съ дерева на другое. Захотѣлось посмотрѣть: кто тутъ? Раздвигаю кусты и представьте мое изумленіе: *она*!... Я такъ и опрокинулся навзничь ... Никогда не вѣрилъ привидѣніямъ, но вотъ оно на лицо!... Что со мной сдѣлалось тогда, до сихъ поръ не понимаю. Можетъ быть я поскользнулся, можетъ быть взволнованная кровь уже черезъ чуръ прилила въ голову. Лежу и слышу: *ахъ*! Слышу нѣсколько женскихъ голосовъ. Наконецъ приподнимаюсь, смотрю: всѣ три граціи въ самыхъ простенькихъ, но очаровательныхъ нарядахъ. Я пуще остолбенѣлъ. Ахъ ты, Господи, что за чудеса такія! Стою и не смѣю не только что нибудь вымолвить, но даже пошевелить пальцемъ. Вдругъ граціи схватились за руки и убѣжали. Я перекрестился, но все таки не могъ сдвинуться съ мѣста. И Богъ знаетъ, долго ли бы я простоялъ тутъ, еслибъ не услышалъ голоса Полева, который звалъ меня.

— Василій Николаевичъ, гдѣ вы? —

«Здѣсь!» откликнулся я наконецъ.

— Ступайте сюда: Егоръ Афанасьевичъ приглашаетъ васъ въ свою бесѣду. —

«Кто это Егоръ Афанасьевичъ?»

— Судья Криводомскій. —

Тутъ только я понялъ, въ чемъ дѣло и вышелъ изъ крайняго недоумѣнія.

«Зачѣмъ здѣсь Егоръ Афанасьевичъ?» спросилъ я еще своего товарища.

— А затѣмъ же, зачѣмъ и мы съ вами: гуляютъ и берутъ грибы. И *хорошенькая* здѣсь. Вотъ теперь-то съ ней познакомишся! —

Я пошелъ за Полевымъ, а сердце такъ и стучало: словно просилось на волю.

Вотъ онѣ всѣ три, сидятъ на пригоркѣ вокругъ сосны: и Судья съ ними . . . А въ сторонѣ прислуга готовитъ чай.

— Честь имѣю рекомендовать моего товарища, — сказалъ Полевъ.

Судья всталъ и поздоровался со мной, какъ слѣдуетъ простому и добродушному уѣздному чиновнику. Но въ лицѣ его я замѣтилъ болѣе суровости, или лучше сказать, какой-то военности, нежели у всѣхъ тѣхъ, съ которыми до сихъ поръ былъ знакомъ въ Криводомѣ.

Граціи заговорили и я услышалъ ея голосъ. Боже мой, какой голосъ! Съ роду не слыхивалъ очаровательнѣе! Ни съ чѣмъ нельзя сравнить этаго голоса. Какая-то невыразимая мелодія такъ и шевелитъ каждую струнку сердца. Родятся-же люди съ такимъ волшебнымъ горлышкомъ!

Я совершенно забылся въ морѣ очарованій и ужъ вовсе не помню, какъ вступилъ въ разговоръ съ дѣвицами, даже съ *нею*. Да, я говорилъ съ *ней*! Подивитесь моей храбрости и моему счастію... Но хоть убейте, не помню, о чемъ говорилъ... Только послѣ чаю, именно къ концу нашей бесѣды, я началъ понимать себя и замѣтилъ, что дочери Судьи отпускаютъ тонкіе намеки на счетъ моего замѣшательства. — Пусть онѣ утѣшаются, подумалъ я, вѣдь мнѣ отъ этаго не больно.

Но наконецъ стало и больно:

— Вы путешествуете? — спросила меня старшая.

«Да захотѣлось познакомиться со здѣшними мѣстами и прекрасною природою.»

— А познакомились съ Радольскими? — спросила младшая насмѣшница.

«Да», отвѣчалъ я, покраснѣвъ до ушей.

— То-то-прибавила она, это обязанность каждаго образованнаго путешественника. —

И онѣ взглянули другъ на друга и легкая, чуть замѣтная улыбка проявилась на розовыхъ губкахъ.

Злыя шалуньи, подумалъ я — о, еслибъ не было здѣсь *ея*: я отплатилъ бы вамъ! А при *ней* не могу: языкъ не шевелится. Чудное дѣло: при *ней* я какъ ребенокъ, какъ школьникъ! . . . я замѣтилъ, что и *она* также краснѣетъ и часто приходитъ въ замѣшательство. Отъ чего-бы это? Быстро пролетѣли часы очарованія: какъ будто нѣсколько минутъ. Судья пригласилъ насъ завтра на вечеръ. Новое очарованіе:

тамъ я навѣрно увижу *ее*; но кто она? Только простившись, *я* догадался, что еще не знаю *ея*! Вспомнилъ однакожъ, что дочери судьи называли ее *Соничкой*: стало быть она Софья. Какое звучное, очаровательное имя! Болѣе этого я ничего не зналъ, да почти и не хотѣлъ знать. Не говорилъ даже съ Полевымъ, боясь навести его на подозрѣнія. Не дивитесь, господа, отсутствію разсудка въ этихъ событіяхъ: я былъ влюбленъ и влюбленъ не на шутку.

Вотъ тебѣ и ученая поѣздка! . . .

V.

Ночь почти вся прошла въ мечтахъ и думахъ. Заснулъ только передъ утромъ. Но проснувшись, помолился и подумалъ про себя: Слава тебѣ Господи, по крайней мѣрѣ познакомлюсь съ *ней* и узнаю, что это за существо? Стоитъ ли она этихъ страстныхъ думъ и мечтаній? Если стоитъ, тогда попробуемъ, нельзя ли завладѣть *ею* навсегда, а не стоитъ такъ поклонъ, да и въ сторону. По крайней мѣрѣ будетъ какая нибудь развязка. А между тѣмъ никого изъ Криводомскихъ чиновниковъ, кромѣ Судьи, не стану посѣщать: тогда усердные сваты мои уймутся и несносные толки утихнутъ.

Но едва успѣлъ я подняться съ постели, какъ Ѳаддей подаетъ записку, принесенную тѣмъ же самымъ человѣкомъ, который являлся ко мнѣ два дня тому назадъ. Распечатываю . . .

Милостивый Государь

Василій Николаевичъ!

«Крайне удивляемся мы поведенію вашему послѣ всего того, что было между нами... Вы видѣли Соничку, стало быть раздумывать не объ чемъ. Мы не заставляемъ васъ сдержать непремѣнно данное вами слово, но просимъ и молимъ разрѣшить узелъ и сдѣлать насъ совершенно свободными. Больной мужъ мой только и бредитъ объ этомъ. Сдѣлайте же милость, не оставляйте насъ въ самомъ щекотливомъ и непріятномъ недоумѣніи. Мы каждый день дома, отъ утра до вечера. Но если вы не желаете посѣтить насъ, по крайней мѣрѣ увѣдомьте о вашихъ намѣреніяхъ письменно.»

А. Радольская.

Я чуть не лопнулъ съ досады: такъ взбѣсила меня эта новая глупость Анисьи Семеновны! — Чтобъ ей провалиться сквозь землю и съ своей щедушной Соничкой! Настоятельно сватать свою дочь. Этакое безстыдство! И еще увѣряетъ, что я самъ того искалъ!—

Съ горяча я вскочилъ въ переднюю и закричалъ посланнику:

«Скажи барынѣ, что я нездоровъ и притти къ нимъ не могу; писать отвѣта также не могу, потому что... потому что... потому что я нездоровъ и не понимаю, чего отъ меня требуютъ, слышишь ли? не понимаю, чего отъ меня требуютъ!»

—Слушаю-съ, — отвѣчалъ посланный и отправился къ своей барынѣ.

Часа полтора я бѣгалъ по комнатѣ; насилу взволнованная кровь уходилась.—Да и въ самомъ дѣлѣ кому пріятно сдѣлаться предметомъ такого нелѣпаго и пошлаго сватовства?—Теперь безъ сомнѣнія, думалъ я, трубятъ по цѣлому городу, что я ужъ помолвленъ съ карманною Соничкою. И можетъ быть ужъ знаетъ объ этомъ *она*, моя дорогая, ненаглядная Соничка. И можетъ отъ души смѣется надъ моимъ выборомъ. «Бросился, дескать, за богатствомъ! Ему, дескать, не нужны красоты душевныя и тѣлесныя; однѣ только деньги!»—Ахъ, какъ это ужасно!—Вотъ какіе могутъ встрѣтиться иногда несчастные случаи. Однако сегодня у Судьи напрямки выскажу, что, дескать, такъ и такъ... Пусть сердятся и бранятъ меня Радольскіе и съ ними всѣ почтенные сваты: мнѣ какое до того дѣло. А впередъ будутъ поумнѣе!

Насилу дождался вечера, однако дождался.

Не дождался только Полева, который обѣщалъ зайти за мной, но какъ мнѣ казалось слишкомъ замедлилъ. Пробило шесть. Пора! Одѣвшись, какъ слѣдуетъ, не щегольски, но и не безъ вкуса, отправился къ предмету своихъ думъ и мечтаній. Я проведу съ ней нѣсколько часовъ, прекрасныхъ часовъ. Ахъ Боже мой, что это за очарованіе!... И ужъ не буду сегодня такимъ болваномъ, какъ вчера. Нѣтъ, все выскажу тонкими намеками, все, все... И желанія свои, и думу свою и любовь свою, чистую, безпредѣльную. Теперь ужъ я все обдумалъ, на все приготовился. Ахъ какое счастіе? Сильно затрепетало сердце, когда я отворялъ двери, за которыми надѣялся увидѣть *ее*. Но вхожу въ залу—нѣтъ никого... въ

гостиную и вижу хозяина съ своими дочерьми и только! . . . Сердце затрепетало еще сильнѣе, но ужъ не отъ радости. . . Отъ чего-же это нѣтъ *ея*?

Поздоровавшись, сѣлъ на указанное мнѣ мѣсто, и молчалъ. Тоска сдавила душу. Здорова-ли Софья? Не уѣхала-ли куда нибудь? Я рѣшительно не зналъ бы что говорить, еслибъ не выручилъ меня вскорѣ вошедшій Полевъ: при немъ завязался по крайней мѣрѣ хоть пустой разговоръ.

Но хозяева также были какъ бы не въ духѣ; даже обѣ рѣзвушки, такъ много надоѣдавшія мнѣ вчера своими тонкими намеками, сегодня, ни слова, даже почти вовсе не шутили и не смѣялись. Что бы это такое значило? Во время-ли мы пришли? Не случилось ли какого нибудь важнаго семейнаго состоянія? . . . Но сколько я ни спрашивалъ самаго себя, все таки вопросы мои оставались безъ отвѣта.

Кое-какъ прошло нѣсколько часовъ; мы всѣ замѣтно скучали. Къ концу вечера я попросилъ старшую изъ хозяекъ съиграть что нибудь на фортепьяно. Младшая тотчасъ подсказала ей.

— Съиграй любимыя варіаціи Сонички Радольской. —

Я притворился непонимающимъ этой злой насмѣшки и усѣлся слушать. Варіаціи въ самомъ дѣлѣ были истинно прекрасны.

Но не успѣлъ я дослушать и половины ихъ, какъ хозяинъ, кончивъ разговоръ съ Полевымъ, подошелъ ко мнѣ и сказавъ, что имѣетъ надобность поговорить наединѣ, повелъ

въ свой кабинетъ. Глядя на суровое лицо его, я пошелъ съ трепетнымъ ожиданіемъ чего-то страшнаго.

Пришли, сѣли.

— Почему вы не хотите кончить начатаго дѣла съ Радольскими? — спросилъ Судья почти строгимъ голосомъ.

«Какого дѣла, Егоръ Афанасьевичъ?»

—Не удивляйтесь моему вопросу, почтеннѣйшій, будьте откровенны: мнѣ какъ единственному другу, открыты всѣ семейныя тайны. —

«Но, какаго дѣла, Егоръ Афанасьевичъ? Если вы разумѣете эти глупые толки, которые распустили обо мнѣ въ городѣ, то ихъ можно кончить мнѣ только однимъ средствомъ: уѣхать изъ Криводома.»

— Какіе толки, Милостивый Государь? Развѣ вы не просили у Радольскихъ формально руки ихъ дочери? —

«Формально? руки ихъ дочери?» спросилъ я, вскочивъ со стула.

— Да, сударь, формально! Не думаете ли запереться?

Вмѣсто отвѣта, весь превратившись въ удивленіе, я отступилъ два шага назадъ и перекрестился. — Судья также отступилъ назадъ и перекрестился.—

Оба молчали.

«Позвольте васъ спросить, Егоръ Афанасьевичъ, — заговорилъ я наконецъ,—что за причины заставляютъ васъ вступаться въ это дѣло, каково бы оно ни было: важное или вздорное?»

—А причины, сударь тѣ, что я тридцать лѣтъ знакомъ съ Радольскими и все равно, что самый близкій ихъ родственникъ! —

«Вы? какъ родные съ Радольскими?»

—Да, сударь, какъ самый близкій, кровный, родной... И чему вы удивляетесь! Ахъ, да! Вѣрно Г. Городничій, да пьяница Ерофей Ерофеевичъ разсказали вамъ объ моихъ отношеніяхъ къ Радольскимъ; но на слова этихъ господъ, сударь, можно просто плюнуть... И я вамъ повторю еще, что мы съ Радольскими короче, нежели родственники. И потому-то я принимаю въ дѣлѣ ихъ самое искреннее участіе. Вы просили руки ихъ дочери, она согласилась,—а теперь не хотите имъ и глазъ показать, — между тѣмъ какъ эта исторія сдѣлалась извѣстна цѣлому городу. Вы слушайте же, не перебивайте меня! Согласитесь, что такое положеніе для благородной дѣвушки самое не завидное, къ тому же Радольскій человѣкъ больной, дряхлый, почти дитя: его и не такія обстоятельства могутъ растрогать до глубины души. Вотъ, что заставило бѣдную мать два раза писать къ вамъ съ тою цѣлію, чтобъ вы дали какой нибудь рѣшительный, благородный отвѣтъ—отвѣтъ, на которомъ бы они могли основать свой рѣшительный отказъ... да сударь, отказъ вамъ! И чтожъ вы отвѣчали: «я боленъ, не могу съ вами видѣться,» а между тѣмъ ходите по цѣлому городу... явно показываете всѣмъ, что вы пренебрегаете невѣстой.—Такъ, сударь, дѣлаютъ одни только .. не скажу кто, потому что вы въ моемъ домѣ! —

«А я вотъ скажу, Милостивый Государь, закричалъ я, что вы человѣкъ легкомысленный! Я могъ бы заставить васъ раздѣлаться со мной слишкомъ дорого, да не хочу для грязныхъ пустяковъ заводить не шуточную ссору. Прощайте!»

И весь въ огнѣ я выбѣжалъ въ залу. Тутъ попался мнѣ Полевъ.

«Представьте, Семенъ Алексѣевичъ, сказалъ я громко, эти Гг. уѣздные сваты хотятъ насильно женить меня на щедушной Радольской! Вѣрно товаръ позалежался и честнымъ манеромъ не идетъ съ рукъ.»

Сказавъ это, я захохоталъ адскимъ смѣхомъ, какъ хохочутъ только въ трагедіяхъ Гюго и опрометью выбѣжалъ на улицу.

Фу, чортъ возьми, какія пошлости! Да отъ нихъ не мудрено и съ ума сойти. Удивляюсь право, какъ я не задушилъ этаго настойчиваго свата, вѣдь когда выведутъ меня изъ терпѣнія, такъ я просто не помню себя!

Черезъ двѣ минуты, я былъ уже въ своей квартирѣ.

«Ѳаддей! чуть свѣтъ бѣги отыскивать лодку. — Куда бы она ни отправлялась нанимай; давай хоть сто рублей, только бы завтра выѣхать изъ Криводома; слышишь-ли, завтра непремѣнно?»

Ахъ, въ какую глупую исторію впутала меня нелегкая. . . Но чѣмъ я виноватъ? Развѣ я сватался къ этой карманной, щедушной Соничкѣ хоть однимъ взглядомъ, не только что словомъ? Съ чего же взвели на меня такія небылицы?

И даже самъ Судья, котораго наружность такая умная и почтенная! Безъ сомнѣнія эти господа, засидѣвшись въ своей патріархальной простотѣ, помѣшались! Будь на моемъ мѣстѣ какой нибудь горяченькій французикъ, онъ перестрѣлялся бы за это сватовство со всѣми, не исключая и Анисьи Семеновны, а я просто убѣгу изъ этаго аду... Но *она*? Ахъ, Боже мой, Боже мой, надобно же случиться такому несчастію; именно въ то время, какъ я только что увидѣлъ *ее*. Увидѣлъ ту, которой ждало мое сердце давно, давно! . . .

Не раздѣваясь, я бросился на диванъ и пролежалъ на немъ цѣлую ночь. Спалъ или нѣтъ — не знаю, только душа моя не успокоилась ни на одну минуту. Столько разнообразныхъ думъ прошло черезъ нее, что я чуть не помѣшался.

VI.

Рано утромъ Өаддей увѣдомилъ, что есть лодка, отплывающая изъ Криводома, но только черезъ день, и что сверхъ того, одну половину ея занимаютъ женщины, изъ которыхъ важнѣйшая Криводомская *Приказничиха*.

«Невѣста?» спросилъ я съ ужасомъ.»

— Нѣтъ: замужняя женщина. —

«Ну слава Богу . . . Только еще сбѣгай Өаддей: попроси и лодочника и Приказничиху и всѣхъ — нельзя ли выѣхать сегодня, а не завтра: барину-де моему крайняя надобность.»

Өаддей убѣжалъ, а я началъ проворно собирать и укладывать свои вещи. Выѣхать изъ Криводома мнѣ непремѣнно слѣдовало: иначе я могъ впутаться въ такую ссору, которая кончилась бы или дракой или судомъ. Кто живалъ въ уѣздныхъ городахъ, тотъ согласится, что опасенія мои были справедливы. — Черезъ мѣсяцъ, черезъ два я могу возвратиться въ Криводомъ для своихъ сердечныхъ изысканій и приняться за это дѣло со всею осторожностію тонкаго дипломата. — Но что теперь думаетъ обо мнѣ *она?* Ссора съ Судьей и всѣ нелѣпые городскіе толки извѣстны ей и безъ сомнѣнія она считаетъ меня кругомъ виноватымъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Мнѣ стало такъ грустно, что я чуть не заплакалъ.

Вдругъ двери моей комнаты отворяются настежъ и входитъ съ костылемъ сѣдой, дряхлый, изнуренный недугами старикъ. Ноги его едва двигались, голова тряслась, но въ глазахъ сіялъ огонь необыкновенный. По платью и по двумъ лакеямъ, провожавшимъ его до передней, можно было заключить, что онъ дворянинъ.

— Вы Василій Николаевичъ Юлинъ?» спросилъ онъ, глядя мнѣ грозно въ глаза.

«Я, — что вамъ угодно?»

— А я, сударь, тотъ несчастный отецъ, котораго дочь вы низко предали на посмѣяніе всему городу! —

«Еще дочь и невѣста!» воскликнулъ я въ недоумѣніи и ужасѣ.

— Да, сударь, дочь и невѣста. — Такая невѣста, которая высоко ставитъ свое доброе имя... и отецъ которой не позволитъ ни одному мерзавцу употреблять во зло ея драгоцѣннаго имени! —

«Милостивый Государь, прервалъ я, позвольте узнать, кто вы? И почему пришли ко мнѣ съ изліяніемъ вашихъ жалобъ?»

— Такъ вы еще не узнали меня? сказалъ старикъ, все болѣе разгорячаясь. — Вы еще не догадались, что я тотъ несчастный отецъ, у котораго вы просили руки дочери, надъ которою теперь такъ безсовѣстно вздумали смѣяться?... О, это значитъ, что вы подобныхъ подлостей сдѣлали много и теперь не знаете, который изъ обманутыхъ отцовъ стоитъ передъ вами! А передъ вами, сударь, стоитъ тотъ изъ этихъ отцовъ, съ которымъ вы не раздѣлаетесь дешево. Недугъ ослабилъ мои руки, но во мнѣ есть душа благородная и сильная, которая съумѣетъ найти средство къ достойному отмщенію! —

«Но позвольте узнать, Милостивый Государь, отъ кого я долженъ принять эту благородную месть?»

— Отъ кого? Подлецъ, подлецъ! И ты еще притворяешься удивленнымъ и невиннымъ! —

«Нѣтъ, Милостивый Государь, я не удивляюсь, потому что ясно вижу въ васъ припадокъ сумасшествія, — но для меня странно, то, отчего вы меня, человѣка пріѣзжаго и совершенно вамъ незнакомаго, выбрали предметомъ своихъ безумныхъ выходокъ?»

Воспламененный старикъ, заскрежетавъ зубами, поднялъ свой костыль, но слабыя ноги, лишенныя подпоры, подогнулись и онъ упалъ навзничь . . . — Лакеи его, выскочивъ изъ передней, подняли и бережно вынесли на крыльцо. Стукъ экипажа далъ мнѣ знать объ его отъѣздѣ Долго не могъ я опомниться. Не сплю ли я? Не помѣшался-ли? Господи Боже мой помилуй меня грѣшнаго! . . .

Вскорѣ возвратился Ѳаддей съ извѣстіемъ, что лодка никакъ не можетъ отправиться изъ Криводома ранѣе завтрашняго утра . . . ужасно! Но я тотчасъ послалъ его спросить хоть у хозяевъ: не видали ли они старика, пріѣзжавшаго ко мнѣ и кто онъ такой? Черезъ полчаса Ѳаддей донесъ, что хозяйка знаетъ только, что этотъ старикъ пріѣзжій дворянинъ, что у него есть жена и дочь, съ которыми живетъ онъ въ домѣ мѣщанина Зарубина.

Чудныя дѣла! Ужъ не сватался ли я въ самомъ дѣлѣ къ кому нибудь? Быть не можетъ! По крайней мѣрѣ этаго разобиженнаго отца вижу въ первый разъ въ жизни. Ну, такъ это дьявольское навожденіе! Лукавый, позавидовавъ моимъ ученымъ трудамъ, польстилъ сперва сердцу нежданною встрѣчею съ существомъ прекраснымъ, а потомъ подвигнулъ на меня Анисью Семеновну, купно съ Городничимъ и Ерофеемъ Ерофеевичемъ и окунулъ въ болото уѣздныхъ сплетней. Полусумасшедшій старикъ, котораго наружность впрочемъ благородная, кажется, то же обманутъ. И вѣроятно Анисья Семеновна, услышавъ отъ Судьи мой отзывъ о своей ненаглядной Сонечкѣ, свалила какъ нибудь

всю обиду на дочь этого чудака и разгласила по городу, что я къ ней-то и сватался, объ ней то и говорилъ вчера такія горькія похвалы. Ахъ, Боже мой, можно ли кому нибудь въ мои лѣта, въ моемъ чинѣ и званіи разъигрывать въ уѣздномъ городѣ такую жалкую роль! О, бѣгу, бѣгу непремѣнно изъ этого гнѣзда уѣздныхъ сплетниковъ: иначе, пожалуй, еще явится какой нибудь разобиженный отецъ или разъяренная мать и предадутъ меня позорной смерти.

Я строго приказалъ Ѳаддею цѣлый день сидѣть въ передней и отказывать всѣмъ, кто бы ни спросилъ меня. Насилу провелъ этотъ день, полный тоски и размышленій безсвязныхъ, безотчетныхъ, самыхъ нелѣпыхъ!

Взошедшее утро повѣяло отрадой. Слава тебѣ Господи, наконецъ уѣду!

Пришелъ и часъ отъѣзда. Бросившись въ лодку, я кричалъ, чтобъ скорѣе отваливали, потому что въ дали на берегу замѣтилъ нѣсколько мущинъ и женщинъ и между ними съ ужасомъ узналъ семейство Окружнаго, съ Городничимъ и Ерофеемъ Ерофеевичемъ; они шли кажется прямо къ намъ. Повинуясь моимъ неотступнымъ требованіямъ, лодка отскочила отъ берега и быстро понеслась по рѣкѣ. Я перекрестился.

Но куда я поѣхалъ? спросите вы. А еще и самъ не зналъ въ то время: только не въ Грязеславль . . . Да и слава Богу: возвратиться въ Грязеславль какихъ нибудь черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда, — было для меня очень неловко; друзья – насмѣшники тотчасъ бы подхватили: «что дескать, кончилъ свое ученое путешествіе? Прошла горячка? то-то

братъ! садись-ка лучше съ нами въ бостонъ: это будетъ по нашей части, а куда намъ до славы ученой! . . .»

Ѳаддей нанялъ лодку просто на проходъ: гдѣ де барину вздумается, тутъ и выйдетъ, а плата будетъ поверстная. Ѳаддей, какъ видите, распоряжался гораздо разсудительнѣе меня.

Къ вечеру этого дня, поуспокоившись нѣсколько отъ нежданныхъ и чудныхъ впечатлѣній, я началъ обдумывать чѣмъ бы заняться и что предпринять, достойное моего имени. Естественно, что прежде всего пришло мнѣ въ голову продолжать ученое путешествіе, такъ хорошо начатое и такъ внезапно и несчастно прерванное; на этой лодкѣ я имѣю возможность *проникнуть* въ самыя глухія мѣста Грязеславской губерніи и описать ихъ во всевозможныхъ *ическихъ* отношеніяхъ.

Но Боже мой, Боже мой, что я могу описывать кромѣ *ея*? Ахъ гдѣ-то *она* теперь? Осталось ли въ душѣ *ея* хоть одно доброе воспоминаніе о томъ, кто такъ много и страстно мечтаетъ объ *ней*? . . . Нѣтъ, нѣтъ: *она* ничего не можетъ подумать обо мнѣ хорошаго! только нѣсколько часовъ я бесѣдовалъ съ *ней*, да и то сущимъ дуракомъ. Ни одного слова, ни одной мысли не услышала *она* отъ меня достойныхъ вниманія. А тутъ еще пошлая молва въ цѣломъ городѣ о моемъ дурацкомъ сватовствѣ . . . Ахъ, какъ это ужасно! . . .

И мнѣ стало такъ грустно, что я чуть не заплакалъ.

VII.

Дней шесть продолжалось скучное, безцвѣтное путешествіе. Погода дотолѣ прекрасная, вдругъ нахмурилась

какъ будто согласившись съ моей душею; подулъ сѣверный вѣтеръ, полился дождь, мелкій, но безпрерывный . . . Ничего не пріобрѣлъ для науки, — только мечталъ объ *ней*, объ своей таинственной Софьѣ, но эти мечты, какъ тяжелый камень, давили сердце. Положеніе мое въ лодкѣ, закупоренной отовсюду, сдѣлалось почти также невыносимо, какъ и въ послѣдніе два дня въ Криводомѣ. *Приказничиха* часто заводила со мной разговоры о семейныхъ обстоятельствахъ того и другаго, но я почти не отвѣчалъ ей,—да и боялся, чтобы снова не впутаться въ глухую исторію. Наконецъ мы подъѣхали къ одной большой деревнѣ, нѣчто въ родѣ городка, по здѣшнему къ *посаду*. Всѣ изъявили желаніе остановиться тутъ хоть на денекъ и остановились.

Мнѣ указали постоялый дворъ, въ которомъ уже было нѣсколько чиновниковъ, отправленныхъ начальствомъ въ разныя мѣста по разнымъ порученіямъ: всѣ они пировали, какъ слѣдуетъ пировать на свободѣ въ деревнѣ, среди покорныхъ мужичковъ. Съ трудомъ отыскалъ я себѣ отдѣльную комнатку.

Жизнь деревенская имѣетъ свои пріятности, но только не на постоялыхъ дворахъ. Эти *тривіальные* трактиры вполнѣ заслуживаютъ то презрѣніе, какое оказываютъ имъ путешествующіе щеголи. А мнѣ суждено было встрѣтить здѣсь еще своего рода непріятность, отрывокъ изъ минувшихъ приключеній Криводомскихъ.

Въ то время, какъ я задумчиво ходилъ по комнатѣ въ ожиданіи обѣщанныхъ щей и жареной баранины, вдругъ ко

мнѣ врывается человѣкъ довольно молодой съ усами и огромными бакенбардами, въ модномъ, но запачканномъ сертукѣ. — Съ перваго взгляду я узналъ, что имѣю дѣло съ пьянымъ.

— Вы называетесь Василій Николаевичъ Юлинъ? — спросилъ онъ, выпучивъ на меня свои огромные глаза.

«Точно такъ. Что вамъ угодно?»

— А съ чего вы, сударь, вздумали свататься къ тѣмъ невѣстамъ, которыя помолвлены ужъ за другаго? А? —

«Къ какимъ невѣстамъ?»

—А хоть напримѣръ бы къ Софьѣ Радольской? . . . А?—

«Извините: не сватался, да и свататься не буду . . . развѣ сойду съ ума.»

— Сойдете съ ума? . . . На здоровье! Однако все таки не отступлюсь, пока не скажете какъ вы смѣли свататься къ моей невѣстѣ? —

«Оставьте меня въ покоѣ, Милостивый Государь . . . Говорю, что не сватался и только!»

— Не сватался? Нѣтъ этого мало: я имѣю улики . . . Не хотите ли, представлю свидѣтелей! —

«Не только свидѣтелей, — но и васъ самихъ не хочу знать, хотя имѣю на это полное право. Вы, сударь не въ томъ видѣ, какъ слѣдуетъ быть благородному человѣку . . . Оставьте меня въ покоѣ: иначе я заставлю васъ выйти!»

— Нѣтъ ужъ! Я не изъ тѣхъ, съ которыми можно дѣлать что угодно . . . Я сударь, обрублю вамъ и носъ и уши и вы не посватаетесь ни къ кому, какъ развѣ только къ вѣдьмѣ! —

«Θаддей, кликнулъ я, выведи-ка этаго господина отсюда и позови ко мнѣ хозяина.» Пьяный соперникъ мой хотѣлъ сопротивляться, но дюжій Θаддей скоро пересилилъ его и вытащилъ въ сѣни. Хозяинъ, прибѣжавшій на шумъ, уладилъ дѣло такъ, что оно кончилось безъ дальнихъ приключеній. Я не хотѣлъ узнавать, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, потому что эти странности были для меня не новость; но Господи Боже мой, когда будетъ конецъ этимъ приключеніямъ? И долго ли будутъ преслѣдовать меня друзья, отцы, женихи какой-то невѣсты, къ которой я и во снѣ не сватался? . . . Ужъ видно въ такой несчастный день я выѣхалъ изъ Грязеславля!... Вскорѣ послѣ того, Θаддей пришелъ сказать: Приказничиха желаетъ поговорить со мной о важномъ дѣлѣ; не угодно ли мнѣ принять ее, или самому къ ней пожаловать.

«Скажи, что не могу и не хочу: вѣрно какія нибудь сплетни, — о невѣстахъ. Пусть говоритъ въ лодкѣ, вмѣсто сказки, когда я лягу спать.»

Но черезъ пять минутъ Θаддей опять возвратился съ извѣстіемъ, что Приказничиха встрѣтила здѣсь своего мужа и не поѣдетъ болѣе съ нами; но что обстоятельства, которыя она хочетъ сообщить, очень важны и любопытны для меня.

«Пусть они остаются при ней, а мнѣ не нужны . . . Да и ты не смѣй вступать съ нею ни въ какіе разговоры... Слышишь-ли? Терпѣть этого не могу!»

На другой день я продолжалъ свое путешествіе. Погода поразгулялась, но ученыя изысканія почти не двигались впередъ: разочарованный, убитый странными приключеніями,

я рѣшительно не зналъ, за что и приняться. За каждымъ кустомъ боялся встрѣтить свата или разгнѣваннаго отца; каждая рѣчная чайка представлялась мнѣ уѣздной барыней, которая хочетъ женить меня на своей дочери.

Такъ прошла еще недѣля. Все, что можно сказать объ этомъ времени, была встрѣча съ Помощникомъ Губернскаго Архитектора, который сопутствовалъ мнѣ при выѣздѣ изъ Грязеславля. Онъ давно уже разстался съ Губернской Секретаршей и ея ласковой дочкой. Начатой романъ кончился ничѣмъ: быстро вспыхнувшая любовь быстро и угасла, потому что она не согласовалась съ расчетами чиновнаго ума. Прекрасная Дунюшка отправилась искать инаго выгоднаго сердца.

Въ городѣ, въ которомъ встрѣтилъ Архитектора, я останавливался только на полдня: наученный горькимъ опытомъ, я не смѣлъ вступать ни въ какія знакомства и тотчасъ отправился далѣе.

VIII.

Говорятъ, что все на свѣтѣ проходитъ, стынетъ, увядаетъ, даже самая пламенная огнедышащая любовь. Не могу рѣшительно утвердить этаго мудраго положенія, но скажу, что въ шесть недѣль моего путешествія я много поохладѣлъ къ своей знакомой незнакомкѣ, оставшейся въ Криводомѣ, по крайней мѣрѣ рѣже припоминалъ ея прекрасныя кудри и глаза, ея очаровательный голосъ; занятія начали принимать правильное теченіе и я снова сдѣлался ученымъ, капельку

только смахивающимъ на влюбленнаго. Странныя приключенія, напугавшія и раздосадовавшія меня, считалъ я произведеніемъ одной большой сплетни, придуманной уѣздными умами. Но, слава Богу, все это прошло и ужъ навѣрное не воротится, особенно, когда я буду вести себя какъ можно осторожнѣе. Кончился Іюнь; до истеченія срока отпуска оставалось еще около двухъ мѣсяцовъ, но я все таки рѣшился возвратиться домой, для того, чтобъ имѣть время привести въ порядокъ свои бумаги, а между тѣмъ и на возвратномъ пути еще пособрать кое-что. Но въ Грязеславль нельзя было пріѣхать, не видавъ Криводома, а какъ только увидѣлъ, то сердце такъ вотъ и защемило. Гдѣ-то *она*? Господи Боже мой, не могу *ее* забыть! Вотъ берегъ, на который мы вышли съ *ней* послѣ прогулки на островѣ. Вотъ домики, возлѣ которыхъ я видѣлъ *ее* гуляющую . . . А вонъ, кажется, и домъ Судьи. Можетъ быть она теперь тамъ въ бесѣдѣ съ этими милыми шалуньями . . . Сердце крѣпко застучало: не вытерпѣлъ!

«Ѳаддей! какъ привалимъ къ берегу, бѣги на нашу прежнюю квартиру и если она свободна, нанимай: мы здѣсь остановимся денька на три, а можетъ и на недѣлю.»

Привалили. Пока я собиралъ свои вещи и расчитывался съ лодочникомъ, Ѳаддей возвратился съ извѣстіемъ, что квартира готова, что хозяинъ очень радъ принять меня на прежнихъ условіяхъ хоть на цѣлый годъ . . . Слава Богу: на первый разъ нѣтъ неудачи. А тамъ можетъ быть и все пойдетъ какъ нельзя лучше.

И вотъ я опять въ знакомыхъ комнатахъ, тамъ гдѣ развились первыя мечты объ *ней*, прекрасныя, усладительныя мечты! . . . Какъ бы только сберечь ихъ теперь отъ набѣговъ людей прозаическихъ? . . .

Я тотчасъ попросилъ хозяевъ не разсказывать никому о моемъ пріѣздѣ и квартирѣ, по крайней мѣрѣ до завтрашняго дня; а былъ полдень. Но въ уѣздномъ городѣ прожить тайкомъ часъ времени также трудно, какъ утаить отъ взоровъ непріятеля стотысячную армію. Не прошло и двухъ часовъ моего пребыванія въ Криводомѣ, какъ явился Полевъ.

— А, здравствуйте! —

«Мое почтеніе другъ и пріятель!»

— Опоздали, почтеннѣйшій Василій Николаевичъ, опоздали. —

«Въ чемъ и какъ?»

— Да въ вашемъ сватовствѣ. —

Холодъ пробѣжалъ по жиламъ: я вспомнилъ всѣ минувшіе ужасы.

«Въ какомъ сватовствѣ? Позвольте узнать?»

— Будто забыли! Впрочемъ будьте увѣрены, что еслибъ я узналъ о вашихъ намѣреніяхъ, то никогда не рѣшился бы сдѣлаться вашимъ соперникомъ. Сами виноваты: зачѣмъ таились въ то время, когда называли меня своимъ другомъ. Я дѣйствительно былъ и есмь вашъ искренній другъ . . . и еще повторю: еслибъ зналъ о вашихъ намѣреніяхъ на счетъ Софьи Петровны, то никогда не рѣшился бы на ней свататься, даромъ что люблю и уважаю ее отъ всей души.—

«Клянусь Богомъ, Семенъ Алексѣевичъ, что рѣшительно не понимаю васъ! . . .»

— Не понимаете? . . . А развѣ вы забыли о письмѣ, которое писали къ здѣшнему Окружному изъ Ивановскаго посада? —

«Письмо? къ Окружному? . . . изъ Ивановскаго посада?»

— Ну, да! . . . Впрочемъ, я очень хорошо понимаю ваше затруднительное положеніе и потому пришелъ предъупредить васъ, чтобъ вы не обижались и не жаловались ни на меня, ни на Окружнаго, моего будущаго тестя, ни онъ, ни я не знали вашихъ намѣреній и получили письмо ваше въ то время, когда я уже былъ помолвленъ. —

«Послушайте, Семенъ Алексѣевичъ . . . Скажу вамъ какъ другу, напрямки: или вы помѣшались, или я помѣшался, или все это я вижу во снѣ! . . .»

— Помилуйте! Не во снѣ, а на яву, собственными глазами видѣлъ я ваше письмо и читалъ его самъ, лично, собственной особой. —

«Видѣли и читали? . . . Что же въ немъ написано? . . .»

— Предложеніе руки Софьѣ Петровнѣ Радольской, дочери здѣшняго Окружнаго. —

«И вы можете показать мнѣ это письмо?»

— Могу если вамъ угодно: оно у Петра Ивановича, моего нарѣченнаго тестя. —

«Ну такъ сдѣлайте милость, покажите. Сходите теперь-же, если вы другъ мой. . . Пора поймать лукаваго, который вздумалъ шутить надо мной такъ невыносимо!»

Полевъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза, все еще не довѣряя моей искренности.

«Семенъ Алексѣевичъ! . . . Если вы сколько нибудь расположены ко мнѣ, то теперь-же сходите за письмомъ. . . Клянусь Богомъ, что я ничего ни писалъ къ Радольскому. Это продѣлки какого нибудь мерзавца: надобно ихъ открыть и избавить себя навсегда отъ подобныхъ непріятностей.»

Наконецъ онъ повѣрилъ и отправился за письмомъ.— Слава тебѣ Господи! . . . По крайней мѣрѣ можно сколько нибудь раскрыть эту чудную тайну и догадаться объ ея источникѣ. . .

Но едва я успѣлъ пройти нѣсколько разъ по комнатѣ, какъ явился посланный.

— Егоръ Афонасьевичъ приказали кланяться, приказали спросить: можно ли теперь видѣть васъ; имъ нужно поговорить съ вами.—

«Кто это Егоръ Афонасьевичъ? здѣшній Судья?»

— Точно такъ-съ. —

«Что же ему надобно?»

—Не могу знать-съ. . . Только приказали сказать-съ, что нужно переговорить о важномъ дѣлѣ. —

«Ну проси: я дома и свободенъ.»

Ахъ, Боже мой! Не успѣлъ пріѣхать въ этотъ окаянный Криводомъ, какъ снова поднимается прежняя кутерьма.

Но теперь я ужъ не буду такимъ дуракомъ, какъ прежде: не стану слишкомъ горячо принимать къ сердцу пошлыхъ нелѣпостей; хладнокровно выслушаю истцовъ и ужъ непремѣнно доберусь,— кто сумасшедшій: я или они? Непремѣнно открою источникъ этихъ дьявольскихъ сплетней!

Черезъ десять минутъ явился и Судья.—Я приготовился выдержать самыя отчаянныя аттаки.

—Василій Николаевичъ! я пришелъ къ вамъ съ повинной головой! Браните меня, сколько угодно, только помилуйте наконецъ и повѣрьте, что я нанесъ вамъ обиду единственно по стеченію странныхъ обстоятельствъ и по удивительному сходству именъ и фамилій.—

Я молча ожидалъ, что будетъ далѣе.

—Вотъ въ чемъ дѣло, продолжалъ Судья,—крѣпко сжимая обѣ мои руки,—помните вы ту дѣвицу, которую видѣли со мной и моими дочерьми во время нашей общей прогулки за рѣкой? —

«Помню.»

— Это Софья Павловна Радольская, дочь здѣшняго дворянина; ее то считали мы (т. е. отецъ, мать и я) вашей нарѣченной невѣстой! —

«Моей невѣстой?»

— Ну, да! Но выслушайте: за мѣсяцъ до вашего пріѣзда, она была помолвлена, по перепискѣ, за *Василья Николаевича Юлина.* Это дѣло устроилъ дядя жениха, короткій пріятель старика Радольскаго; нахвалилъ племянника какъ нельзя больше, а племянникъ написалъ, что изъ уѣзднаго города

переходить на службу въ Губернскій и что скоро получитъ чинъ Коллежскаго Ассесора. Вдругъ пріѣхалъ къ намъ изъ Грязеславля Коллежскій Ассесоръ Василій Юлинъ. Радольскіе также въ это время выѣзжали изъ усадьбы. Вотъ мы и не сомнѣвались, что вы-то и есть нарѣченный женихъ. И стоило вамъ пошутить, согласиться съ нашими требованіями, — мы тотчасъ обвѣнчали бы васъ съ Софьей Павловной! —

Ахъ какой же я былъ тогда дуракъ! подумалъ я. — А сердце такъ и сжалось отъ боли. Лучше бы Судья не разсказывалъ мнѣ этой тайны. . . . .

— Но мы крайне удивились, продолжалъ разсказчикъ, что вы, тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ, познакомились съ Городничимъ, Окружнымъ и Исправникомъ, а о невѣстѣ своей и не подумали. . . Надобно вамъ знать, что старикъ Радольскій человѣкъ больной и по характеру своему нервный, раздражительный. . . Судьба единственной дочери, естественно, занимала его сильнѣе всего. Вотъ онъ и приступилъ къ женѣ — напиши, да напиши къ жениху: можетъ быть онъ и не знаетъ, что мы въ городѣ. Она написала, вы отвѣчали, что непремѣнно будете и не пришли. . . . . .

«Я думалъ, что эта записка отъ Анисьи Семеновны Радольской, жены Окружнаго!»

— Вотъ-то-то и есть! . . . Я самъ узналъ объ этомъ, да ужъ поздно. . . а тогда мы не знали что и подумать, какъ объяснить ваше непонятное поведеніе. Послѣ намъ пришло въ голову, что вы, не видавъ невѣсты, не хотите приступить къ дѣлу рѣшительно. Но когда счастливый случай свелъ

насъ во время загородной прогулки; старикъ снова велѣлъ женѣ написать къ Вамъ: онъ былъ увѣренъ, что дочь его не могла вамъ не понравиться.

«О, конечно!» вырвалось у меня въ надежду.

— Однако вы съ гнѣвомъ отослали посланнаго назадъ и объявили, что не понимаете, чего отъ васъ требуютъ. —

«Потому что я въ это время думалъ о дочери Окружнаго.»

— Ну да; о комъ бы вы не думали, все были правы. Я не надѣялся видѣть васъ у себя, но вы пришли ко мнѣ и я рѣшился, по дружбѣ къ старикамъ, вступиться въ это дѣло и теперь со стыдомъ и ужасомъ вспоминаю обо всемъ, что наговорилъ вамъ. Ахъ, почтеннѣйшій Василій Николаевичъ, зачѣмъ вы тогда хоть пощечиной не вразумили меня стараго дурака? —

«О, помилуйте, Егоръ Афанасьевичъ, еслибъ я зналъ о какой Фадольской вы говорили, то конечно не сталъ бы вамъ много противорѣчить.»

— Право?... Ну такъ значитъ мы не сдѣлали вамъ большой обиды своимъ сватовствомъ? —

Я опомнился, что сказалъ ужъ слишкомъ много и покраснѣлъ до ушей. Къ счастію Судья притворился, что не замѣчаетъ моего замѣшательства и продолжалъ свой разсказъ:

— Представьте же мое изумленіе и ужасъ, когда на прошедшей недѣлѣ возвратившись изъ города жена одного изъ нашихъ Канцеляристовъ, пріѣхавшая изъ Криводема въ одной съ вами лодкѣ, и сказала, что видѣла въ Ивановскомъ посадѣ

другаго Василья Николаевича Юлина, который всѣмъ говоритъ, что ѣдетъ жениться на Софьѣ Павловнѣ Радольской, а между тѣмъ пьянствуетъ съ товарищами и кутитъ на пропалую. Я тотчасъ послалъ туда нарочнаго и раскрылъ все дѣло: пьяница Юлинъ дѣйствительно женихъ Софьи; добрый дядюшка нахвалилъ его для того, чтобъ женитьбою исправить, а можетъ быть онъ и самъ еще не зналъ, что племянникъ его вовсе не годится въ женихи порядочной дѣвушкѣ. Но слава Богу, мы поправились во время и имѣемъ возможность отказать. —

Въ это самое время вбѣжалъ ко мнѣ Полевъ.

«Знаю теперь, отъ кого ваше чудное письмо, сказалъ я, давайте его сюда: все объясню.» —

Въ самомъ дѣлѣ, по слѣдствію оказалось, что веселый тёска мой, съ похмѣлья или съ пьяна, написалъ дивное посланіе, изъ котораго можно было только понять, что онъ считаетъ *Софью* предметомъ своей любви. На адресѣ было написано «Г. Радольскому,» а въ письмѣ просто «Милостивый Государь.»

«Какъ же вамъ не грѣшно, Семенъ Алексѣевичъ, сказалъ я, считать меня сочинителемъ этой чепухи?...»

— Ну, извините почтеннѣйшій: я думалъ, что вы крѣпко влюблены, а влюбленные, сами знаете, пишутъ и говорятъ не всегда-то съ толкомъ. —

«Да развѣ только на этомъ основаніи я могу простить васъ и пожелать чтобъ вы сами, какъ влюбленный же-

нихъ, написали когда нибудь къ своей будущей супругѣ подобное посланіе.»

Мы обнялись и поцѣловались. Бесѣда наша сдѣлалась очень веселою, да и было о чемъ похохотать, припоминая минувшія комикотрагическія сцены.

Часа черезъ три Полевъ пошелъ къ своей невѣстѣ, а Судья я не отпустилъ, желая узнать отъ него всѣ подробности о семействѣ Радольскихъ. — Я узналъ, что это есть одно изъ небогатыхъ, но благороднѣйшихъ семействъ; Софья дѣвица не образованная по нынѣшнему вкусу, но имѣетъ всѣ качества, которыхъ тщетно ищутъ въ Губернскомъ аристократическомъ кругу; не говоритъ ни по французски, ни по нѣмецки, за то говоритъ дѣльно, такъ что ее слушаютъ съ удовольствіемъ даже закоснѣлыя прозаики; хорошая хозяйка, не задорна, свято исполняетъ волю родителей и отъ всей души желаетъ сдѣлать ихъ счастливыми. Я растаялъ и влюбился просто по уши. А она то и была моей невѣстой, ее то и сватали за меня, отъ нея то я убѣжалъ я какъ сумасшедшій! Ахъ, какой я дуралей, даромъ что тридцати лѣтъ, Коллежскій Ассесоръ и ученый путешественникъ!... Въ концѣ бесѣды Судья сказалъ, что завтра пошлетъ письмо къ старику Радольскому, въ которомъ подробно разрѣшитъ всѣ эти дивныя недоумѣнія.

«А далеко ли отсюда усадьба Радольскихъ?» спросилъ я.

— Шестьдесятъ двѣ версты. —

«Ахъ, почтеннѣйшій Егоръ Афанасьевичъ, сдѣлайте милость, — позвольте мнѣ самому отвезти ваше письмо. Я хочу потребовать отъ Радольскаго удовлетворенія за обиду. — Вѣдь онъ называлъ меня подлецомъ, мерзавцемъ, а за что? сами посудите!»

— Ну да! Ха! ха! ха! . . . Извольте: я дамъ вамъ и письмо и провожатаго. Но только предвижу, почтеннѣйшій, что ваша ссора превратится въ дружбу, — слишкомъ большую и кажется вы оправдаете наши минувшія притязанія на наше сердце. —

«На все есть воля Божія, Егоръ Афанасьевичъ.»

— Конечно . . . Но дай Богъ, дай Богъ: отъ всей души желаю оправдаться въ своемъ сватовствѣ. —

Догадливый Судья разсудилъ, какъ видите, очень хорошо, но когда онъ ушелъ, я началъ молиться . . . Долго молился: драма моей жизни приближалась къ развязкѣ.

IX.

На другой день рано ранёшенько я былъ уже на ногахъ. Ѳаддей пріискалъ лихую тройку, а Судья снабдилъ обѣщаннымъ письмомъ.

— Прошу не бранить по прежнему Соняшку Радольскую, — сказала старшая изъ его дочерей, при прощаньи со мной.

— И помириться съ ней навсегда, прибавила младшая.

«Теперь некогда, отвѣчалъ я; а со временемъ отомщу за всѣ ваши насмѣшки: вы у меня въ большомъ долгу.»

И вотъ я полетѣлъ къ той, у которой давно ужъ гостили мои страстныя мечты. Быстрота ѣзды, крики удалаго ямщика, звукъ колокольчика наполняли душу какимъ-то чуднымъ восторгомъ. Это были часы истинно поэтическіе, часы которыхъ никогда не забыть мнѣ,—часы надеждъ, а надежды на очарованія, какъ извѣстно, лучше и краше самыхъ очарованій . . . Завидѣвъ ея садикъ, ея домъ, всѣ эти милыя подробности скромной, но очаровательной для меня усадебки я ощутилъ такое наслажденіе, какого до сихъ поръ никогда еще не ощущалъ . . . .

Нѣтъ, господа, не въ силахъ передать вамъ этихъ событій, слишкомъ волнующихъ мою душу, даже теперь. Скажу коротко, что Радольскіе встрѣтили меня съ крайнимъ изумленіемъ, но когда письмо Судьи было прочитано старикомъ и его женою, изумленіе превратилось въ замѣшательство, потомъ въ рѣку всевозможныхъ извиненій, потомъ въ общій смѣхъ, который кончился обѣщаніемъ самой искренней, вѣчной дружбы. Странность минувшихъ событій поставила меня въ такое положеніе, что я не могъ знакомиться постепенно и таить долго огонь, горящій въ груди . . . Даже въ присутствіи Софьи не оказалось мѣста для моей дурацкой робости. А какъ только почувствовалъ себя свободнымъ, то и давай клестать напрямки все, что было за душею. Черезъ недѣлю мы такъ хорошо познакомились, что старики не побоялись согласиться на предложеніе втораго Юлина и послали звать дочерей Судьи къ сговоренной. . . . И вотъ я цѣлый мѣсяцъ провелъ среди трехъ грацій, очаровавшихъ меня съ

первой встрѣчи. Восторговъ и счастія этого мѣсяца описать не умѣю! . . . Скажу только, что если Софья, можетъ быть, и не любила меня такъ страстно, какъ я ее, по крайней мѣрѣ ея непритворная веселость, ея нѣжное вниманіе, ея частыя увѣренія, что она счастлива, ставили меня на самый верхъ блаженства.

. . . Дождавшись позволенія отъ Начальства, насъ обвѣнчали; скромно, но весело отпировали неожиданную свадьбу и я возвратился въ Грязеславль съ молодой, прекрасной женой, къ общему великому удивленію всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ. —

И такъ мое ученое путешествіе не достигло предполагаемой цѣли: всѣ рѣдкости и документы, тщательно собираемые, истреблены во время свадебной кутерьмы, — но и не жалѣю объ нихъ, потому что моя Софья составляетъ такую рѣдкость, которой я не отдамъ за всѣ политипажи и книги, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ. Мнѣ остается только сказать, что Полевъ вѣнчался въ Криводомѣ въ одинъ день со мною. Софья Петровна съ тридцатью тысячами наличныхъ принесла ему большое счастіе. Но не менѣе его порадовались этой свадьбѣ Городничій и Исправникъ, которымъ страхъ не хотѣлось видѣть дочь Окружнаго за племянникомъ Предсѣдателя Палаты Государственныхъ Имуществъ: въ такомъ случаѣ Радольскій пріобрѣлъ бы большую силу и политическое равновѣсіе Криводома было бы нарушено; потому то эти господа и старались меня очаровать прелестями и капиталомъ Софьи Петровны, но я убѣжалъ, на мѣсте меня

подвернулся Полевъ, — его молодца и забрили. А бѣдный Куринскій, племянникъ Председателя чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ женился на одной изъ дочерей Исправника. Другая изъ нихъ вышла за Помощника Архитектора, моего перваго знакомца въ путешествіи. Добрая-же Дунюшка, дочь Губернской Секретарши, — столкнулась какъ то съ моимъ тёскою Васильемъ Николаевичемъ Юлинымъ и говорятъ, что мать ея судомъ принудила бѣдняту жениться на своей дочери . . . Вотъ какъ, господа, всѣ мы пристроились и женились на тѣхъ, на комъ и не думали . . . Правду говоритъ русская пословица: *суженаго и конемъ не объѣдешь.* —

Разсказъ этотъ я выслушалъ и съ позволенія разсказщика напечаталъ.

А. Иваницкій.

Окно.

Городъ спитъ во тьмѣ глубокой
И примѣтно лишь одно
У сосѣдки черноокой
Освѣщенное окно.

Какъ привѣтливо мнѣ свѣтитъ
Изъ окна того свѣча;
Ну, вотъ въ сердце такъ и мѣтитъ
Жало каждаго луча.

И опять мнѣ будетъ тоже
Въ эту ночь, что и вчера:
Вновь безъ сна на жесткомъ ложѣ
Я промаюсь до утра.

Не приглянемся жъ ей силой!
Чтожъ сидѣть мнѣ у окна?
У нея другой есть милый,
У меня . . . она одна!

Хоть всю ночь въ окно смотрися,
А сосѣдки не видать!
Хоть всю жизнь объ ней томися:
А своей не называть!

Посланіе

АЛЕКСАНДРА ЕФ. ИЗМАЙЛОВА.

Изъ Альбома.

О горе, горе, горе!
Ударъ Бухарину; Измайлову ударъ!
Изъ Соломбалы вскорѣ
Вы ѣдете на баръ,
Черезъ сухое море, а тамъ, а тамъ
О вы! краса и честь Архангельскихъ всѣхъ дамъ,
Вы сядете на Кульмъ и въ Океанъ пространный,
Изъ Океана въ Зундъ — известнѣйшій проливъ;
Изъ Зунда въ Балтику, изъ Балтики въ заливъ
Финляндіи,—потомъ! потомъ въ Кронштатъ желанный!
Счастливаго пути!
Дай Богъ доѣхать вамъ туда благополучно;
А намъ безъ васъ какъ будетъ скучно!

Нѣтъ,— дамы нѣтъ такой, какъ вы, здѣсь не найти
И некому ужъ дѣлать куры . . .
Наказываетъ Богъ насъ видно за грѣхи!
Кому прикажете читать теперь стихи?
Любительницъ литературы —
Россійской здѣсь изъ Нѣмокъ нѣтъ,
Изъ Русскихъ также нѣту;
При томъ же по секрету
Скажу я вамъ:
Здѣсь много женщинъ — мало дамъ!
Какъ грустно будетъ намъ
Въ такомъ отъ васъ ужасномъ отдаленьи!
Въ Палатѣ я, Бухаринъ же въ Правленьи
Объ васъ всё будемъ вспоминать,
Объ васъ всё будемъ мы мечтать;
Сойдемся ль въ Комитетѣ,
Который по грѣхамъ бываетъ часто пустъ,
И гдѣ предметъ важнѣйшій — грусть,
Тутъ спросимъ мы другъ друга объ [illegible]:
Здорова ль-то она?
Не дай Богъ, чтобъ была больна!
Не видя на небѣ отъ облаковъ лазури
Со вздохомъ скажемъ: нѣтъ ли бури?
И [illegible] а тутъ мы побранимъ вдвоёмъ,
Что не отправилъ васъ сухимъ путемъ,
Иль, по Архангельски, — героемъ,
А взялъ на Океанъ съ собою.

Велите сей листокъ въ альбомчикъ вамъ вклеить,
Чтобы не вовсе насъ забыть —
Насъ бѣдныхъ заключенныхъ,
Отъѣздомъ вашимъ огорченныхъ.

1828 года.

Архангельскъ.

Заостровская Пѣсня.

на голосъ: ***«Братья рюмки наливайте!»***

Здѣсь подъ тѣнью ивъ вѣтвистыхъ
Предъ пылающимъ костромъ,
Мы разгульно, голосисто
Пѣсню дружную споемъ!

Здѣсь для насъ всё такъ знакомо,
Здѣсь всѣ чувства на устахъ;
Здѣсь привольно намъ, какъ дома,
Какъ у радости въ гостяхъ!

Только здѣсь мы прямо братья,
Здѣсь лишь искренни вполнѣ
Наша дружба и объятья
Освященныя въ винѣ!

Тамъ въ домахъ мы какъ въ темницахъ
И въ приличьяхъ какъ въ цѣпяхъ:
Злимся съ радостью на лицахъ
И съ улыбкой на устахъ.

Забывая всѣ затѣи,
Жизнь для жизни лишь любя,
Здѣсь блаженный вѣкъ Астреи
Мы находимъ для себя!

Коротка, друзья! жизнь наша;
Пусть же будетъ намъ она,
Чѣмъ полыни горькой чашей
Лучше чашею вина.

Хоть на часъ, хоть на мгновенье
Заглушимъ въ груди своей
Это къ призраку стремленье,
Эту язву всѣхъ людей!

Человѣкъ, какъ сынъ природы,
Лишь въ объятіяхъ ея
Съ сердцемъ, дышущимъ свободой,
Близокъ къ цѣли бытія.

Но съ природой невозвратно
Мы простились и средь тьмы

Ищемъ цѣли непонятной,
Мучимъ тѣло и умы.

Видя наше заблужденье
Къ намъ, изъ жалости, она
Предлагаетъ въ утѣшенье
Чашу свѣтлаго вина.

Примемъ этотъ даръ безцѣнный:
Онъ даръ матери родной;
Чудеса во всей вселенной
Этотъ даръ творитъ собой.

Исчислять я ихъ не буду
Только выпьемте, друзья!
И тогда его вы чуду
Вѣрить будете какъ я!

А. Лузиковъ.

Жалованная Грамота

ПОСАДНИКА ТЕРЕНТІЯ.

«Отъ Посадника Терентія. Се дахъ Святѣй Богородици на Княжѣостровѣ селъ роспопинъ, михайловъ и дворъ и землю оромую и пожню и весь слѣдъ михайловъ а пришло мнѣ то втадбы а иному не надобѣ ни къ мужъ:»

Грамота эта, писана на пергаментѣ четкими церковными буквами, величиною немного болѣе визитной карточки; подъ грамотою виситъ на шнурѣ свинцовая пломба. На одной сторонѣ ея первыхъ и конечныхъ словъ разобрать невозможно, но въ срединѣ ясно видны слова *тѣрен печать*, рельефно вытиснутые. На оборотѣ вѣроятно гербъ Посадника: съ лѣвой стороны изображеніе какого то звѣря изгладилось, а съ правой видѣнъ скорпіонъ.

Божiею Милостiю

МЫ ГОСУДАРЬ и ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧЬ.

Указъ.

Во всенародное извѣстiе объявляемъ и наказуемъ Православныхъ Христiанъ и проклятой табакъ. Да во извѣстiе Вамъ буди: усмотрено Архимандритомъ Генадiемъ, что въ Православныхъ Христiанехъ имѣется проклятая табака не только въ мужескомъ полѣ, но и въ женскомъ, ввязавшiйся грѣхъ смертный. Но Генадiй Архимандритъ прiиде ко Мнѣ Государю Алексею Михайловичу, такожде и ко всему Сигклиту священническому и Царскому съ челобитной и съ желаннымъ сердцемъ искоренити проклятая табака и грѣхъ смертный. Тако объявилъ въ челобитной своей: имѣется въ православныхъ Христiанѣхъ имѣюще проклятую табаку въ малыхъ сосудѣхъ и держаще при себѣ и нюхающе въ нозари и кладуще за губу, въ ротъ и оскверняше уста свои, а иннiи вземше трубку и накладше полну табаку и вземше въ ротъ и сосавъ всебя испускавше дымъ изорту, аки дiаволъ испускавше искры отъ себя: тако и Православные Христiанѣ такожде творятъ, и иная многая писанная въ челобитной Генадiевой, и о чемъ проситъ у Государя проклятую табаку, чтобы не имѣлось въ Православныхъ Христiанахъ грѣха смерт-

наго. И тако сдѣлаша по его прошенію Государь Царь Алексей Михайловичь приказалъ объявить во всенародное извѣстіе и о проклятомъ табакѣ и о грѣхѣ смертномъ тако народъ падаетъ во грѣхъ смертной и приказалъ своему Сигклиту подозрѣніе имѣть, откуду взяся оная проклятая табака и кто піюще его, повелѣ хватати тѣхъ на дворъ и приводить въ Царскіе палаты и приставиша Боляра тайное подозрѣніе въ Царствующемъ градѣ Москвѣ и по которому тайному зрѣнію поиманы были купецъ Яковъ Сисманъ и торговавше онъ проклятымъ табакомъ, да еще Болярина Семена Пущина слуга его Яковъ Сидоровъ, Антонъ Павловъ да прикащикъ Егоръ Баринъ, и приведены были во оные Царскіе палаты и прямо въ допросѣ показали: они купя показавше, что табаку ону привезли Поляки и купивще отъ нихъ, також и прикащикъ показалъ Егоръ Баринъ піюще въ ноздри, а онаго Болярина Семена Пущина слуга показали: что піютъ за губу кладуще и за что для всего народа казнены были они Христіанѣ, кто піюще за губу тѣмъ вырѣзавъ обѣ губы, а кто піюще внось тѣмъ вырѣзавъ нось и пустиша ихъ въ народъ того извѣстія, а онаго купца наказавъ на тѣлѣ. А наипаче подтверждаю и молю васъ Христа ради да не отлучимся вѣчныхъ благъ.— Великій Государь Алексей Михайловичь и весь священническій чинъ молитъ васъ, чтобъ не было въ васъ проклятой табаки.» Царь и Государь Алексей Михайловичь. — Архіерей присутствующій Евстафій Вольгодскій.—Клирикъ Семенъ Яковлевъ. 1650 года Апрѣля 2 дня.

Бассорская вдова.

ВОСТОЧНЫЙ АПОЛОГЪ.

Въ предмѣстіи Бассоры долго жила старушка вдова, въ крайней бѣдности. Часто по нѣскольку дней сряду питалась она однимъ чорствымъ хлѣбомъ и за всѣмъ тѣмъ не имѣла средствъ улучшить свое состояніе: старость препятствовала ей снискивать пропитаніе трудами рукъ и отъ того проводила она остатокъ дней прося милостыню. Вся надежда ея сосредоточилась на единственномъ несовершеннолѣтнемъ сынѣ, который уже въ юношескихъ лѣтахъ обнаруживалъ необыкновенныя способности ума.

Не смотря на явную нищету, эта вдова поставила себѣ правиломъ при каждомъ удобномъ случаѣ оказывать людямъ благодѣянія всѣми зависящими отъ нея средствами и нерѣдко съ пожертвованіемъ своего здоровья. Такъ случилось, что она призрѣла стараго почтеннаго Дервиша, котораго нашла на дорогѣ въ тяжкой болѣзни, оставленнаго на произволъ судьбы. Она привела его въ свою хижину и ухаживала за нимъ, заботясь объ его выздоровленіи. Доброе дѣло старушки увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ. Дервишъ выздоровѣлъ такъ,

что въ состояніи былъ отправиться въ путь. Усердіе и попечительность вдовы тронули его; онъ въ свою очередь предложилъ ей свои услуги. «Я замѣталъ, говорилъ онъ, что ты снискиваешь себѣ пропитаніе, не жалѣя остатка силъ, и это тѣмъ обременительнѣе для тебя, что ты должна воспитывать своего сына Абунадора, который еще въ такомъ возрастѣ, что не можетъ безъ посторонняго пособія пріобрѣсти кусокъ хлѣба. Поручи его мнѣ; я постараюсь дать ему приличное воспитаніе, а что всего лучше—сдѣлать его добрымъ человѣкомъ и такимъ образомъ изъявить тебѣ отчасти мою благодарность.»

Вдова была разсудительна; она съ радостію приняла предложеніе почтеннаго старца и рѣшилась ввѣрить своего сына попеченію его. Дервишъ сказалъ, что предприметъ двухлѣтнее путешествіе и отправился съ юношею въ путь. Они прошли много странъ, посѣтили много прекраснѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ. Дервишъ безпрестанно доставлялъ молодому человѣку невинныя удовольствія, не упуская однакожъ изъ вида при каждомъ удобномъ случаѣ давать ему полезныя наставленія.

Однажды Абунадоръ отчаянно заболѣлъ. — Дервишъ ухаживалъ за нимъ, какъ за собственнымъ сыномъ, день и ночь не отходя отъ его постели. Съ большими издержками покупалъ лекарства и проведенныя безъ сна Абунадоромъ ночи сокращалъ нравоучительными разсказами. Юноша, видя безпримѣрную приверженность старца, тысячекратно увѣрялъ его, что никогда не забудетъ такихъ милостей и клялся въ

безпредѣльной благодарности; но Дервишъ всегда твердилъ одно и то же: «сынъ мой! не словами, но дѣлами должно доказывать, что умѣемъ цѣнить священныя обязанности благодарности; придетъ время твоего испытанія и тогда посмотримъ въ состояніи ли ты доказать свою благодарность.»

Абунадоръ выздоровѣлъ и путешествіе продолжалось еще нѣсколько времени. Наконецъ они пришли въ такое мѣсто, гдѣ все доказывало, что ноги человѣка не касались этой земли. Абунадоръ почувствовалъ невольный трепетъ при одномъ взглядѣ на эту дѣвственную природу; напротивъ Дервишъ по видимому радовался тому, что достигъ желанной цѣли своего путешествія.

«Сынъ мой! сказалъ онъ Абунадору, здѣсь конецъ нашему долговременному странствованію. Мы теперь въ такомъ мѣстѣ, котораго не посѣщалъ никто изъ смертныхъ сколько ни старался всякій отыскать его. Въ нѣдрахъ этой земли сокрыты несвѣтныя сокровища. Я буду молить Аллаха, чтобы онъ отверзъ землю и указалъ намъ путь къ этимъ богатствамъ. Имѣешь ли ты довольно смѣлости, сынъ мой, чтобы спуститься въ подземную утробу и достать оттуда сокрытый кладъ?»

Абунадоръ полагалъ, что случай представился ему доказать свою благодарность. Требованіе Дервиша сначала показалось ему страннымъ, и ужаснуло его; но, восторжествовавъ надъ минутною своею нерѣшительностію, онъ далъ клятву старцу исполнить его приказаніе, увѣряя, что онъ совершенно можетъ положиться на его послушаніе и усердіе. Дервишъ приступилъ къ дѣлу: разложилъ огонь, бро-

силъ въ пламя ладона, читалъ и молился нѣсколько минутъ. Вдругъ разступилась земля предъ его ногами; разложенный огонь съ трескомъ исчезъ въ разсѣлинѣ и дымъ разсѣялся.

«Теперь ты можешь безбоязненно, любезный Абунадоръ, спуститься въ это отверстіе, сказалъ ему старецъ; но помни, что отъ тебя зависитъ весь успѣхъ предпріятія, вѣрнымъ выполненіемъ коего ты окажешь мнѣ великую услугу и что, можетъ быть, никогда болѣе тебѣ не представится случая доказать мнѣ свою благодарность. Тамъ въ углубленіи земли найдешь ты неимовѣрныя богатства; но не ослѣпляйся ихъ блескомъ, старайся отыскать только единственное сокровище — желѣзный подсвѣчникъ о двѣнадцати ручкахъ, который поставленъ близъ дверей; онъ мнѣ весьма нуженъ, поспѣши завладѣть имъ.»

Абунадоръ спустился въ пропасть. Онъ шелъ длиннымъ темнымъ корридоромъ и вдругъ очутился подъ блистательнымъ сводомъ, сіявшимъ отъ лучей алмазовъ и золота. Очаровательное зрѣлище! Абунадоръ не могъ насытить своихъ взоровъ этими драгоцѣнностями; онъ покушался было поживиться хотя милліонною долею этихъ драгоцѣнностей, но, вспомнивъ запрещеніе Дервиша, оставилъ свое намѣреніе. Но, подумалъ онъ, я сдѣлаю глупость, если не воспользуюсь благопріятнымъ случаемъ; можетъ ли старикъ знать исполнилъ ли я приказаніе его или преступилъ? по всему видно, что онъ хочетъ одинъ владѣть этими сокровищами, а меня томить въ вѣчной отъ себя зависимости. Долго

разсуждалъ юноша, стараясь увѣрить себя въ правотѣ своего намѣренія, и наконецъ вскричалъ: нѣтъ, этому не бывать! подойдя ближе онъ началъ выбирать отборнѣйшіе алмазы; они были одинъ другаго лучше и крупнѣе, такъ что Абунадоръ приходилъ въ отчаяніе отъ своей неопытности въ ювелирномъ дѣлѣ. Между тѣмъ время летѣло. Чтобы кончить это дѣло однимъ разомъ, онъ зажмурилъ глаза и сталъ брать изъ большихъ чашъ одинъ брилліантъ за другимъ безъ всякаго разбора и наполнилъ ими карманы.

Почувствовавъ необыкновенную тяжесть въ карманахъ, Абунадоръ открылъ глаза и увидѣлъ себя окруженнымъ непроницаемымъ мракомъ, удостовѣрившись вскорѣ, что сводъ самъ собою сомкнулся. Тутъ поздно вспомнилъ онъ предостереженіе Дервиша и, упрекая себя въ неуваженіи словъ его, думалъ только, какимъ-бы способомъ освободиться изъ подземной пещеры, которая неминуемо должна содѣлаться его могилою. Онъ долго ломалъ голову надъ этою трудною задачею, впалъ въ отчаяніе, рвалъ волосы, называя себя неблагодарнымъ негодяемъ и только молилъ Аллаха избавить его отъ ужаснаго положенія. На бѣду голодъ и жажда стали мучить его, но въ подземельи было только золото и драгоцѣнные камни, но ничего такого, что бы могло удовлетворить первымъ потребностямъ жизни.

Абунадоръ рѣшился попытаться нѣтъ ли выхода изъ подземелья и ощупью около стѣнъ подвигался впередъ. Вдругъ очутился у дверей. Тутъ стоялъ желѣзный подсвѣч-

никъ; онъ неожиданно удостовѣрился въ томъ по осязанію. Отворивъ дверь вошелъ въ другой корридоръ, столь же мрачный какъ и первый; опираясь руками о стѣну онъ шелъ впередъ на удачу; дорога казалась безконечною; выхода не было. Такъ странствовалъ онъ часовъ двѣнадцать, какъ вдругъ увидѣлъ слабое мерцаніе свѣта. Абунадоръ обрадовавшись ускорилъ шаги, по этому направленію, дошелъ до отверзтія горы и, очутившись на свѣжемъ воздухѣ, изнуренный отъ усталости, прилегъ на травѣ.

Пробудившись послѣ глубокаго сна, Абунадоръ озирался кругомъ, въ чаяніи увидѣть Дервиша, но его тутъ не было. Онъ всталъ. Тяжесть кармановъ напомнила ему о пріобрѣтенныхъ сокровищахъ. Онъ радовался, что можетъ жить независимо и богато. Помня долгъ благодарности, онъ рѣшился отыскать Дервиша, вручить ему подсвѣчникъ и, исполнивъ эту обязанность, разстаться съ нимъ навсегда и жить спокойно пріобрѣтеннымъ сокровищемъ.

Абунадоръ долго скитался по свѣту въ надеждѣ гдѣ нибудь встрѣтить старца, но стараніе его было безуспѣшно; однажды нечаянно очутился онъ предъ хижиною своей матери, которой не думалъ найти такъ близко. Съ непритворною радостію встрѣтила добрая старушка возмужавшаго своего сына, разспрашивала о случившемся съ нимъ со дня разлуки и не забыла навѣдаться о здоровьи Дервиша. Абунадоръ разсказалъ ей безъ утайки о своихъ похожденіяхъ и опасностяхъ, которымъ подвергался, желая исполнить волю Дервиша и какъ чрезъ это разбогатѣлъ.

При взглядѣ на золото и алмазы у старушки замерещилось въ глазахъ. Она была твердо увѣрена въ способностяхъ всезнанія Дервиша и думала что эти драгоцѣнности — подарокъ, которымъ можно безотчетно пользоваться.

Мать и сынъ не сводили взоровъ съ драгоцѣнныхъ камней, которые распространяли свѣтъ по всей хижинѣ. Тогда какъ они повѣряли другъ другу свои предположенія на счетъ блаженной будущности, вдругъ богатства предъ ними исчезли, а вмѣстѣ съ ними исчезли замки, сады, лакомыя кушанья и толпы невольниковъ — все, о чемъ они такъ сладко мечтали.

Абунадоръ былъ въ отчаяніи; рвалъ себѣ на головѣ волосы и вновь упрекалъ себя въ неблагодарности видя, что отъ всѣхъ сокровищъ остался ничего не стоящі желѣзный подсвѣчникъ; онъ въ горести воскликнулъ: я заслужилъ это наказаніе! все что я имѣлъ у меня отнято; остался одинъ подсвѣчникъ, но и тотъ долженъ я отдать Дервишу. Явное доказательство воли Аллаха! Онъ требуетъ, чтобы я предварительно исполнилъ свои обязанности, а потомъ уже наслаждался своимъ богатствомъ, которое такъ неправедно пріобрѣлъ.

Абунадоръ принялъ твердое намѣреніе отправиться въ путь на другой же день, отыскать Дервиша, вручить ему подсвѣчникъ и этимъ поступкомъ успокоить угрызенія совѣсти. Занятый этими мыслями онъ не замѣтилъ какъ наступила ночь. Желѣзный подсвѣчникъ о двѣнадцати ручкахъ стоялъ на столѣ; онъ зажегъ свѣчу и воткнулъ въ него.

Когда разгорѣлась свѣча, къ немалому его удивленію, появился какой-то Дервишъ, покружился вокругъ подсвѣчника полчаса, бросилъ мѣдную монету и исчезъ.

Это явленіе подстрекнуло любопытство Абунадора; оно занимало его весь слѣдующій день, который онъ провелъ дома, отложивъ предпринятое путешествіе до времени. Съ наступленіемъ ночи онъ поставилъ въ каждую ручку подсвѣчника по свѣчѣ; спустя нѣсколько минутъ, показалось двѣнадцать Дервишей; они, покружившись полчаса, также какъ и вчера скрылись, оставя двѣнадцать мѣдныхъ монетъ.

Абунадоръ каждую ночь продолжалъ эти интересныя занятія, которыя черезъ двадцать четыре часа совершеннаго успѣха, едва могли доставлять ему и матери только дневное пропитаніе. Этотъ случайный и слишкомъ ничтожный сборъ денегъ не удовлетворялъ алчности Абунадора; онъ желалъ имѣть неистощаемый запасъ богатства; а потому рѣшился доставить подсвѣчникъ Дервишу во что бы то ни стало, хотя было оставилъ эту мысль съ того времени, какъ узналъ магическое свойство подсвѣчника. Причиною внезапной перемѣны его мыслей была надежда получить за него отъ Дервиша прочныя богатства, которыми тотъ безъ всякаго сомнѣнія его надѣлитъ, судя по твердому намѣренію Дервиша завладѣть этимъ подсвѣчникомъ.

Не теряя времени, Абунадоръ отправился въ Магребы —мѣсто жительства Дервиша, отъ котораго неоднократно о томъ слышалъ ранѣе. Подсвѣчникъ снабжалъ его необходимыми въ пути издержками. Прибывъ въ этотъ городъ,

поспѣшилъ освѣдомиться о пребываніи Дервиша, которое такъ было извѣстно, что первый встрѣтившійся могъ указать его. Мѣстопребываніемъ Дервиша былъ огромный замокъ; входъ въ него стерегли пятьдесятъ привратниковъ, имѣвшихъ въ рукахъ булавы съ золотыми набалдашниками. На дворѣ замка толпились слуги и невольники; великолѣпіе и пышность, повсюду видимыя Абунадоромъ, далеко превосходили его ожиданія, такъ, что онъ не могъ осмѣлиться войти въ ворота этаго великолѣпнаго дворца. Вѣрно, думалъ онъ, это ошибка: я, можетъ быть, забылъ настоящее имя Дервиша, или тотъ, кто указалъ домъ его, захотѣлъ надо мною посмѣяться.

—Здѣсь ли живетъ Абдалла?—спросилъ онъ проходившаго мимо его невольника.

— Здѣсь! — былъ отвѣтъ.

— Да я спрашиваю Абдаллу, Дервиша, — повторилъ Абунадоръ.

— Ну да! —не хотя отвѣчалъ невольникъ.

Странно! подумалъ Абунадоръ; по всему видно, что здѣсь пребываніе Падишаха, а не жилище бѣднаго Дервиша, и оглянувшись, увидѣлъ приближавшагося къ нему богато одѣтаго Турка.

—Здравствуй Абунадоръ!—сказалъ ему Турокъ, подходя ближе; — повелитель мой Дервишъ Абдалла давно тебя ожидаетъ. —

Абунадоръ не нашелъ словъ для отвѣта, поклонился и безмолвно пошелъ вслѣдъ за Туркомъ; тотъ ввелъ его въ великолѣпный павильонъ, гдѣ находился Дервишъ.

Абунадоръ былъ внѣ себя отъ удивленія, видя роскошь, которая вездѣ отражалась богатствомъ хозяина; онъ не въ шутку подумалъ, что Абдалла долженъ быть самъ Падишахъ, обозрѣвавшій свои владѣнія инкогнито, въ одеждѣ Дервиша, и хотѣлъ преклонить колѣна предъ нимъ. Абдалла остановилъ его, и когда Абунадоръ, намѣреваясь выиграть его благорасположеніе, поднесъ подсвѣчникъ, Дервишъ привѣтствовалъ его не очень лестными словами.

«Неблагодарный! могъ ли ты подумать обмануть меня? Я знаю всѣ твои тайныя мысли: ты вѣрно не принесъ бы мнѣ подсвѣчника, еслибы только зналъ загадочныя его свойства, которыя сейчасъ увидишь на опытѣ.»

Тутъ Абдалла поставилъ въ подсвѣчникъ двѣнадцать свѣчей; чрезъ нѣсколько минутъ, явились двѣнадцать вертящихся Дервишей; Абдалла ударялъ каждаго магическою палочкою и въ то же мгновеніе они превратились въ кучи золота и алмазовъ.

«Вотъ польза, сказалъ Абдалла, какую можно извлечь изъ этаго чуднаго произведенія Аллаха! Впрочемъ я не для умноженія богатства желалъ имѣть этотъ талисманъ, но чтобы увѣковѣчить память одного мудреца, который былъ искреннимъ моимъ другомъ; подсвѣчникъ этотъ былъ дѣломъ многолѣтнихъ его изысканій въ области наукъ. Если хочешь удостовѣриться въ справедливости моихъ словъ, — вотъ ключъ, — иди въ мою сокровищницу, тамъ увидишь столько богатства, что самый отчаянный скряга ограничилъ

бы свои желанія, еслибы имѣлъ хотя сотую долю этихъ сокровищъ.»

Абунадоръ повиновался, сколько приказанію Дервиша, столько и собственному любопытству и пошелъ въ сокровищницу Дервиша. Двѣнадцать колоннъ поддерживали своды зданія, въ которомъ лежали кучи всякаго рода драгоцѣнностей. Абунадоръ, снѣдаемый завистью, внутренно досадовалъ, что возвратилъ Дервишу подсвѣчникъ, который въ одну минуту могъ надѣлить его несмѣтнымъ богатствомъ. Абдалла притворился, что не замѣчаетъ его страданій, оставилъ Абунадора у себя, ласкалъ и угощалъ какъ дорогаго гостя, предупреждая всѣ его желанія.

Наконецъ наступилъ день отъѣзда Абунадора. Дервишъ еще наканунѣ пригласилъ его къ себѣ, подарилъ ему лошадь и нѣсколько невольниковъ. Сверхъ того позволилъ ему навьючить двухъ верблюдовъ сокровищами, сколько они въ силахъ будутъ поднять, но съ условіемъ, не брать подсвѣчника.

Абунадоръ не могъ скрыть восхищенія, какое ощущаетъ скряга, нечаянно овладѣвшій несмѣтнымъ богатствомъ. Наступила ночь, предшествовавшая отъѣзду: онъ лежалъ въ постелѣ, мечтая о счастіи, которое ожидало его утромъ.

Незамѣтно миновала безсонная ночь и чѣмъ ближе наступало время видѣть себя богачомъ, тѣмъ болѣе возрастало тайное желаніе Абунадора владѣть богатствомъ болѣе того, сколько въ состояніи увезти два верблюда. Онъ съ

сожалѣніемъ вспоминалъ о магическомъ подсвѣчникѣ, съ которымъ принужденъ будетъ разстаться.

Такъ долго имъ владѣть, воскликнулъ Абунадоръ и не успѣть воспользоваться чудесными его свойствами по незнанію извлекать изъ него пользу. Безъ меня не удалось бы Дервишу усвоить его. А сколько страха, сколько тоски и мученій я претерпѣлъ за этотъ подсвѣчникъ въ подземельѣ и за всѣ эти страданія не я, а другой имъ владѣетъ! Почему же не я? развѣ потому, что я былъ столь честенъ, или лучше сказать столь глупъ, что вручилъ его человѣку и безъ того съ избыткомъ богатому. Онъ теперь пользуется тѣмъ, зачто я претерпѣвалъ мученія, подвергался опасности быть заживо погребеннымъ или умереть отъ голода и жажды среди несмѣтныхъ сокровищъ. И мало ли было другихъ пожертвованій? Два года томительнаго путешествія для пріобрѣтенія подсвѣчника и нѣсколько мѣсяцовъ, употребленныхъ для отысканія Дервиша, только второстепенныя услуги съ моей стороны. И за все это я получаю вознагражденія только двухъ верблюдовъ, навьюченныхъ золотомъ и алмазами, тогда какъ подсвѣчникъ въ одинъ мигъ можетъ вознаградить его въ десять кратъ болѣе его подарка. Кто же послѣ этаго неблагодарнѣйшій? развѣ не Абдалла? Безъ всякаго сомнѣнія нисколько не будетъ съ моей стороны несправедливымъ, отнять у него магическій подсвѣчникъ. Абдалла довольно богатъ, а я! что я имѣю? — Эти мысли тревожили Абунадора весь остатокъ ночи; вскочивъ съ постели, онъ твердо рѣшился, во что бы то ни стало, похи-

тить у Дервиша принесенный имъ подсвѣчникъ; ключъ былъ у него въ карманѣ и онъ пошелъ въ сокровищницу, куда Дервишъ вынесъ для храненія вмѣстѣ съ своими богатствами и волшебный подсвѣчникъ. Уложивъ этотъ талисманъ въ одинъ изъ мѣшковъ, наполненныхъ имъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, Абунадоръ приказалъ навьючить ими верблюдовъ, а самъ поспѣшно приготовился къ отъѣзду. Какъ человѣкъ, заглушившій совѣсть, онъ безъ смущенія возвратилъ ключъ Абдаллѣ, наскоро простился съ нимъ и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже за городомъ, на пути въ Бассору.

За два дня предъ пріѣздомъ въ этотъ городъ, Абунадоръ распродалъ своихъ невольниковъ и купилъ новыхъ, чтобы не имѣть при себѣ свидѣтелей прежней бѣдности. Торжественно въѣхавъ въ Бассору, онъ, хотя остановился въ хижинѣ своей матери, но едва удостоилъ ее своимъ надменнымъ взоромъ, мечтая единственно о своемъ богатствѣ; приказалъ развьючить верблюдовъ и тотчасъ занялся опытами надъ подсвѣчникомъ, чтобы скорѣе умножить свои богатства. Двѣнадцать свѣчъ горятъ въ подсвѣчникѣ; вотъ ужъ явились двѣнадцать Дервишей. Чтобы соблюсти въ точности весь обрядъ волшебства, заимствованный у Абдаллы, Абунадоръ, со всею энергіею отпустилъ каждому Дервишу по тяжеловѣсной оплеухѣ. Но онъ не замѣтилъ, что Абдалла при своей операціи, употребилъ въ дѣло лѣвую руку, и ударилъ ихъ правою. Увы! Дервиши не только не превратились въ золото, но каждый, вытащивъ изъ

подъ эпанчи по бамбуковой палкѣ, усердно начали осыпать его ударами, между тѣмъ какъ сострадательная мать, воздѣвъ руки къ небу взывала: Аллахъ да укрѣпитъ его плечи! Абу-надоръ не вынесъ; онъ вскорѣ безъ чувствъ растянулся на полу хижины. Эта траги-комедія кончилась тѣмъ, что въ то же время исчезли Дервиши, волшебный подсвѣчникъ, верблюды, невольники и мѣшки съ драгоцѣнностями.

Спустя нѣсколько дней пришелъ Абдалла и увезъ съ собой мать счастливаго несчастливца. «Твой сынъ одинъ изъ неблагодарнѣйшихъ людей, сказалъ онъ матери, онъ оставилъ тебя въ преклонныхъ лѣтахъ безъ призрѣнія, а потому никогда не будетъ подпорою твоей старости. Въ замѣнъ того, я постараюсь вознаградить твое усердіе и попечительность обо мнѣ во время продолжительной моей болѣзни.»

Съ того времени, старушка поселилась въ замкѣ загадочнаго Дервиша и провела роскошно остатокъ дней, а сынъ ея въ нищенскомъ рубищѣ, скитался изъ веси въ весь, разсказывая за кусокъ хлѣба назидательную повѣсть объ утраченномъ богатствѣ.

Ф. Вальневъ.

Очаровательница.

Въ скромномъ, простенькомъ уборѣ
Съ откровенностью въ рѣчахъ,
Съ дѣтскимъ смѣхомъ на устахъ
Съ рѣзвой радостью во взорѣ—
Помню я какъ ты была
И прекрасна и мила;
Побѣждаемая лѣнью
Ты раскинулась подъ тѣнью
На живомъ коврѣ травы.
Взоръ былъ полонъ чудной нѣги
И сбѣгали съ головы
Самовольные побѣги
Русыхъ шелковыхъ волосъ:
На щекахъ румянецъ алой
Былъ живѣе юныхъ розъ
И дыханье колебало

Грудь твою какъ двѣ волны
Подъ прозрачной пеленою. . .
Я стоялъ передъ тобою:
Помню были мы одни.
Взоръ свой огненный, прелестный
Вдругъ склонила на меня
Ты съ улыбкою небесной:
И тогда блаженъ былъ я!

N. N.

Петръ Великій.

При шумѣ царственныхъ волненій,
Народныхъ смутъ и мятежей
Возникъ Петра зиждитель—Геній,
Судьбами правившій Царей.
Его народъ въ Европѣ новый
Народъ могучій и суровый,
Еще въ невѣжествѣ дремалъ;
Уставы свято чтя родные
Всѣ предразсудки вѣковые
Онъ также свято сохранялъ.

Вездѣ крамолы и коварство,
Вездѣ господствовалъ хаосъ;
Пол-міровое гибло царство;
Дряхлѣлъ полунощи колоссъ;
Подъ сѣнью смертнаго тумана
Слабѣли силы великана;

Ему готовъ былъ смертный одръ;
Но вдругъ, какъ фениксъ, жизнью новой
Онъ закипѣлъ, расторгъ оковы,
И всталъ отъ сна: явился Петръ!

О Государь, Великій въ мірѣ,
Творецъ родимой стороны,—
Великій въ рубищѣ, въ порфирѣ
И на конѣ въ пылу войны!
Какой художникъ вдохновенный
Твоимъ величьемъ изумленный
Изобразитъ Тебя Герой?
Нѣтъ! это трудъ неодолимый;
Твои дѣла неисчислимы;
Свершилъ Ты подвигъ вѣковой!

Оставя предковъ тронъ священный,
Для блага родины Своей
Надѣлъ Ты рубище смиренно;
И, удалясь отъ всѣхъ честей,
Въ чужой странѣ,— державный плотникъ,
Царь милліоновъ,—какъ работникъ,
Въ поту кровавомъ и въ пыли
Между матросами трудился,
Достойнымъ трона быть учился,
Достойнымъ Русскія земли!

И Самъ—державное свѣтило
Своей Россіи и судья—
Ты самъ служилъ ей до могилы
Какъ лучшій подданный ея;
Любилъ, берегъ ее, лелѣялъ,
И на родимой почвѣ сѣялъ
Ея блаженства сѣмена.
Какъ солнце, грѣлъ ее Собою;
Живилъ державною рукою,—
И какъ возвысилась она!

Для ней, въ пылу войны кровавой,
При громахъ смерти боевой
Въ борьбѣ съ вождемъ, любимцемъ славы,
Для ней Ты жертвовалъ Собой.
И въ мигъ ужасный, незабвенный:
Толпой несмѣтной окруженный
Своихъ завистливыхъ враговъ
Ты—побѣдитель величавый,
Вѣнчанный лаврами Полтавы—
Для ней погибнуть былъ готовъ.

Когда въ семействѣ Исполина
Преступный замыселъ созрѣлъ,
На жертву ей роднаго сына
Ты принести не пожалѣлъ;

Забылъ и узы Ты родные!
Какъ человѣкъ, какъ Царь Россіи,
Вездѣ во всемъ равно великъ!
Какъ всемогущая природа,
Ты создалъ жизнь и мощь народа,
Законъ, искуства и языкъ.

И Русь теперь живетъ Тобою,
Ты вѣковую жизнь ей далъ;
Своей зиждительной душою
Ее скрѣпилъ, образовалъ —
И въ благодарности священной,
Передъ Тобой, благословенный!
Держава юная Твоя
Благоговѣетъ отъ начала.
О если бъ Бога Русь не знала,
Ты былъ бъ Богомъ для нея.

Никифоръ Борисовъ.

Море.

Вотъ оно! сѣдое море
На свободѣ, на просторѣ;
Вотъ прибрежныя скалы,
Вотъ могучіе валы
Со скалами въ вѣчномъ спорѣ!
Этотъ шумъ сѣдыхъ валовъ
Дикой вой могучей бури,
Мракъ громовыхъ облаковъ
Вмѣсто солнца и лазури
Душу мрачную мою
Веселятъ: она имъ рада;
Въ этомъ хаосѣ я пью
Непонятную отраду. . .
Это море—жизнь земная;
Эти вихри—страсти зла;
Вѣра въ душу запертая—
Это мощная скала!

Для нея не такъ опасны
Вихри, громы и валы;
Ихъ усилія напрасны
Предъ могуществомъ скалы.
Но въ груди ея таится
Огнь могучій—сѣмя зла
И его-то лишь страшится
Неподвижная скала.

Александръ Кусиковъ.

Грамота Патріарха

ФИЛАРЕТА

Божію милостію се азъ смиренный Великій Господинъ и Государь Святѣйшій Филаретъ Патріархъ Московскій и всея Русиі. Билъ намъ челомъ отстуденаго моря Двинянинъ попъ Ксенифонтъ чтобъ намъ его пожаловати благословити лѣсъ ронити и бревна возити і втомъ лѣсу воздвигнути новоі храмъ во имя причистыя Богородицы честнаго и славнаго еѣ успенія на томъ же наволоке Архангильского города надъ Двиною по нижнюю сторону и гостиныхъ дворовъ на жабинскомъ наволоке на новомъ мѣсте і язъ смиренный и великиі Господинъ и Государь святѣйшиі Филаретъ Патріархъ Московскиі і всеа Русіи попа Ксенифонта пожаловалъ благословить на те храмъ велѣлъ лѣсъ ронить и втомъ лѣсу воздвигнуть новоі храмъ во имя пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея успенія на томъ же наволоке Архангильского города надъ Двиною по нижнюю сторону и гостиныхъ дворовъ на жабинскомъ наволокѣ на боркахъ на новомъ мѣсте, а какъ тое храмъ совершитца и на тотъ новоі храмъ и антиминсъ дать и освятити храмъ ему попу Ксенифонту здьякономъ по правиломъ свя-

тыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ — писано на Москве лѣта 7134 Марта въ 17 день.»

Внизу грамоты приложена сургучная печать съ изображеніемъ благословляющей руки, а вокругъ надпись: *Божіею милостію святѣйшій Патріархъ Филаретъ.* На оборотѣ грамоты написано: *Діакъ:* имя и фамилія его слиняла отъ подмочки грамоты. *справилъ Федка Ивановъ. Печатныя пошлины взяты.*

О непріятельскихъ дѣйствіяхъ Шведской эскадры въ Бѣломъ морѣ въ 1701 году.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СОВРЕМЕННЫЙ РАЗСКАЗЪ.

1701 года Сентября въ 26 день домовой, Преосвященнаго Афанасія Архіепископа Холмогорскаго и Важескаго, тонного семужья промысла извозной карбасъ съ рыбою семгою на Холмогоры пришелъ, а на томъ карбасѣ съ домовыми ево Архіерейскими людьми пришелъ тогоже семужья промысла покрученикъ вотчины Соловецкаго монастыря Кѣмского городка житель Ивашко Тимофѣевъ сынъ, прозваніемъ Вожеватого, а по вѣдомости онъ Ивашко прешедшаго лѣта прежъ того домоваго семужья промысла былъ онъ на Свѣйскихъ непріятельскихъ воинскихъ корабляхъ, которые корабли шли къ Архангельскому городу.

И по имянному Преосвященнаго Архіепископа указу онъ Ивашко о бытности полонной спрашиванъ и сказалъ: сего же 1701 года въ великой постъ на шестой недѣли отъ Кемлянина Соловецкаго монастыря отъ крестьянина отъ Андрюшки Бѣлоусова пошли они къ Круглому становищу четырьми судами

ранной заледной первой рыбы трёски промышлять на сушенье шестнадцатью человѣки. И напромышляли же трёски и насушили только съ тысячу трёсокъ; потому что де въ томъ мѣстѣ рыбы трёски при нихъ ходу не было, а у того де Круглого становища жили они недѣли съ три или съ четыре и отъ того де Круглого становища забрався они пришли къ Святому носу въ лопское становище и промышляли въ голомя, отъѣзжая на ярусахъ, рыбу палтосину и въ томъ де становищѣ выѣзжали они на ярусъ дважды и въ тѣ де два случая на четыре судна полтосины уловили они пудовъ десятка съ два да трёски удебной трёсокъ съ тысячю и въ Петровъ де постъ до Петрова дни не задолго выѣхали они на ярусы всѣми четыреми судами для рыбного лову они Ивашки двуми судами стояли на ярусахъ съ голоменною сторону, а другіе два судна стояли съ береговую сторону и въ тотъ де третій случай попало имъ рыбы полтосины на два судна пудовъ сотня и учали они кубасную выбирать: хотѣли въ иное мѣсто ярусы метать и по утру де рано къ тѣмъ ихъ ярусамъ съ голоменной стороны съ моря пришла къ нимъ воровская Свѣйская яхта парусомъ о самое промышленное ихъ судно и съ той яхты иноземецъ спросилъ у нихъ промышленниковъ по Русски естьли де рыба трёска продажная, а они промышленники надѣялись, что та яхта торговая, продажную рыбу у себя сказали и звали ихъ къ себѣ на яхту и они промышленники подавъ отъ себя изъ судна на яхту веревку и съ яхты тогда къ нимъ въ судно бросилось пять человѣкъ салдатъ воровскихъ людей и ихъ промышленниковъ учали они толкать и

посылать на яхту и они на яхту не пошли и съ яхты къ тѣмъ салдатамъ учали подавать сабли да шпаги и тѣми де сабли и шпагами учали надъ головами ихъ махать и они видя, что та яхта воровская, по неволи съ судна своего на яхту пошли, а съ судна ихъ парусъ и хлѣбъ и квасны бочки и всякую посуду и уловную рыбу на яхту обирать и уды, палтосы все обрали; весла и бабки отбили и сѣкли на дрова и оба судна разсѣкли и спустили на море въ голомя, а другіе ихъ два судна, которыя стояли съ береговую сторону отъ того полону спаслися, ушли въ гору и на яхтѣ у нихъ учали кресты съ шей, у которыхъ серебряные, обрывать и серебряные кресты къ себѣ брали, а мѣдные и оловяные назадъ имъ отдавали и платье нарочитое отбирали же, а начальней де человѣкъ на той яхтѣ былъ первому того войска Генералу племянникъ, возрастомъ середней человѣкъ, сухопаръ, лицо бѣло, волосы накладные, на головѣ шляпа, платье: кафтанъ на немъ камчатой длинной, цвѣтомъ темновишневой, на ногахъ башмаки Немѣцкіе. И вскорѣ те у нихъ ножи съ поясовъ обрѣзали и поясы и огнива съ трудоношами отбрали и спустили ихъ въ яхту въ нижнее житье и свое всякое ружье оттудъ все отбрали же и приставили къ нимъ караульщиковъ со шпаги и съ сабли и тогдаже вскорѣ съ той яхты начальной человѣкъ взявъ отъ яхты ботъ и взявъ промыслу ихъ большой палтосъ свѣжей, да отъ нихъ Ивашка съ товарищи взявъ полоненника Соловецкого же крестьянина Пудожемца Данилка Вахрамѣева сына Пельякина и въ томъ боту ѣздилъ онъ Начальной человѣкъ на большой корабль къ дяди своему къ

Генералу, а какъ де ихъ дяди и племянника имяны зовутъ того онъ Ивашко не знаетъ. И тотъ же Начальникъ племянника своего избранилъ по Немѣцки матерно за то, что де во многихъ судахъ промышленныхъ Русскихъ людей упустили съ ярусовъ въ гору и вѣсти о приходѣ ихъ подали. И того палтоса тотъ Начальникъ у племянника своего не принялъ, а ту де брань тотъ полоненикъ товарищь ихъ Данилко Пельякинъ слышилъ: потому что де онъ Свѣйскій языкъ знаетъ. И тогда же тотъ первой Начальникъималъ ево Данилка къ себѣ на корабль въ казёнку и взявъ со стѣны саблю и ту саблю обнажилъ и сѣлъ за столъ, а саблю держалъ въ рукѣ и спрашивалъ ево Данилка о родинѣ: откуду онъ родомъ и тотъ де Данилко сказался ему Начальнику родомъ Кѣмскаго Уѣзду Пудожемской волости житель. А при роспросѣ де претилъ ему смертною казнью, естьли онъ станетъ неправду сказывать. И сказалъ де онъ Данилко: бывалъ де онъ Свѣйскаго рубежа въ Кариберѣ городѣ и по инымъ Свѣйскимъ поселищамъ, въ Торнемѣ да во лопскомъ для торговаго промысла и сказалъ ему сверхъ того: знаетъ де онъ въ тѣхъ мѣстѣхъ Начальныхъ людей: въ Кариберѣ городѣ Полонестера и Таможниковъ, а отъ Карибера города въ тридцати верстахъ знаетъ четвертного владѣльца протопопа Провастія. И послѣ того спросилъ его о верстахъ, колько верстъ отъ Кеми до Свѣйского рубежа и Данилко де сказалъ полтретьяста верстъ до торговыхъ иноземцовъ до Томаса да до Габолова, которые живутъ на дорогѣ, а Сума де отъ Кеми разстояніемъ въ восмидесятъ верстахъ, устье Кѣмское ото Кѣмского городка въ

тридцати верстахъ, да спросилъ отъ Кузововъ острова салмою до Соловецкого монастыря много ли верстъ и Данилко де сказалъ: той де салмы тридцать верстъ. И спрося де о тѣхъ верстахъ взялъ онъ Начальней человѣкъ книгу и смотрилъ о разстоянiи по чертежамъ и видя, что онъ Данилко о разстоянiи верстъ отъ мѣста до мѣста сказалъ правду и онъ де Начальней человѣкъ выговоривъ: пожалованъ де онъ Данилко, и саблю онъ положилъ во влагалище и далъ ему двѣ сажени табаку, да три роморки вейна, и выговоривъ ему Данилку онъ Начальникъ по Нѣмецки — Свiйскимъ языкомъ: веню лялле та Готцко таллл маллл (т. е. Русакъ хочешь ли на Русь), и онъ де Данилко за то ему въ ноги поклонился. И съ племянникомъ де своимъ вышереченнымъ Начальникомъ же ево Данилка отпустили на вышеписанную яхту. И тогдажъ де тотъ большой Начальникъ съ карабля засмотрилъ въ голомени на ярусахъ изъ подзорной трубки промышленниковъ и послалъ по тѣхъ промышленниковъ салдатъ двѣнадцать человѣкъ и тѣ салдаты приѣхавъ къ ярусу въ боту, а промышленники де тогда привязався у яруса въ суднѣ спали и взяли ихъ сонныхъ и судно связали за ботъ и повезли къ караблю и какъ де кормщикъ того судна пробудился и увидя, что ихъ везутъ и онъ отъ боту ихъ веревку отрѣзалъ, хотѣлъ утти и они де салдаты стали ихъ бить урывками веревочными и привязали ихъ къ яхтѣ: на которой они Ивашко съ товарыщи были, а тѣ де промышленники Кѣмляне Ивашко Елисѣевъ сынъ прозванiемъ Скоба и учали де ихъ промышленниковъ съ товарыщи осмь человѣкъ съ яхты посылать къ тому Ивашку

Скобы въ судно для отпуску на Русь и борошень де учали имъ отдавать, которой похуже, а доброй у себя удержали да парусъ де у нихъ новой задержали и они де промышленники ѣздили на большой карабль къ первому вышереченному Начальнику и били челомъ, чтобы онъ приказалъ имъ съ яхты взятой ихъ парусъ отдать и онъ де Начальникъ посылалъ на яхту Капитана салдацкого и велѣлъ имъ тотъ парусъ отдать и тотъ де парусъ по приказу имъ отдали тотчасъ, а тотъ де Капитанъ остался отъ нихъ на яхтѣ, а всѣхъ было большихъ три карабля да четыре яхты и всѣ де карабли и яхты ходятъ вмѣстѣ караваномъ и яхты де на ходу скоры, а карабли потишае, а на большомъ караблѣ пушекъ на верхныхъ полубахъ отъ каземки до . . . носу пушка возлѣ пушку кругомъ всего карабля, а на яхтѣ, на которую ихъ взяли, было пушекъ съ двѣнадцать, а на прочихъ кораблякъ и на яхтахъ много ли пушекъ было того они подлинно сказать не знаютъ, потому, что они не были, а людей де воинскихъ на большомъ караблѣ было человѣкъ съ двѣсти только де люди у нихъ не всѣ ровны, иные крупны, а иные и худородны, а на яхтѣ люди были все бѣдные и возрастные и на всѣхъ карабляхъ и на яхтахъ людей многое число было. И какъ они было пошли къ Руси и тогда де они на карабляхъ и на яхтахъ всѣ выкопились на полубы и смотрили имъ въ слѣдъ, а жили они въ полону у нихъ только сутки. — И на яхтѣ де у солдатъ платье нарочитое, суконное цвѣтомъ лазоревые и зеленые, кафтанъ съ прорѣхами, а рукавицы на рукахъ—перстядки до завоевъ ровдужны, а отъ завоевъ до локотъ лосинные; а от-

пустили ихъ промежъ Лумбуевскими островами и старцевою губою по сю сторону Святаго носу и пристали къ наволоку повыше той Старцовы горы къ берегу и пошли въ свое лопское вышеписанное становище и убрались со всѣми заводы двуми судами пошли къ Руси Терскимъ берегомъ съ вѣстью, чтобы жители по берегамъ жили отъ тѣхъ воровскихъ караблей опасно, а онъ Ивашко съ товарыщи на дву судахъ восмьюжъ человѣки пошли къ Архангельскому городу съ рыбою и перенялись на зимнюю сторону къ рѣки пицамъ къ Архіерейской домовой тони и услышали на зимной сторонѣ, что де воровскіе Свѣйскіе люди Николаевского Корельского монастыря лодью взяли и сожгли и людей—человѣкъ съ сорокъ въ полонъ взяли и Куйское усолье и Пялицу выжгли и тутъ де ево Ивашка на Архіерейской тони Ярафей Якимовъ подрядилъ изъ седьмой рыбы на покрутъ и онъ де Ивашко у него Ярафея на тони остался, а съ рыбою товарыщи ево на дву судѣхъ пошли къ Архангельскому городу.—Да какъ де вышеписанной Данилко Пельякинъ былъ на большомъ караблѣ у Начальника и тогда де у Сары работного онъ спросилъ куда де они на караблях и на яхтахъ идутъ и Сара де ему сказалъ: идутъ де они на Архангелъ торговать, а стоять де у Архангела будутъ они два мѣсяца и то де онъ Сара сказывалъ и называлъ тѣ карабли и яхты торговыми—ложно для того, чтобъ вѣсти не было, что они воинскіе.

Изъ рукописи неизданной.

Прости.

ИЗЪ АЛЬБОМА.

Едва за склономъ горъ умретъ
Послѣдній лучъ зари румяной
И тихая луна взойдетъ
Надъ изумрудною поляной;
Едва заблещутъ надо мной
Небесъ мерцающія звѣзды
И селянинъ, склонясь главой,
Закроетъ дремлющія вѣжды—
Приду, душою изнывая,
Тебѣ вздохъ сердца принести,
Сказать: подруга молодая
Еще въ послѣдній разъ прости!
Луна свершитъ обычный кругъ,
Востокъ блеснетъ лучемъ Авроры
И ты увидишь тотъ же лугъ
И тѣ же рощи, тѣ же горы,
И ясный день угаснетъ вновь,
Взойдетъ опять луна златая

И ночь разстелетъ свой покровъ,
Звѣздами яркими блистая;
Но другъ послѣдній часъ съ тобою
Уже не придетъ провести
Въ тоскѣ съ растерзанной душой
Не скажетъ: милая прости!
И времени полетъ живой
Мое изгладитъ впечатлѣнье;
Неясный, грустный образъ мой
Умретъ въ твоемъ воображеньи;
Не будетъ думы омрачать
Летучій сонъ воспоминаній,
И ты не будешь понимать
Моей тоски, моихъ страданій! . . .
А я, я обреченъ нести
Тяжелый крестъ: я въ бой кровавый
Иду и тамъ на полѣ славы
Скажу послѣднее прости!

Ширковъ.

Два Путника.

Застилали небо тучи
Громъ надъ бездной рокоталъ
И Эола сынъ могучій
Вихорь въ полѣ бушевалъ.
Дождь лился; шумѣла Клида
За волной волна неслась
И во тьмѣ, какъ мечъ Алкида
Грозно молнія вилась.
Вдоль подошвы горъ Картландскихъ
Надъ крутящейся рѣкой
Шли два воина Шотландскихъ
Незамѣтною тропой.
Видъ геройскій, величавый
Обнаруживалъ въ одномъ
Рыцаря—любимца славы:
Крѣпкій панцырь былъ на немъ;
Шлемъ съ опущеннымъ забраломъ
Гордый видъ чела скрывалъ;
Все героя въ немъ являло:
Пламень битвъ въ очахъ сіялъ;
Но порой какъ бы случайно
Ѳмрачался свѣтлый взоръ
И тогда съ тоскою тайной

Онъ смотрѣлъ на темя горъ.
Былъ измученъ скорбью сильной
Его спутникъ молодой.
Взоръ печальный, взоръ умильный
Перловой блисталъ слезой.
Непонятенъ видъ унылый,
Ихъ загадочна печаль:
Чтожъ? иль силы измѣнили,
Иль утраты славы жаль,
Иль свирѣпый пламень боя
Ихъ отчизну пепелитъ?
Но кто эти два героя
И куда ихъ путь лежитъ?
То Валласъ коварства мститель,
Чудный доблестью герой,
Эдуарда побѣдитель,
Побѣжденный клеветой.
А другой—его другъ вѣрный
Юный рыцарь Сиръ Евѳинъ,
Воинъ въ битвахъ безпримѣрный.
Онъ идетъ за нимъ одинъ
Въ добровольное изгнанье
Изъ отчизны въ край чужой
Облегчать его страданье
Соучастія слезой.

Михаилъ Истоминъ.

Вопросъ.

Когда томитъ тоска невольно
И нѣтъ ни мысли, ни мечты:
Душѣ прискорбно, сердцу больно
Среди холодной пустоты,
А умъ загадками измученъ:
Зачѣмъ тогда нашъ грустный взоръ
Кого-то ищетъ, сердцу скученъ
Жилища тихаго просторъ?
Когда въ часъ утра благодатный,
Иль въ часъ вечерней тишины
Впиваемъ воздухъ ароматный
Очаровательной весны,
И сердце жизнію кипучей
И нѣгой сладостной полно:
Зачѣмъ, скажите мнѣ, оно
Тогда намъ думою могучей
О комъ-то тайно говоритъ
И счастье лучшее сулитъ?
Когда въ завѣтное мгновенье
На зовъ души въ плѣну земномъ
На насъ святое вдохновенье
Слетаетъ пламеннымъ орломъ

И въ пѣснѣ роскошныхъ созвучій
Спѣшитъ изъ нѣдръ сердечной тьмы
Высокихъ чувствъ порывъ могучій:
Зачѣмъ тогда желаемъ мы
На тайны собственнаго сердца
Въ чужихъ очахъ найти привѣтъ—
Найти по чувствамъ единовѣрца
И заслужить его привѣтъ?
Когда въ безмолвіи полночи
Мы видимъ грезы на яву,
Закрывъ на мигъ рукою очи,
Склоня усталую главу:
Зачѣмъ тогда мечта, какъ Фея,
Для насъ рисуетъ идеалъ
И все живѣе и живѣе:
Взоръ—двѣ звѣзды; уста—кораллъ
Съ очаровательной улыбкой
И стройный станъ и локонъ гибкой?
Какъ часто я въ тиши ночной
Въ подобный мигъ съ такой мечтой
Бываю счастливымъ ошибкой.
Въ забвеньи сладостномъ шепчу
Слова любви и со слезами
Хочу горячими устами
Прильнуть къ воздушному плечу.

А. Лузиковъ.

